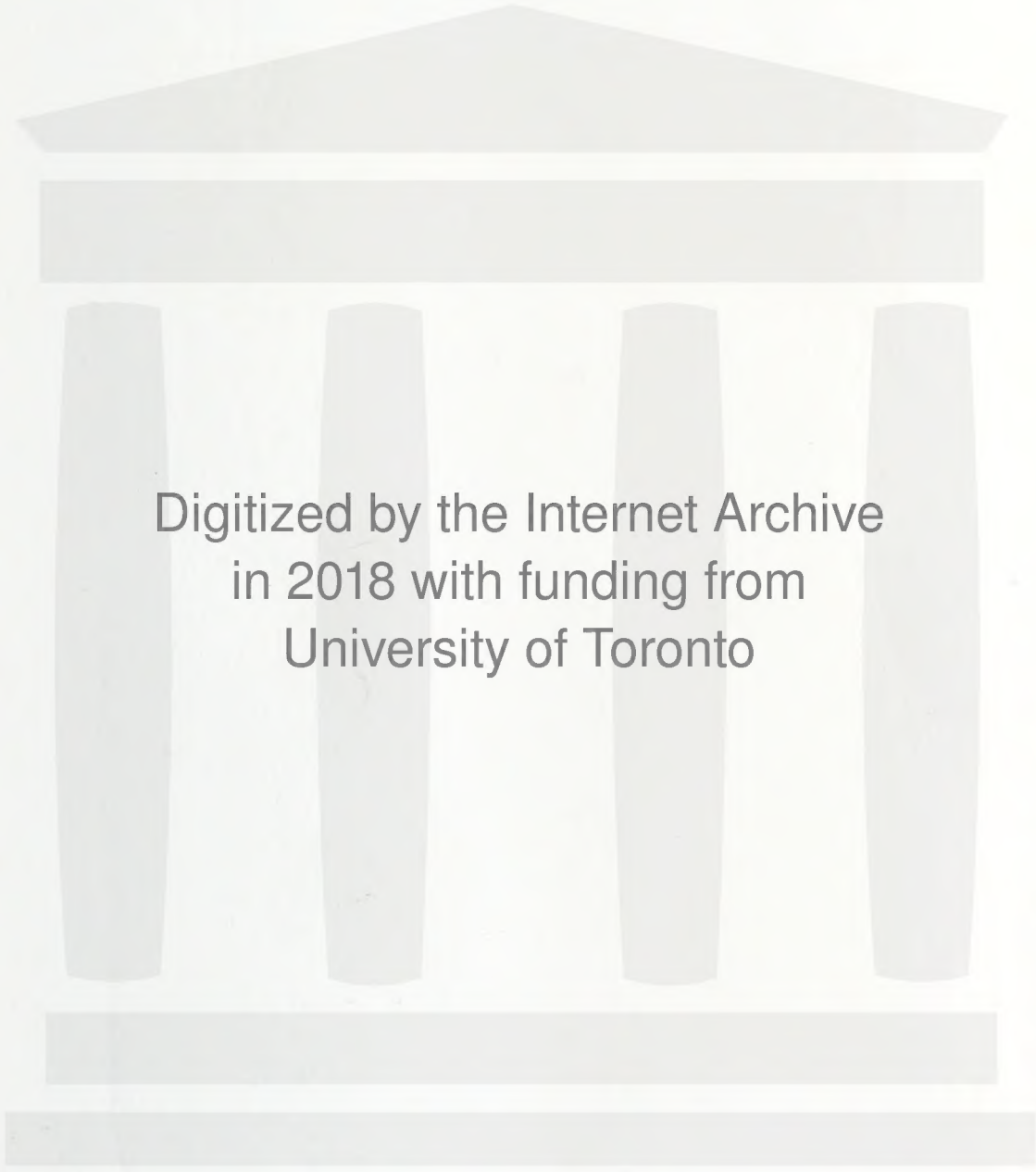
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324749 1

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

WILLIAM H. DONNER
COLLECTION

purchased from
a gift by

THE DONNER CANADIAN
FOUNDATION


Digitized by the Internet Archive
in 2018 with funding from
University of Toronto

https://archive.org/details/sobraniesochinen11solo

آ
79
v. 11

PG
3470
T4
1909
t.11

579563

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

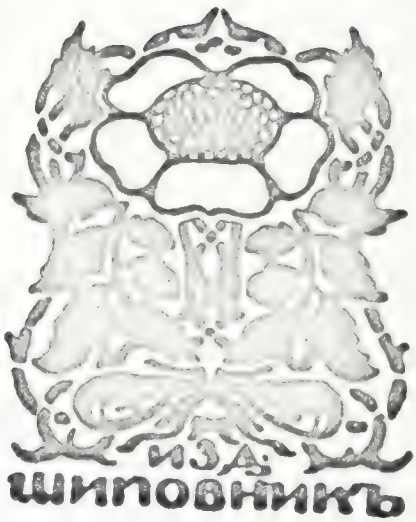
ѲЕДОРА СОЛОГУБА

ТОМЪ XI-й

ИЗДАНІЕ

ШИПОВНИКЪ

С. П. Б.


ИЗД.
ШИПОВНИКЪ

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

РАЗСКАЗЫ

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
579558
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
R 1912 L

Типографія „Т-ва Андерсона и Лойцянскаго", СПБ. Вознесенскій пр., 58.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

РАЗСКАЗЫ.

ЗАДОРЪ.

I.

Была война съ турками, и было броженіе въ умахъ, даже подростки много говорили и волновались. Товарищи Вани Багрецова, гимназисты четвертаго класса, на перемѣнахъ больше толковали о политикѣ, чѣмъ о своихъ школьныхъ интересныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ. Ваня кипѣлъ и горячился и въ гимназіи, за одно съ товарищами, и дома въ безконечныхъ ожесточенныхъ спорахъ съ бабушкою.

Однажды Ваня вернулся изъ гимназіи подъ впечатлѣніемъ новыхъ слуховъ, весь насквозь пропитанный негодованіемъ. Онъ вознамѣрился насказать бабушкѣ не мало горькихъ истинъ. О, конечно, онъ никогда не трогалъ бы ея,—старая, гдѣ ей понять!—но въ послѣднее время бабушка слишкомъ злобно нападала на молодежь, и даже позволяла себѣ лживыя утвержденія, которыхъ Ваня не могъ оставлять безъ отвѣта.

Не нравились и бабушкѣ и матери Ванины новые взгляды и его знакомства. Правда, товарищи заходили къ нему рѣдко; но тѣмъ было хуже. У Вани притомъ уже давно была привычка по вечерамъ гулять, и уходилъ онъ всегда одинъ; прежде на это не обращали вниманія, а теперь его, совершенно, впрочемъ, невинныя, прогулки по городскимъ улицамъ начинали казаться подозрительными и опасными. Ихъ еще пока не запрещали,—не было очевиднаго повода,—но и не поощряли: косились и ворчали каждый разъ.

Въ воинственномъ настроеніи вошелъ Ваня въ столовую, стараясь придать себѣ независимый видъ, но внутренно волнуясь въ ожиданіи предстоящей схватки. Его бойкіе сѣрые глаза, немного близорукіе, смотрѣли съ задоромъ и сердито.

Бабушка, высокая и худощавая старуха съ быстрыми движеніями и очень прямымъ станомъ, была уже „готова", какъ Ваня тотчасъ же подумалъ, взглянувъ на нее. Она энергично шагала по комнатамъ, и не обращала ни малѣйшаго вниманія на заигрыванія сѣраго, сытаго кота Коташки, который, таясь за ножкою стула, ждалъ, когда бабушка пройдетъ, и бросался на подолъ ея платья. Бабушкины темнокаріе глаза метали молніи, и черныя крылья ея кружевной наколки трепетали и развѣвались. Ваня сообразилъ, что это сердятся, зачѣмъ онъ опоздалъ: случилась необходимость зайти изъ гимназіи кое-куда по самонужнѣйшему дѣлу, и это заняло лишніе полчаса.

Бабушка такъ и набросилась на вошедшаго Ваню.

— А, передовой человѣкъ, милости просимъ, здравствуйте!—воскликнула она, иронически раскланиваясь.

Ваня счелъ долгомъ обидѣться за неуважительное обращеніе со словами, выражающими почтенное понятіе.

— Лучше быть передовымъ человѣкомъ, чѣмъ заловымъ,—немедленно же и съ достоинствомъ отрѣзалъ онъ.

— Прекрасно!—съ сердитымъ смѣхомъ воскликнула бабушка.—Очень прилично! Что же, это я, по-вашему, заловой человѣкъ? Какъ это мило! Продолжайте.

— Что жъ мнѣ продолжать!—запальчиво отвѣчалъ Ваня.—Если вы считаете, что постыдно быть передовымъ, значитъ, вы сами хотите быть заловымъ человѣкомъ.

— Хорошо, хорошо,— говорила бабушка, принимаясь расхаживать по комнатѣ.—На дерзости вы всѣ мастера, а еще материно молоко на губахъ не обсохло. Недоучки желтогубые, туда же суются учить всѣхъ!

Ваня жестоко покраснѣлъ; онъ не выносилъ намековъ на свои годы.

— Возрасть здѣсь не при чемъ,—заявилъ онъ рѣшительнымъ голосомъ, и съ вызывающимъ видомъ посмотрѣлъ на бабушку.

— Нѣтъ, при чемъ, при чемъ!—закричала бабушка, приходя въ сильное раздраженіе, и опять наступая на Ваню, —вы сперва научитесь хлѣбъ зарабатывать, а потомъ ужъ пофыркивайте.

— Г-мъ, да, вотъ что!—пробормоталъ Ваня, дѣлая чрезвычайно саркастическое лицо:

— Въ мои лѣта не должно смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Ваня имѣлъ пристрастіе къ литературнымъ цитатамъ, заимствованное имъ у бабушки; но старуха эти цитаты всегда толковала по-своему. Она сердито говорила, расхаживая изъ угла въ уголъ:

— Да, мы, старики, не должны своего сужденія имѣть; такъ, по-вашему, должно быть, выходитъ. Только вы, господа недоучки, можете обо всѣхъ судить и рядить съ плеча, —какъ же, министры какіе, подумаешь!

— Да я совсѣмъ не то говорю, вы меня не такъ поняли,— пробовалъ оправдаться Ваня.

Но бабушка волновалась и кипѣла.

— Гдѣ ужъ мнѣ, старой дурѣ, понимать такихъ умниковъ! У васъ вѣдь все по-своему, по новому: что мое, то мое, а что твое, то тоже мое,—такъ вѣдь у васъ говорится. Прекрасныя правила!

— Это вотъ вы все по-своему перевертываете,—съ досадою возражалъ Ваня.—Никто такихъ глупостей не говорилъ, и соціалисты вовсе не того желаютъ.

— Соціалисты!—презрительно протянула бабушка, и посмотрѣла на Ваню прищуренными глазами:—перевѣшать бы ихъ всѣхъ, этихъ соціалистовъ, да и друзей ихъ за одно,

отъ Петербурга до Москвы на всѣхъ деревьяхъ по десяти на каждое.

— Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ!—тихо молвилъ Ваня дрожащимъ отъ негодованія голосомъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше ты, батюшка, — опять накинулась бабушка на Ваню,—завиральныя идеи брось, а то съ ними далеко уйдешь. Незнайка-то себѣ лежитъ на печи, а знайка по Владиміркѣ бѣжитъ, вотъ оно что.

Ваня усмѣхнулся.

„Вѣдь какъ всѣ пословицы и примѣры коверкаетъ на свой ладъ“,—подумалъ онъ, и не могъ удержаться, чтобы не замѣтить:

— Завиральныя идеи—совсѣмъ не въ такомъ смыслѣ у Грибоѣдова сказано.

— Ну, ужъ я стара стала учиться по-вашему,—съ раздраженіемъ говорила бабушка, вставляя папиросу въ деревянный мундштукъ, и закуривая ее. — Мы по-просту учились. Въ наше время сходокъ не было, и уши выше лба не росли. Въ наше время мальчишки писемъ не получали Богъ вѣсть отъ кого, да на сходки не бѣгали. Вотъ заберутъ на сходкѣ-то васъ всѣхъ, недоучекъ желтогубыхъ, да и засадятъ. То-то будетъ радость родителямъ! Ну, да вѣдь нынче родители—что!

Бабушка скрыла огорченное лицо въ густыхъ клубахъ табачнаго дыма.

— Какія тамъ сходки!—угрюмо сказалъ Ваня. — Отчего же нельзя отъ товарищей получать письма?

— Нынче о родителяхъ вотъ какъ разсуждаютъ, — продолжала бабушка, не удостаивая его отвѣтомъ:—я, молъ, не виноватъ, что ты меня родила; а если бы я тебя родила, то я бы твоя мать была. Вотъ вы какъ нынче разсуждаете.

II.

Ваня призадумался о своемъ, и пересталъ спорить. Вчера онъ, точно, получилъ письмо. Вопросъ: прочли его или нѣтъ? Еще въ гимназіи сегодня утромъ онъ вспомнилъ, что имѣлъ неосторожность забыть это письмо дома. Теперь онъ еще не успѣлъ удостовѣриться, лежитъ ли оно на мѣстѣ. Спрятано оно довольно хорошо, но, можетъ быть, искали и нашли. Положимъ, если бы прочли его, то поняли бы, что дѣло идетъ вовсе не о сходкѣ. А и то можетъ быть, что прочесть—прочли, а поняли по-своему, ужъ очень нелѣпо и навыворотъ, „по своей всегдашней глупости", какъ мысленно выражался теперь Ваня.

Конечно, онъ раньше не замѣчалъ за матерью и бабушкою „такихъ подлостей" (опять его мысленныя слова), подсматриванья за нимъ и шаренья въ его бумагахъ, но все-таки, сердце его было непокойно. Кто ихъ знаетъ, очень ужъ они нынче съ чего-то кипятятся; притомъ же, какъ ни оправдывай содержаніе письма относительно затѣянной будто бы гдѣ-то сходки, а все же онъ счелъ бы большою непріятностью, если бы это письмо стало имъ извѣстно.

Замолчала и бабушка, и ходила по комнатѣ, распуская за собою дымовыя струи, и презрительно посматривая на мальчика.

Ваня подошелъ къ окну, и тупо глядѣлъ на улицу. Темнѣло быстро. Онъ, впрочемъ, и не старался разсмотрѣть что-нибудь; торопливая побѣжка немногочисленныхъ прохожихъ на противоположномъ тротуарѣ теперь нисколько не занимала его.

Воинственный пылъ его смѣнился жуткою тоскою. Сердце ныло въ его груди, хотѣлось плакать: онъ чувствовалъ себя одинокимъ, непонятымъ. Гордое сознаніе своей правоты,—что въ немъ! отъ него становилось еще хуже: оно вливало въ его тоску отраву безнадежности. Если бы онъ

былъ неправъ, это было бы гораздо лучше! Тогда онъ рѣшился бы исправиться, и теперь надѣялся бы, что все забудется, обойдется, „перемелется — мука будетъ“. Но онъ твердо знаетъ, что правъ. Онъ борется съ закоренѣлыми предразсудками своихъ домашнихъ. Эта борьба страшно трудна и тягостна его кроткому сердцу, которое такъ жаждетъ любви и ласки, и только не умѣетъ, гордое, ласкаться къ людямъ, и даже стыдится чувствительности.

Пришла Ванина мать, робкая пожилая женщина въ сѣренькомъ платьѣ, зажгли огонь, сѣли у окна въ ожиданіи обѣда, и тихо разговаривали. Потомъ скоро мать снова ушла.

III.

Подали, наконецъ, и обѣдъ, а Ваня все стоялъ у своего окна, и хмуро глядѣлъ на улицу. Гремѣнье стула, который кто-то двигалъ по полу, заставило его обернуться. Бабушка тащила къ столу тяжелый стулъ, на которомъ обыкновенно обѣдала, и который сегодня стоялъ у стѣны. Гримаса усилія на ея лицѣ смѣшивалась съ выраженіемъ крайняго негодованія и самой изступленной злости. Матери еще не было въ комнатѣ. Ваня не успѣлъ оказать бабушкѣ услугу, и она сама тащила свой стулъ.

„Вотъ до чего я доведена!“—такъ и кричала каждая черточка ея лица; каждая складка чернаго платья содрогалась отъ негодованія.

Ваня бросился на помощь, но слишкомъ поздно,—стулъ уже былъ водворенъ на мѣсто, и Ваня за свое запоздалое усердіе получилъ только толчекъ по плечу спинкою стула, когда онъ, тяжко брякнувъ задними ножками, грузно уставился передъ столомъ. Совершенно уничтоженный, Ваня сѣлъ на свое мѣсто. Мать,—она только что вошла,—поглядѣла на Ваню маленькими сѣрыми глазами, какъ на преступника

съ укоризною и съ ужасомъ. Потомъ она приняла кроткій видъ, вздохнула и принялась разливать супъ. Бабушка не глядѣла на Ваню, и грозно молчала.

— Могъ бы, я думаю, стулъ подать бабушкѣ,—заговорила мать, подавая Ванѣ тарелку.

— Гдѣ ужъ намъ съ тобой ждать, Варенька!—злобно возражала бабушка,—скоро онъ насъ бить станетъ.

— Что это будетъ, что будетъ!—вздохнула мать, и ея сѣренькое и маленькое лицо стало озабоченнымъ.

— Да, къ хорошему мы идемъ!

Бабушка молча съѣла свой супъ, и потомъ опять сердито заговорила, обращаясь къ Ванѣ:

— И чего они хотятъ? Нѣтъ, вы скажите мнѣ, чего имъ нужно?

— Всѣ знаютъ, что нужно,—буркнулъ Ваня.

Ему вообще, не очень-то нравился этотъ вопросъ, потому что онъ и самъ не совсѣмъ еще ясно понималъ кое-что. Напримѣръ, онъ очень страдалъ отъ того, что не читалъ еще Писарева. Поэтому передъ нѣкоторыми товарищами ему приходилось пасовать. А на дняхъ такъ онъ и совсѣмъ срѣзался: оказалось, что есть еще Чернышевскій, а такого онъ даже имени не слышалъ, и знающіе товарищи его пристыдили,—какъ же можно не знать!

— Вотъ какъ, всѣ знаютъ, только мы, старыя дуры, не знаемъ!—насмѣшливо сказала бабушка.

— Надо, чтобъ никого не обижали,—объяснилъ Ваня.

Бабушка продолжала допрашивать Ваню:

— Ну, отчего же они не выдутъ прямо, да и не скажутъ: вотъ чего мы хотимъ? Зачѣмъ же они подпольно дѣйствуютъ, коли они такіе хорошіе?

— Если они откроются, ихъ и повѣсятъ, и ничего не будетъ,—волнуясь и краснѣя говорилъ Ваня.

— Ну, такъ и ты тоже хочешь съ ними?—заговорила

мать съ отчаяніемъ въ голосѣ.—Тоже въ подпольные записался? Для того и на сходки къ нимъ бѣгаешь?

— Ни на какія сходки я не хожу, съ чего вы это взяли!—ворчливо говорилъ Ваня, съ презрѣніемъ посматривая на макароны, которыя были принесены послѣ супа, и теперь лежали на его тарелкѣ.

„Опять эти слизкія сосульки“,—досадливо думалъ онъ и, не разрѣзывая, захватилъ цѣлую макарону губами, и сталъ всасывать ее въ ротъ.

Бабушка этого не любила. но теперь почти не замѣтила. Она закричала:

— Какъ ни на какія сходки не ходишь! А вчера вечеромъ гдѣ изволилъ быть? А сегодня послѣ гимназіи?

— У больного товарища!

„Тебѣ-то что за дѣло“,—кончилъ Ваня мысленно.

„На зло“ имъ, хотя макароны были достаточно посолены, онъ подвинулъ къ себѣ солонку, запустилъ туда пальцы, и бросилъ щепотку соли на свои макароны. Тотчасъ же онъ подумалъ:

„И такъ гадость, а теперь какъ я буду ихъ глотать?“

Такого неприличія бабушка уже не могла вынести.

— Постыдись! Точно Іуда Христопродавецъ!—укоризненно воскликнула она.

— Хорошо вы евангеліе читали!—возразилъ Ваня.

— Что такое?—внушительно переспросила бабушка.

А мать только вздохнула удрученно, и покачала своею сѣренькою головою.

Помолчали. Ванѣ бы не слѣдовало возобновлять спора, но онъ не утерпѣлъ, и опять началъ спорить:

— Тамъ вовсе не про Іуду говорится, что хлѣбъ въ солонку обмакнулъ.

— Ну, извините, отъ старости забывать стала.

— Вотъ вы забыли, что прежде сами Трепова ругали,

а теперь, какъ въ него Засуличъ выстрѣлила, такъ вы его и хвалить стали.

Бабушка вскипятилась.

— Когда я его ругала?—гнѣвно спрашивала она.

Ваня продолжалъ запальчиво:

— Да вы и всѣхъ ругали, и за то, что отъ помѣщиковъ крестьянъ отняли, и за новые суды, и за все.

— Да,—злорадно сказала бабушка, — вотъ вамъ новые суды и отличились.

— Ну, такъ вотъ,—съ заносчивостью уличающаго говорилъ Ваня, — вы и ругали прежде правительство, а теперь-то вамъ чего же волноваться?

— Ты врешь, дерзкій мальчишка!—запальчиво крикнула бабушка, устремляя на Ваню сверкающій взоръ.

— Нѣтъ, я не вру!—рѣзко отвѣтилъ Ваня.

— Что жъ, я, по-твоему вру?

— Не я вру!—отрѣзалъ Ваня, и тотчасъ же сообразилъ, что этого не слѣдовало говорить.

Да онъ, кажется, и не хотѣлъ ничего такого сказать; просто хотѣлъ повторить: я не вру, да впопыхахъ не то вышло.

— Покорно благодарю! — съ ироническимъ поклономъ сказала бабушка, и мрачно принялась за свой кофе.

Ваня молчалъ. Мать вдругъ вся покраснѣла, задрожала, и сказала взволнованнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, ужъ это тебѣ такъ не сойдетъ. Наговорилъ дерзостей, обругалъ всѣхъ, да гоголемъ сидишь. Проси у бабушки прощенья!

Ваня упрямо молчалъ. Помолчала и мать.

— Слышишь ты, что я говорю?—спросила она, постукивая по скатерти кусочкомъ сахару.—Сейчасъ же проси прощенья, говорятъ тебѣ!

— Никакихъ дерзостей я не говорилъ.

— Ну, хорошо, —сейчасъ же я тебя высѣку.

Въ стаканѣ на поверхности кофе Ваня увидѣлъ свое, мгновенно покраснѣвшее до синевы, лицо. Онъ чувствовалъ, какъ у него краснѣютъ уши, шея и даже плечи. Это было совсѣмъ ново. Такъ съ нимъ давно не говорили. Ваня имѣлъ опредѣленный взглядъ на „подобныя проявленія родительскаго деспотизма относительно дѣтей". Себя къ дѣтямъ онъ не причислялъ,—но тѣмъ, конечно, возмутительнѣе угроза!

— Вы докажете этимъ только вашу дикость,—проговорилъ онъ трепещущими губами.

Сливочникъ сочувственно вздрагивалъ въ Ваниной рукѣ, но Ваня успѣлъ таки выловить, почти машинально, кусокъ пѣнки.

— Такъ только въ старину, при крѣпостномъ правѣ поступали, а теперь это пора оставить.

— Ну вотъ ты поругаешься еще, подожди немного, — быстрымъ говоркомъ отвѣтила мать, постукивая ложечкою по блюдечку.

Въ досадѣ и въ смущеніи отвернулся Ваня къ стѣнѣ, и съ трудомъ глоталъ кофе. Пѣнка пристала къ стеклу, но онъ забылъ о ней, и не заботился смыть ее кофейною волною, чтобы заодно отправить въ ротъ.

— Глядитъ на стѣну,—узоры какіе на ней нашелъ!—со злымъ смѣхомъ проговорила бабушка.

— Это ужъ у него злобная привычка такая,—объяснила мать:—мы недостойны, чтобы онъ глядѣлъ на насъ.

Ваня поставилъ стаканъ на столъ,—пѣнка такъ и осталась, облипши на краю стекла. По обыкновенію, онъ подошелъ поблагодарить обѣихъ. Ему не дали сдѣлать обычныхъ поцѣлуевъ, и онъ долженъ былъ поблагодарить такъ,—„всухомятку", пронеслось въ его головѣ.

— Впередъ, чтобы писемъ не было, и чтобъ по вечерамъ Богъ знаетъ куда не шляться,—рѣшительно приказала бабушка.

— Я не шляюсь, я хожу гулять, а письма получаю отъ

товарищей, и пишу имъ же, — дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ Ваня.

— И никакихъ писемъ не надо!

— Нѣтъ, надо!

— Слышишь, чтобъ не было писемъ!

— Нѣтъ, будутъ!

— Будутъ, будутъ? это почему?—крикнула бабушка.

— Потому, что я такъ хочу!

Бабушка злобно захохотала.

„Ишь ломается!“—подумалъ Ваня.

Мать закричала обиженнымъ голосомъ:

— Да какъ ты смѣешь такъ разговаривать! Нѣтъ, видно, одно осталось: сѣчь и сѣчь. Маршъ въ свою комнату, и жди тамъ.

IV.

Ваня стремительно выбѣжалъ изъ столовой, и бросился въ свою комнату. Сердце спѣшило биться.

„Пульсъ-то, пожалуй, теперь сто двадцать будетъ“,—почему-то подумалъ Ваня, подбѣгая къ своему столу.

Поспѣшно выдвинулъ онъ ящикъ. Перочинный ножикъ въ бѣлой костяной оправѣ бросился въ глаза, хоть и лежалъ въ сторонѣ, полуприкрытый бумагами. Онъ не помнилъ отчетливо, зачѣмъ ему нуженъ ножикъ, но зналъ, что именно это нужно. Ваня взялъ его съ чувствомъ горестнаго недоумѣнія. Жалкая улыбка пробѣжала по его пересохшимъ губамъ. Онъ торопился. Дрожащими, неловкими отъ волненія, жаркими пальцами оттянулъ онъ, и выпрямилъ лезвіе.

„Недавно наточено“,—подумалъ Ваня.

Лезвіе блеснуло. Ваня быстро подошелъ къ зеркалу, висѣвшему рядомъ съ окномъ. Невѣрный сумеречный свѣтъ

падалъ изъ окна прямо на Ванино лицо, а зеркало было въ тѣни. На Ваню изъ темнаго зеркала глянуло словно чужое, злобное лицо съ перекосившимся ртомъ. Ваня поднялъ ножикъ, и приставилъ его концомъ къ горлу съ лѣвой стороны.

„Какъ только войдутъ",—подумалъ Ваня, и прислушался. Но пока еще никто не шелъ, и Ваня глядѣлъ въ зеркало со злобою и отчаяніемъ. Въ эти минуты ни одно отрадное воспоминаніе не мелькнуло въ головѣ. Обрывки злыхъ и страшныхъ мыслей слетались въ нелѣпыя вереницы, и съ каждымъ ударомъ торопливаго сердца ударялось въ голову, какъ молотъ, безусловно-повелительное представленіе о томъ, что онъ неизбѣжно сдѣлаетъ, когда войдутъ. Поднявши ножъ правою рукою, Ваня лѣвою растегнулъ пуговицы, и обдернулъ курточку и рубашку книзу. Шея, бѣлая и тонкая, съ синеватыми жилками, обнажилась; Ваня поднялъ голову, и слегка провелъ ножемъ по тому мѣсту, гдѣ будетъ разрѣзъ.

„Такъ!"—сказалъ онъ себѣ, и поставилъ ножъ на прежнее мѣсто.—„Надо сразу, съ силой, глубоко ткнуть, и сейчасъ же, какъ можно сильнѣе, дернуть вправо",—сообразилъ онъ, и опять прислушался.

Все еще было тихо.

Онъ передалъ ножъ въ лѣвую руку, а правою, сжатою въ кулакъ,—какъ и раньше, когда въ ней былъ ножъ,—быстро и сильно сдѣлалъ то движеніе, которое надо будетъ сдѣлать тогда съ ножомъ.

„Такъ!"—еще разъ сказалъ онъ про себя,—„только надо отнести руку подальше",—и онъ еще разъ повторилъ то же движеніе съ большимъ размахомъ.

„Надо бы шведскій,—острѣе, сильнѣе, да ужъ некогда искать,—да и все равно!"

V.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги. Ножъ мгновенно очутился на своемъ мѣстѣ, въ правой рукѣ, сжатой въ кулакъ, противъ назначеннаго ему мѣста. Ваня стоялъ, напряженно закинувъ голову назадъ и немного вправо. Полные ненавистью и отчаяніемъ глядѣли на него изъ зеркала полуприкрытые злые глаза безумнаго мальчика, который сдѣлаетъ то, чего назвать не хочетъ Ваня, да, можетъ быть и не умѣетъ.

„Но отчего же не идутъ?"

Тамъ, рядомъ, сейчасъ ходили, теперь ушли. Часы начали бить. Гдѣ-то зашумѣли стуломъ. Слышенъ разговоръ, —далекій, одни только звуки.

Ваня опустилъ ножъ, повернулся къ двери, постоялъ немного, потомъ пошелъ тихонько, сжимая ножъ въ рукѣ, и придерживая другою разстегнутый воротъ, осторожно отворилъ свою дверь, и остановился на порогѣ. Было темно; въ слѣдующей комнатѣ, столовой, куда дверь была закрыта, горѣлъ огонь: онъ выдавалъ себя въ узкую щель внизу двери. Осторожно, на цыпочкахъ, Ваня подошелъ къ этой двери. Говорили о немъ.

— И гдѣ у него письмо это спрятано?—озабоченно разсуждала мать.

„Ага, не нашли",—радостно подумалъ Ваня.

— Слѣдить за нимъ, слѣдить хорошенько надо,— авторитетно говорила бабушка.

„Много выслѣдишь, грибъ старый",—подумалъ Ваня, застегивая курточку.

— Право, высѣчь бы хорошенько,—сталъ бы шелковымъ, —отчаяннымъ голосомъ сказала мать.

— Нѣтъ, Варенька, нельзя,—возразила бабушка.— Вотъ у нихъ духъ какой! Ему внушатъ товарищи, что это онъ за правду пострадалъ, а насъ въ газетахъ пропечатаютъ.

Да и что съ нимъ потомъ подѣлаешь: ожесточится, совсѣмъ отъ рукъ отобьется, подожжетъ, пожалуй, или убьетъ насъ, старухъ.

Мать заплакала.

— Господи, Господи, за что такое наказаніе! Вотъ дѣти, —расти ихъ, заботься, а вотъ благодарность: одно горе.

— Что дѣлать, Варенька, надо терпѣть, да слѣдить хорошенько. Постращать можно,—авось будетъ бояться.

VI.

Ваня тихо ушелъ къ себѣ. Ему вдругъ стало стыдно, что онъ подслушиваетъ.

„Ну такъ что жъ!"—тотчасъ же оправдался онъ передъ собою,—„зачѣмъ же они точно заговорщики! Однако, струсили! Эхъ, бабы!"

Ваня презрительно улыбнулся, и швырнулъ ножъ на прежнее мѣсто.

„Да и я дурака свалялъ".

Ваня зажегъ лампу, и подошелъ къ зеркалу. Оттуда мальчикъ съ раскраснѣвшимся и застыдившимся лицомъ печально улыбнулся ему, высунулъ языкъ, и сказалъ:

— Иди,—учи уроки.

„И стоило за ножъ хвататься!"—думалъ Ваня, разбирая тетради.—„Если бы и такъ, что за бѣда? Многіе хорошіе люди терпѣли безвинно. Развѣ оттого, что меня прибьютъ какіе-то обскуранты, я могу лишить общество своей полезной силы? Надо шире смотрѣть на вещи. Страдать за убѣжденія—не постыдно. Это для нихъ было бы стыдно. И зачѣмъ у нихъ такія мысли? Все эта старая ворона разстраиваетъ маму: подожгу, убью. Это ужъ подло такъ думать. Лучше бы ужъ высѣкли. И за что? Что я имъ сдѣлалъ?

Нѣтъ, впередъ не буду горячиться съ ними. Буду молчать, —и презирать ихъ отсталость".

Успокоивъ себя такими разсужденіями, Ваня рѣшилъ заняться уроками, открылъ тетрадь, взялъ перо, потомъ вдругъ бросилъ его на столъ, подбѣжалъ къ своей кровати, и, уткнувъ голову въ подушку, совершенно неожиданно для себя горько заплакалъ, всхлипывая, какъ мальчикъ.

„За что? за что? Что я имъ сдѣлалъ?"—въ тоскѣ повторялъ онъ.

Глупый мальчуганъ не могъ еще понять, что онъ сдѣлалъ тѣмъ, которыя тоже томились, глядя на его задоръ и неожиданную грубость.

СОЕДИНЯЮЩІЙ ДУШИ.

Гармоновъ по своей крайней молодости еще не зналъ мѣры вещей и посѣщеній, и приходилъ не во время, и не умѣлъ уйти во время. Наконецъ онъ почувствовалъ, что до одурѣнія надоѣлъ Сонпольеву. Спохватился, что отвлекъ Сонпольева отъ работы. Вспомнилъ, что все время Сонпольевъ былъ съ нимъ принужденно вѣжливъ, а иногда прорывался рѣзкими словечками.

Гармоновъ мучительно покраснѣлъ, словно подъ смуглою кожею его худощавыхъ щекъ разлилось внезапное пламя. Нерѣшительно приподнялся было. Опять сѣлъ, замѣтивъ, что Сонпольевъ хочетъ сказать что-то. Сонпольевъ досадливо сказалъ, продолжая разговоръ:

— Надѣть маску! Что вы хотите этимъ сказать?

Гармоновъ пробормоталъ смущенно:

— Притворяется. Конечно, иногда приходится.

Давая волю своему раздраженію, Сонпольевъ говорилъ, не дослушавъ Гармонова:

— Что вы въ этомъ понимаете! Что вы знаете о маскахъ! Нѣтъ маски безъ соотвѣтствующей души. Нельзя надѣть на лицо маску, не сочетавъ своей души съ ея душою. Иначе маска свалится.

Сонпольевъ замолчалъ, и хмуро глядѣлъ передъ собою. Не смотрѣлъ на Гармонова. Опять чувствовалъ къ нему туже, съ перваго знакомства возникшую, странную ненависть. Постоянно старался скрыть эту ненависть подъ личиною большой ласковости,—усердно звалъ Гармонова къ себѣ,

хвалилъ всѣмъ его стихи,—и время отъ времени безпричинно говорилъ Гармонову злыя, грубыя слова, отъ которыхъ застѣнчивый юноша краснѣлъ и сжимался. Ненадолго становилось жалко, а потомъ опять начиналъ ненавидѣть его медлительность, считалъ его скрытнымъ и хитрымъ.

Гармоновъ всталъ. Простился. Ушелъ. Сонпольевъ остался одинъ. Было досадно, что помѣшали работать. Теперь уже не было того рабочаго настроенія. Мучила какая-то темная злоба. Незначительный, повидимому, юноша Гармоновъ,—что въ немъ въ такой степени можетъ вызывать раздраженіе? Большой ротъ, длинное лицо, очень смуглое,—медлительныя движенія, тягучій голосъ,—за всѣмъ этимъ чувствовалась какая-то двухсмысленность и недоговоренность.

Сонпольевъ въ досадѣ прошелся по кабинету. Остановился передъ стѣною. Заговорилъ.

Въ наши дни много есть людей, которые ведутъ долгіе разговоры со стѣною,—собесѣдникъ воистину интересный! И вѣрный.

Сонпольевъ говорилъ:

— Такъ ненавидѣть, такъ мучительно ненавидѣть можно только то, что очень къ намъ близко. Но въ чемъ же тайна этой дьявольской близости? Какой демонъ, и какими нечистыми чарами связалъ наши души? Столь несходныя души! Мою, человѣка дѣятельной жизни, клонящейся къ успокоенію, и его душу, душу этого большеротаго юнца, хитраго, какъ заговорщикъ, и медлительнаго, какъ трусъ. И почему въ его характерѣ такое странное наблюдается несоотвѣтствіе съ его наружностью? Кто выкралъ изъ этого молокососа самую необходимую, самую лучшую часть его души?

Говорилъ тихо. Почти бормоталъ. Потомъ громко, досадуя, крикнулъ:

— Кто же сдѣлалъ это? Человѣкъ или врагъ человѣка?

И услышалъ странный отвѣтъ:

— Я.

Кто-то крикнулъ это слово рѣзкимъ, высокимъ голосомъ. Точно ржавая сталь прозвенѣла рѣзко, но тускло. Сонпольевъ нервно дрогнулъ. Оглядѣлся. Никого не было въ комнатѣ.

Онъ сѣлъ въ кресло, хмуро смотрѣлъ на столъ, заваленный книгами и бумагами, и ждалъ. Ждалъ чего-то. Стало жутко ожиданіе. Сказалъ громко:

— Ну, что же ты прячешься? Ужъ началъ говорить, такъ явись. Скажи, что ты хочешь сказать. Что тебѣ надо сказать?

Прислушался. Такъ напряжены были нервы. Казалось, малѣйшій шумъ потрясъ бы, какъ труба архангела.

И вдругъ смѣхъ. Рѣзкій, ржаво-металлическій. Точно раскручивалась пружина заводной игрушки, и дрожала, и звенѣла въ тихомъ безмолвіи вечера. Сонпольевъ схватился ладонями за виски. Облокотился на столъ. Прислушался. Смѣхъ затихалъ съ механическою ровностью. Было ясно слышно, что онъ исходитъ откуда-то близко, какъ будто даже со стола.

Сонпольевъ ждалъ. Напряженными глазами смотрѣлъ на бронзовую чернильницу. Спросилъ насмѣшливо:

— Чернильная нежить, не твой ли это смѣхъ?

Рѣзкій голосъ, непохожій на темный говоръ призраковъ, отвѣчалъ съ такою же насмѣшливостью:

— Нѣтъ, ты ошибаешься, и довольно неостроумно. Я— не чернильный. Развѣ ты не знаешь липкаго голоса чернильныхъ нежитей? Ты— плохой наблюдатель.

И опять смѣхъ,—опять зазвенѣла, раскручиваясь, ржавая пружина.

Сонпольевъ сказалъ:

— Не знаю, кто ты,—и какъ я могу это знать! Вѣдь я тебя не вижу. Только думаю, что и ты—такой же, какъ и вся ваша братія: вы около насъ постоянно, и все вы шны-

ряете и наводите на насъ тоску и иныя злыя чары, а на глаза намъ не смѣете показаться.

Пружинный голосъ отвѣтилъ:

— Я-то за тѣмъ и пришелъ, чтобы съ тобою поговорить. Ужъ очень люблю я говорить съ такими, какъ ты,—съ половинными.

Замолкъ.—и уже Сонно.ьевъ ждалъ смѣха. Подумалъ:

„Должно быть, онъ каждую свою фразу заливаетъ этимъ гнуснымъ хохотомъ".

И не ошибся. Странный посѣтитель, въ самомъ дѣлѣ усвоилъ такую манеру разговора: поговоритъ нѣсколько, и зальется ржаво-рѣзкимъ смѣхомъ. Казалось, что словами онъ заводитъ свою пружинку, и уже потомъ непремѣнно долженъ расхохотать ее.

И пока звучалъ, механически правильно затихая, смѣхъ, изъ-за чернильницы выдвинулся гость.

Онъ былъ маленькій, — весь, съ головою и съ ногами, ростомъ съ безыменный палецъ. Сѣро-стального цвѣта. Изъза малыхъ размѣровъ и быстрыхъ движеній не понять было, тѣло ли это тускло поблескиваетъ, или гладко пригнанная къ тѣлу одежда. Но, во всякомъ случаѣ, что-то гладкое, словно нарочно упрощенное. Туловище въ видѣ тонкаго бочонка, въ поясѣ пошире, въ плечахъ и въ тазу пуже. Руки и ноги равной длины и толщины, и одинаково ловкія и гибкія,—казалось, что руки слишкомъ длинны и толсты, а ноги несоразмѣрно коротки и тонки. Шея короткая. Лицо съ ноготокъ. Ноги широко разставлены. Въ низу туловища виднѣлось что-то въ родѣ хвоста или толстой шишки. Такіе же наросты были съ боковъ, подъ локтями. Движенія быстрыя, ловкія, увѣренныя.

Уродецъ усѣлся на бронзовую перекладину чернильницы, сбросивъ ногою тростниковую вставку пера, чтобы помѣститься поудобнѣе. Затихъ.

Сонпольевъ разсматривалъ его лицо. Худое, сѣрое, глад-

кое. Маленькіе, ярко блестящіе глаза. Большой ротъ. Оттопыренныя уши, островатыя сверху.

Сидѣлъ, уцѣпившись за перекладину руками, какъ обезьяна. Сонпольевъ спросилъ:

— Любезный гость, что же ты мнѣ скажешь?

И въ отвѣтъ зазвучалъ механически-ровный, непріятно-рѣзкій, словно ржавый голосокъ:

— Человѣкъ съ одною головою и съ одною душою, вспомни свое прошлое,—свое первоначальное прошлое тѣхъ древнихъ дней, когда ты и онъ жили въ одномъ тѣлѣ.

И снова смѣхъ, сверлящій слухъ, рѣзкій, звонкій.

Пока еще смѣхъ звучалъ, гость механически-ловко перекувырнулся, сталъ на руки,—и Сонпольевъ увидѣлъ, что утолщенный предметъ на мѣстѣ хвоста былъ второю головою. Она ничѣмъ не отличалась, повидимому, отъ первой. Малость ли размѣровъ была тому причиною, или и въ самомъ дѣлѣ объ головы ничѣмъ не отличались, — только Сонпольевъ не нашелъ никакой разницы. Руки вывернулись, какъ на шарнирахъ, и стали совсѣмъ, какъ ноги, и первая голова потускнѣла и спряталась между этими руками-ногами; то, что раньше казалось ногами, такъ же механически повернулось и двигалось, какъ настоящія руки.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ Сонпольевъ на своего страннаго гостя. Гость кривлялся и плясалъ. И когда наконецъ затихъ, постепенно смолкая, его смѣхъ, вторая голова заговорила:

— Сколько у тебя душъ, сколько сознаній, знаешь ли ты это? Ты гордишься дивною дифференціаціею твоихъ органовъ,—вотъ, думаешь ты, каждый членъ моего тѣла исполняетъ свои, строго опредѣленныя, функціи. Но, глупый человѣкъ, скажи мнѣ, чѣмъ ты сохраняешь память о своихъ прежнихъ переживаніяхъ? Въ той же головѣ тѣснится весь твой, и прижизненный, и дожизненный опытъ. Ты мудришь

и хитришь надъ и подъ порогомъ своего жалкаго сознанія,- но бѣда твоя въ томъ, что у тебя только одна голова.

Гость залился опять своимъ ржаво-звонкимъ хохотомъ,— и на этотъ разъ хохоталъ особенно долго. Хохоталъ, и въ то же время плясалъ. Кувыркался. Становился кверху однимъ бокомъ, на одну руку и одну ногу,—если еще можно было такъ различать его четыре конечности,—и онѣ опять механически вывертывались, и тогда обнаруживалось, что наросты на его бокахъ — тоже головы. И каждая въ свой чередъ говорила и хохотала. Гримасничала. Дразнила.

Сонпольевъ крикнулъ въ бѣшенствѣ:

— Замолчи!

Гость плясалъ, кричалъ и хохоталъ.

Сонпольевъ думалъ:

„Схватить бы его, раздавить. Или ударомъ тяжелаго пресса размозжить на мѣстѣ злую гадину".

А гость все хохоталъ и кривлялся.

„Взять его руками нельзя",—думалъ Сонпольевъ,—„онъ, можетъ быть, прожжетъ или опалитъ руку. Не разрѣзать ли его ножомъ?"

Онъ открылъ перочинный ножъ. Быстро направилъ ножъ остріемъ въ середину туловища гостя. Четырехголовое чудовище собралось въ комочекъ, замахало всѣми четырьмя лапами, и залилось пронзительнымъ хохотомъ. Сонпольевъ бросилъ ножъ на столъ. Крикнулъ:

— Злая гадина! Чего ты отъ меня хочешь?

Гость вскочилъ на островерхую крышку чернильницы, сталъ тамъ на одной ногѣ, вытянулъ руки вверхъ, и закричалъ пронзительно и гнусаво:

— Человѣкъ съ одною головою, вспомни свое далекое прошлое, когда ты и онъ были въ одномъ тѣлѣ. И когда вы вмѣстѣ пошли на опасное дѣло. Вспомни пляску, пляску въ страшный часъ.

Стало вдругъ темно. Хохотъ звучалъ, хриплый и гнусный. Голова кружилась...

Изъ мрака медленно выдвигались легкія колонны, невысокій потолокъ. Тускло горѣли свѣточи. Красные въ сладкомъ воздухѣ зыблились ихъ огненные языки. Переливно пѣла флейта. Въ легкой пляскѣ мѣрно двигались ноги, — прекрасныя юношескія ноги.

И чудилось Соппольеву, что онъ молодъ и силенъ, что онъ пляшетъ вокругъ пиршественнаго стола. На него глядитъ обрюзглое, наглое, пьяное лицо, — пирующій хохочетъ,—ему весело, ему нравится пляска полуобнаженныхъ юношей. Чудится Соппольеву,—бѣшеная злоба душитъ его, и мѣшаетъ ему исполнить замыселъ. И онъ въ быстрой пляскѣ проносится мимо пирующаго, и руки его дрожатъ. Багровый туманъ ненависти застилаетъ его глаза.

Но въ то же время пробуждается его вторая душа, хитрая, ласковая, кошачья душа. Юноша улыбается торжествующему, и снова въ плавной пляскѣ проносится мимо него ласковый, нѣжный отрокъ. Пирующій хохочетъ. Нагія ноги юноши и его обнаженный торсъ веселятъ хозяина пира.

И снова ненависть, застилающая глаза багровымъ туманомъ, сотрясающая руки злою дрожью. И снова хитрая улыбка ласковаго юноши.

Кто-то злобно шепчетъ:

— Долго ли мы будемъ кружиться напрасно? Пора. Пора. Кончай же!

Усиліе дружныхъ волъ. Двѣ души сливаются въ одну. Ненависть и хитрость. Легкое, плавное движеніе,—сильный ударъ,—легкія ноги уже уносятъ юношу въ быстрой и красивой пляскѣ. Хриплый крикъ. Смятеніе. Все смѣшалось...

И снова темно.

И очнулся Соппольевъ: тотъ же уродецъ пляшетъ на столѣ, и кривляется, и хохочетъ.

Сонпольевъ спросилъ:

— Что же это?

Гость сказалъ:

— Въ этомъ юношѣ двѣ обитали души, и одна изъ нихъ теперь твоя, душа пламенныхъ чувствъ и страстныхъ желаній, вѣчно несытая, дрожащая душа.

И задрожалъ сверлящій уши смѣхъ. И заплясалъ уродецъ. Сонпольевъ крикнулъ:

— Стой, плясунъ! Ты, кажется, хочешь сказать, что вторая душа того древняго юноши живетъ въ тщедушномъ тѣлѣ этого ненавистнаго, смуглаго мальчишки?

Гость пересталъ смѣяться, и прокричалъ:

— Человѣкъ, ты наконецъ понялъ то, что я хочу тебѣ открыть. Теперь, можетъ быть, ты догадаешься, зачѣмъ я пришелъ къ тебѣ, и кто я.

Сонпольевъ переждалъ рѣзкое дрожаніе смѣха, и отвѣтилъ своему гостю:

— Ты—соединяющій души. Но отчего же ты не сдѣлалъ этого при нашемъ рожденіи?

Уродъ зашипѣлъ, съежился, завертѣлся, потомъ пріостановился, выбросилъ кверху одну изъ своихъ боковыхъ головъ, и прокричалъ:

— Мы это поправимъ. Если ты хочешь. Хочешь?

— Хочу,—быстро отвѣтилъ Сонпольевъ.

— Позови его къ себѣ подъ Новый Годъ, и позови меня. А чтобы позвать меня, возьми этотъ волосокъ.

Уродецъ быстро перебѣжалъ къ лампѣ, положилъ на ея плоскую подставку черный, тонкій, короткій волосъ, и продолжалъ:

— И зажги его. И я приду. Но знай, что послѣ того ни ты, ни онъ не сохраните своего отдѣльнаго бытія. И уйдетъ отсюда только одинъ, который совмѣститъ обѣ души, но не ты, и не онъ.

И вдругъ исчезъ. Еще звучалъ, терзая слухъ, его рѣз-

кій, ржавый хохотъ,—но уже никого не видѣлъ передъ собою Сонпольевъ. Только черный на плоскомъ подножіи лампы волосъ напоминалъ о гостѣ.

Сонпольевъ взялъ волосъ, и спряталъ его въ своемъ бумажникѣ.

Уже къ полуночи клонился послѣдній въ году день.

У Сонпольева сидѣлъ опять Гармоновъ. Говорили тихо, какъ бы сдерживая голоса. И было жутко. Сонпольевъ спросилъ:

— Вы не досадуете, что я пригласилъ васъ на эту одинокую бесѣду?

Смуглый юноша широко улыбнулся, и отъ этого зубы его казались слишкомъ бѣлыми. Онъ говорилъ что-то медлительное, скучное, что-то такое внѣшнее, что Сонпольеву не хотѣлось слушать. Сонпольевъ спросилъ, внѣ всякой связи съ предыдущимъ разговоромъ:

— Вы помните ваше прежнее существованіе?

— Очень смутно,—отвѣтилъ Гармоновъ.

Было видно, что онъ не понялъ вопроса, и думаетъ, что Сонпольевъ спрашиваетъ о дѣтскихъ годахъ.

Сонпольевъ досадливо нахмурился. Началъ объяснять, что онъ хотѣлъ сказать. Чувствовалъ, что это выходитъ запутанно и длинно. И отъ этого еще больше досадовалъ.

Но Гармоновъ понялъ. Обрадовался. Покраснѣлъ слегка. Сказалъ живѣе обыкновеннаго:

— Да, да, мнѣ иногда кажется, что я раньше жилъ. Такое странное ощущеніе. И какъ будто та жизнь была полнѣе, смѣлѣе, свободнѣе. Какъ будто бы смѣлъ дѣлать то, на что теперь не дерзаешь.

— И вамъ кажется, не правда ли?—съ волненіемъ спросилъ Сонпольевъ, — что вы какъ будто что-то потеряли. Какъ будто бы вамъ теперь недостаетъ самой значительной части вашего существа.

— Да, да,—сказалъ Гармоновъ,—вотъ именно такое впечатлѣніе.

— И вы хотѣли бы возстановить эту недостающую часть?—продолжалъ спрашивать Соппольевъ.—Опять, какъ прежде, быть цѣлымъ и смѣлымъ, опять, какъ въ старину, совмѣщать въ одномъ тѣлѣ, легкомъ, юношески свободномъ, всю полноту жизни и дивное соединеніе и тождество противорѣчій нашей человѣческой природы. Быть болѣе, чѣмъ цѣльнымъ,—слушать въ груди своей біеніе какъ бы удвоеннаго сердца, быть такимъ и инымъ, быть соединяющимъ въ себѣ враждующія души, и изъ пламенной борьбы великихъ въ себѣ противорѣчій выносить мужество и твердость великаго подвига.

— Да, да,—сказалъ Гармоновъ,—я тоже иногда мечтаю объ этомъ.

Соппольевъ боялся глядѣть на неувѣренное, смущенное лицо смуглаго юноши. Онъ смутно боялся, что это лицо будетъ его расхолаживать. Онъ торопился.

И уже близка стала ночь. Соппольевъ тихо сказалъ:

— Вотъ, въ моихъ рукахъ есть средство достигнуть этого. Хотите ли вы этого достигнуть?

— Хочу,—нерѣшительно сказалъ Гармоновъ.

Соппольевъ поднялъ глаза. Рѣшительно и настойчиво смотрѣлъ на Гармонова, какъ бы требуя отъ него чего-то настоятельно необходимаго. Неотступно смотрѣлъ прямо въ черные юношескіе глаза, которые, конечно, должны были быть пламенными, но на самомъ дѣлѣ были только коварными, холодными глазами маленькаго человѣка съ половинчатою душою.

И казалось Соппольеву, что подъ его пламеннымъ и неотступнымъ взоромъ глаза Гармонова зажигаются восторгомъ и жгучею злобою. Смуглое лицо юноши стало вдругъ значительнымъ и строгимъ.

— Хотите?—еще разъ спросилъ Соппольевъ.

Гармоновъ рѣшительно и быстро сказалъ:

— Хочу.

И словно чей-то чужой, рѣзкій, звонкій голосъ произнесъ:

— Человѣкъ маленькій и лукавый, совершившій, однако, подвигъ великаго мужества въ одномъ изъ древнихъ переживаній,—совершившій подвигъ, ибо сочеталъ свою лукавую душу съ пламенною душою негодующаго,—скажи въ этотъ великій и единственный часъ, твердо ли рѣшился ты соединить свою душу съ тою, иною душою.

И еще быстрѣе и рѣшительнѣе отвѣтилъ Гармоновъ:

— Хочу.

Сонпольевъ прислушивался къ рѣзкому голосу вопрошающаго. Онъ узналъ его. И не ошибся: „хочу“ Гармонова уже тонуло въ ржаво-металлическомъ хохотѣ того дивнаго посѣтителя.

И когда хохотъ затихъ, Сонпольевъ сказалъ:

— Но знайте, что вы для этого должны отказаться отъ соблазна и радости отдѣльнаго бытія. Вотъ я совершу чародѣйство,—и оба мы погибнемъ, и освободимъ наши души, или сольемъ ихъ въ одну, и уже не будетъ ни меня, ни тебя,—будетъ одинъ, пламенный въ замыслѣ, холодный въ исполненіи. Надлежитъ намъ уйти обоимъ, чтобы дать мѣсто ему, въ которомъ мы оба таинственно сольемся. Другъ мой, рѣшились ли вы на это страшное дѣло? Страшное, великое дѣло.

Гармоновъ улыбался страшно и неопредѣленно. Но пламенный взоръ Сонпольева погасилъ его улыбку, и юноша, голосомъ неживымъ, тусклымъ, какъ бы покоряясь непреодолимому, роковому повелѣнію, произнесъ:

— Я рѣшился. Я хочу. Я не боюсь.

Дрожащими пальцами вынулъ Сонпольевъ изъ бумажника чародѣйный волосъ. Зажегъ свѣчку. За нею таился четырехголовый посѣтитель. Онъ былъ сегодня сѣрый и

зыбкій, и маячилъ, какъ тѣнь отъ зыблемой пламенной стихіи, ласкавшей сожигающими объятіями бѣлое тѣло покорной свѣчи.

Гармоновъ широко раскрытыми глазами, не отрываясь, слѣдилъ за движеніями Сонпольева. Сонпольевъ поднесъ волосъ къ огню свѣчи. Слегка закрутился волосокъ, зардѣлся, вспыхнулъ. Горѣлъ очень медленно, съ тихимъ ритмическимъ потрескиваніемъ, похожимъ на смѣхъ ночного гостя.

И самъ дивный уродецъ, кривляясь и прыгая, выдвинулся изъ-за свѣчи. Онъ сталъ посреди стола, смотрѣлъ то на волосокъ, то на юношу, что-то шепталъ, отрывистое и невнятное, и послѣ каждаго слова заливался тихимъ смѣхомъ, похожимъ на потрескиваніе горящаго волоска.

Слова чуднаго гостя были простыя, но страшныя. Сначала они шли мимо сознанія Сонпольева,—такъ былъ Сонпольевъ взволнованъ и поглощенъ горѣніемъ чародѣйнаго волоска, что съ простыми, знакомыми словами урода не соединялъ никакой мысли. Вдругъ ему стало страшно. Вслушался. Насмѣшливо звучали простыя, страшно простыя слова:

— Душа маленькая, коротенькая, душа боязливая.

Въ страхѣ поднялъ Сонпольевъ глаза на Гармонова. Смуглый юноша сидѣлъ, странно скорчившись. Лицо его было блѣдно. Капельки пота выступали на лбу. Жалкая, принужденная улыбка кривила его губы. Когда онъ увидѣлъ, что Сонпольевъ смотритъ на него, онъ скорчился еще больше, и какъ бы противъ воли зашепталъ голосомъ прерывающимся и глухимъ:

— Мнѣ страшно. Мнѣ больно. Не надо этого.

И вдругъ изогнулся, какъ кошка, хитрая, робкая, злая, метнулся впередъ, и, нелѣпо и уродливо вытянувъ слишкомъ красныя губы, дунулъ на догоравшій волосокъ. Пламя на волоскѣ поднялось узкою струйкою, дрогнуло, погасло.

Синій дымокъ заструился въ тихомъ воздухѣ. Рѣзкій хохотъ ночного гостя сверлилъ слухъ.

Звенѣли гнусныя слова:

— Не удалось, не удалось!

Гармоновъ сѣлъ. Виновато и хитро улыбался. Сонпольевъ смотрѣлъ на него невидящими глазами.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался бой часовъ. И на каждый ударъ соединяющій духи уродъ отвѣчалъ хриплымъ крикомъ:

— Не удалось!

И пружинно-рѣзкимъ хохотомъ. И кружился, и кривлялся, и казалось, что онъ таетъ въ желтомъ озареніи неживой, электрической лампы.

Когда двѣнадцатый ударъ, послѣдній голосъ уходящаго года, замолкъ, и замолкъ гнусный крикъ:

— Не удалось,

И замолкъ гнусный хохотъ исчезающаго урода,—Гармоновъ поднялся, словно радуясь избавленію отъ роковой бѣды, и сказалъ:

— Съ Новымъ Годомъ.

НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО

I.

Сидѣли мы вечеркомъ на балконѣ дачки Ивана Степаныча Молодилова, попивали чаекъ съ ромомъ, и слушали хозяина. Въ карты не играли. Недурно было бы перекинуться на чистомъ воздухѣ, подъ березками, да ужъ такая компанія подобралась, что никакой игры не вышло. Хозяинъ нашъ былъ говорунъ, вотъ мы его и слушали, а онъ разсказывалъ намъ разные случаи, покручивая свои длинные сивые усы, да сверкая черными, еще зоркими глазами. Онъ говорилъ:

—Я человѣкъ русскій: я тамъ разныхъ этакихъ экивоковъ не понимаю, а по-моему,—задумалъ дѣло, и дѣлай, а на понятный дворъ ни-ни!

— Само собой,—подтвердилъ плотный сангвиникъ Сабельниковъ,—хватай быка прямо за рога!

— Именно такъ, за рога. Да вотъ я вамъ разскажу нѣсколько случаевъ изъ моей жизни, такъ вы сами увидите, какъ мы умѣли обдѣлывать дѣлишки.

Иванъ Степанычъ призадумался, вытеръ лысую голову краснымъ платкомъ, и сталъ разсказывать:

— Было это въ эпоху невиннаго отрочества. Славное было времячко! Пороли, какъ сидорову корову, а все-таки, не безъ пріятчости бывало.

— Воображаю!—проворчалъ желчный Ежевикинъ.

Хозяинъ строго взглянулъ на него, и продолжалъ:

— Учился я въ Кипрейскомъ кадетскомъ корпусѣ. Зна-

менитое было заведеніе, на всю Россію славилось. Ну и точно, тамъ были мастера своего дѣла, и директоръ, да и прочее начальство. И никакъ ты къ нимъ не приспособишься,—по глазамъ, шельмецы, видятъ, чуть что не такъ, ну и сейчасъ, извѣстное дѣло...

— Законное возмездіе?—подсказалъ, подмигивая хозяину, Сабельниковъ.

— Вотъ именно. Кормили при этомъ такъ, что вспомнить не хочется. Но больше всего насолилъ намъ одинъ изъ учителей,—и не изъ важныхъ, молоденькій: ядовитый былъ такой, что не приведи Господи. Вызубришь ему урокъ на совѣсть, а нѣтъ таки, собьетъ, хоть ты что хочешь! И залѣпитъ пуль. Такъ онъ аппетитно пуль закручивалъ, точно рюмку водки выпьетъ.

— Скотина!—проворчалъ Ежевикинъ.

— А чѣмъ онъ больше всего донималъ,—продолжалъ Молодиловъ,—такъ это своею тихостью: говоритъ, каналья, ласково, голоса никогда не возвыситъ, а послѣ его урока, глядишь, пятерыхъ, не то десятерыхъ изъ насъ выдерутъ. Ну, мы терпѣли, терпѣли, да и рѣшили взбунтоваться. Признаться сказать, зачинщикомъ-то былъ я. Ну-съ, мы и порѣшили, на слѣдующемъ же урокѣ двери приперетъ поплотнѣе, и его, протоканалью, избить на славу. Все, какъ слѣдуетъ, приготовили, даже репетичку сдѣлали, и ждемъ. Наступилъ назначенный часъ. Сидимъ мы, можете себѣ представить, блѣдные, рѣшительные, на дверь уставились, стало такъ тихо, какъ еще никогда не бывало. И вотъ въ коридорѣ, слышимъ мы, идетъ онъ,—его походочка, легонькая такая. Мы всѣ, повѣрите ли, дрожимъ, у всѣхъ кулаки сжаты,—вы понимаете, у всѣхъ накипѣло. Вошелъ онъ,—фертикъ этакій, улыбается, самъ маленькій, фрачекъ аккуратненькій,—мы всѣ въ ту же минуту вскочили на ноги, какъ одинъ человѣкъ.

Иванъ Степанычъ остановился и обвелъ насъ гнѣвнымъ взглядомъ.

— Что жъ дальше?—нетерпѣливо закричали мы.

— Ну-съ, и представьте себѣ,—воскликнулъ Иванъ Степанычъ, подымаясь съ кресла, и выпрямляясь во весь свой богатырскій ростъ;—вскочили мы...

— Ну, ну,—торопилъ разсказчика любопытный юнецъ Лабазниковъ, не въ мѣру суетливый.

Иванъ Степанычъ сердито взглянулъ на него, и съ ожесточеніемъ сказалъ:

— Ну, и ничего не вышло. Струсили, мерзавцы!

И Молодиловъ ударилъ кулакомъ по деревянной балюстрадѣ балкона, сердито сплюнулъ въ садъ, и усѣлся поудобнѣе въ свое кресло.

Мы переглянулись,—и расхохотались.

II.

— А то еще вотъ что было,—разсказывалъ Иванъ Степанычъ.—Прослужилъ я нѣсколько лѣтъ, и надумалъ жениться. Ну, я долго думать не люблю,—задумано, сдѣлано. Я и подъ старость такой, а тогда и тѣмъ паче,—кровь-то молодая, горячая, сами знаете.

— Какъ не знать!—весело сказалъ Сабельниковъ.

— Стояли мы съ полкомъ въ городѣ Бедренцѣ,—пустой городишка, никакой въ немъ значительности нѣтъ. Не знаю, можетъ быть, теперь тамъ что, а тогда совсѣмъ было захолустье. Но, однако, невѣстъ было достаточно. Вотъ выбралъ я себѣ одну барышню, Леночку Ручейникову. и сама дѣвица была во всѣхъ статьяхъ авантажна, да и прилагательнымъ Богъ не обидѣлъ.

— Это—главное?—спросилъ Ежевикинъ.

— Само собой! а то какъ же! Ну, я такой человѣкъ, —

ухаживать тамъ, канителиться,—это не по моей части, — я по-русски, по-простецки рѣшился дѣйствовать. Примундрился, припарадился, да и поѣхалъ дѣлать предложеніе. Пріѣхалъ это я къ нимъ, и думаю самъ съ собой, съ кого тутъ начать, съ папеньки да маменьки, или съ дѣвицы. Ba! думаю,—вѣдь мнѣ не съ папенькой да маменькой жить, а съ дѣвицей, съ нея, значитъ, и начинать надо. Правильно-ли я говорю?

— Совершенно правильно,—единогласно одобрили мы.

— Подхожу я къ дѣвицѣ, и безъ всякихъ затѣйливыхъ фигуръ прямо ей такъ-таки и брякнулъ: Осчастливьте, сударыня, будьте моей женою. Ну, и что-же, представьте, — ничего не вышло! Оказалось, что она уже помолвлена съ какимъ-то штафиркой.

Мы засмѣялись.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, — съ неудовольствіемъ сказалъ Иванъ Степанычъ,— а я зато отдѣлался безъ всякихъ этакихъ финтиклюшекъ, бильедушекъ, да рандевушекъ. Скоро и хорошо.

III.

— А то еще такой казусъ былъ. Былъ уже я въ отставкѣ, и проживалъ въ городѣ Жабрицѣ, — уѣздный городишко не изъ важныхъ. Одолѣли насъ купцы, за все дерутъ втридорога, конкуренціи никакой. А слышимъ мы, въ другихъ мѣстахъ потребительныя общества заводятся. Собрались мы, потолковали. Только я вижу, дѣло тянутъ, а я мямлить не люблю, я живо, по-русски. Выписалъ я изъ Питера штуки три уставовъ этихъ самыхъ, подобралъ человѣкъ пять такихъ же незѣваекъ, какъ я самъ, засѣли мы за работу, уставчикъ склеили, и пригласили другихъ сообща обсудить. Ну, само собой, на новинку многіе пошли,

собралось подъ сотню желающихъ всякаго званія людей. Было у насъ засѣданій пять, уставъ разсмотрѣли досконально, переписали набѣло, подписались и послали, куда надо.

— А много ли васъ осталось на послѣднемъ-то засѣданіи?—спросилъ Ежевикинъ.

— Осталось насъ не очень много, а все-таки подписали уставъ тридцать два человѣка съ росчеркомъ.

— Это какъ съ росчеркомъ?—полюбопытствовалъ Сабельниковъ, улыбаясь сочными губами.

— А это былъ у насъ чиновникъ акцизный, онъ такъ расписывался всегда,—сперва росчеркъ фигуристый, а потомъ фамилію влѣпитъ, да такъ, что самъ чортъ не разберетъ, гдѣ начало, гдѣ конецъ. Мастакъ былъ на это. Ну, вотъ, сдѣлалъ онъ росчеркъ, а самъ струсилъ. Нѣтъ, говоритъ, я подожду, мнѣ, говоритъ, неудобно, я, говоритъ, все же по бандерольной части; какъ бы за это сверху не влетѣло. Такъ одинъ росчеркъ и остался. Ну, ничего, мы отправили,—вышло въ родѣ того, что это верхній залихватски расчеркнулся. Насъ долго не томили,—прошло годика два съ небольшимъ, уставъ мы получили обратно, и пишутъ намъ: такъ-то и такъ-то надо измѣнить, сообразно съ мѣстными условіями. Мы снова собрались, измѣнили, что велѣно, переписали, подписали и послали.

— А сколько было васъ тогда?—спросилъ Ежевикинъ.

— Было насъ весьма достаточное число: двадцать-три человѣка,—изъ старыхъ девять, да новыхъ четырнадцать.

— Недурно!—воскликнулъ Ежевикинъ.

— Ну что жъ такое! Кто умеръ, кого перевели, кому некогда было. Вотъ послали мы, и ждемъ. Дождались, — черезъ три года прислали намъ уставъ, уже совсѣмъ утвержденный. Мы ликуемъ. Соорудили выпивку такую, что потомъ въ недѣлю еле очухались, а тамъ и собрались. Привалило тридцать девять человѣкъ, да еще сомнительныхъ

сотни полторы, посмотрѣть. А послѣ, говорятъ, и мы примкнемъ. Выбрали распорядителей, казначея. И вижу я, попалъ въ казначеи такой господинъ, которому я носового платка не довѣрилъ бы. Какъ это вамъ понравится? Но я молчу,—выбранъ законно, воля большинства, — тутъ нечего растабарывать. Однако, думаю себѣ: нѣтъ, такому господину я постерегусь свои деньги, свой пай давать. Ну, и представьте себѣ, изъ всего этого нашего общества...

— Ничего не вышло,—перебилъ Ежевикинъ.

— Именно такъ. Удалось этому господину собрать три пая, да и тѣ онъ въ тотъ же вечеръ пропилъ, — а другіе ужъ не давали денегъ. Распорядители было туда, сюда, — давайте, говорятъ, господа, другого казначея выберемъ. Но только всѣ отмахиваются: въ своемъ-то, молъ, карманѣ денежки цѣлѣе будутъ, авось.

— А вы, Иванъ Степанычъ?—спросилъ Сабельниковъ.

— А ужъ я отстранился. Если они не знаютъ, кого выбирать, то и наплевать. Помилуйте, я для нихъ трудился, распинался, хлопоталъ, а они выбираютъ не меня, а какого-то, извините за выраженіе, прохвоста! Сами и виноваты, — безъ меня у нихъ ничего не вышло.

ПРЕВРАЩЕНІЯ

I.

СЪ КНИГОЮ И СЪ КНИЖКОЮ.

Помню,—насъ, дѣтей, нисколько не удивляло двойственное поведеніе старика, Ивана Петровича. Мы уже примѣнились, и знали, какъ быть, когда дѣдушка съ книгою, и когда онъ съ книжкою.

Случалось, въ праздничный вечеръ, уже когда мы наиграемся вдоволь, и уже изъ маленькихъ кое-кто готовъ раскапризничаться, приходилъ къ намъ дѣдушка Иванъ Петровичъ съ громадною книжищею въ толстомъ переплетѣ съ тяжелыми застежками. На дѣдушкѣ былъ надѣтъ черный длинный сюртукъ, черный галстукъ,—а самъ дѣдушка былъ сухой и строгій.

Дѣдушка вынималъ изъ футляра серебряные очки, надѣвалъ ихъ медленно и важно,—словно это былъ знакъ особаго достоинства,—раскрывалъ свою книжищу на столѣ въ столовой, и громко говорилъ:

— Дѣти, успокойтесь! Послушайте!

Тогда мы, дѣти, собирались, и чинно разсаживались вокругъ стола. Важные и простодушные разсказы читалъ намъ дѣдушка, исполненные непонятнаго смысла и высокой поучительности. Мы слушали, иногда дремали,—и отходили ко сну съ утихомиренными душами.

Иногда приходилъ къ намъ Иванъ Петровичъ днемъ въ праздникъ, одѣтый въ легкій сѣренькій пиджачекъ, съ сѣ-

ренькимъ или пестрымъ галстучкомъ на шеѣ. Въ рукѣ онъ держалъ маленькую книжку, безъ переплета, съ поотрепавшимися у страницъ краями. Дѣдушка улыбался,—всѣ морщинки на его лицѣ дрожали отъ сдержаннаго смѣха.

Съ шумными криками мы, дѣти, окружали старичка,—и то-то было смѣху и радости! Веселыя исторійки, забавныя игры, замысловатыя загадки,—чего-чего не было въ маленькой книжечкѣ!

Быстро пролеталъ часъ, другой,—Иванъ Петровичъ уходилъ, радостная, благодарная толпа ребятъ провожала его, любовно поглядывая на его доброе, морщинистое, но румяное лицо, въ его живые, веселые, совсѣмъ еще молодые глаза.

И долго потомъ вспоминалась дѣтямъ книжечка.

II.

УЧИТЕЛЬ И КОНТОРЩИКЪ.

Андрей Никитичъ Шагаловъ, учитель сельской школы, молодой человѣкъ степенный и добродѣтельный, хотя и холостой, одѣвался всегда чистенько, прилично званію и положенію. Держалъ себя съ достоинствомъ. Любилъ бывать у батюшки, законоучителя его школы,—и ни разу не ссорился съ нимъ. Нерѣдко заходилъ къ мѣстному земскому фельдшеру, уряднику, волостному писарю и старшинѣ. Каждому оказывалъ должное почтеніе, и на свою долю получалъ достаточно таковаго же. Не гнушался и простыми мужичками, но за панибрата съ ними не держался.

Въ гостяхъ Андрей Никитичъ велъ себя тонко, говорилъ о томъ, что могло занимать хозяина, иногда легонечко спорилъ, но всегда пріятно и сдержанно, и никогда не

доводилъ спора до рѣзкихъ пререканій. Если собесѣдникъ упрямо говорилъ что-нибудь такое, съ чѣмъ никакъ нельзя было согласиться, Андрей Никитичъ умѣлъ шуточкою или инымъ ловкимъ оборотомъ перемѣнить предметъ бесѣды.

Случалось Андрею Никитичу бывать и у мѣстнаго помѣщика, отставного дѣйствительнаго статскаго совѣтника Палицына. И тамъ Андрей Никитичъ поддерживалъ себя на должной высотѣ, приходилъ въ крахмалахъ, здоровался за руку, былъ умѣренно почтителенъ, и долго не засиживался.

— Заходите, Андрей Никитичъ,—говорилъ ему, пожимая на прощанье руку, господинъ Палицынъ.

Андрей Никитичъ вѣжливо благодарилъ.

— Покорно благодарю, Владимиръ Алексѣевичъ,—говорилъ онъ,—сочту непремѣннымъ долгомъ.

Пріятно осклаблялся, уходилъ, и по дорогѣ домой весело помахивалъ тонкою тросточкою, какъ человѣкъ, довольный судьбою.

Кончались по веснѣ занятія въ школѣ. На лѣто помѣщикъ нанималъ линияго приказчика. Приглашали всегда Андрея Никитича.

Уже онъ надѣвалъ не крахмалы, а чистую вышитую рубашку подъ пиджакъ, высокіе сапоги, и являлся въ контору. Барину докладывали. Немного,—но и не мало,—погодя, звали учителя въ кабинетъ.

Шагаловъ входилъ, кланялся низенько, останавливался у порога, и легонечко покашливалъ въ руку изъ скромности. И уже онъ не осклаблялся, какъ бывало зимой. Баринъ слегка кивалъ ему головою, и не вставалъ съ кресла у письменнаго стола.

— Э... ну что жъ,—говорилъ онъ съ растяжкою,—намъ того... долго разговаривать нечего,—э... по прошлогоднему?

— Такъ точно, ваше превосходительство,—отвѣчалъ Ша-

головъ, и звукъ его голоса, и вся его фигура олицетворяли почтительность.

— Такъ ужъ ты, Андрей, старайся, — увѣреннѣе и быстрѣе говорилъ баринъ,—а ежели я... э... сгоряча скажу что-нибудь... э... лишнее, такъ ужъ ты, того, не взыщи.

— Помилуйте, ваше превосходительство, ужъ это само собой, какъ же-съ иначе, — почтительно говорилъ Шагаловъ.

— Ну да, я знаю, ты это понимаешь,—продолжалъ баринъ,—со своимъ приказчикомъ я не могу нѣжности разговаривать. Э... тамъ зимой, мы и на вы, и за руку, и все такое, а теперь мнѣ, э... приказчикъ нуженъ, дѣло дѣлать, а не... э... миндальничать.

— Ужъ я это понимаю, ваше превосходительство,—увѣрялъ Шагаловъ,—уже вы меня знаете, останетесь довольны, не извольте безпокоиться.

Такъ начиналась лѣтняя служба учителя Шагалова. Баринъ говорилъ ему ты, называлъ Андреемъ, а иногда, подъ горячую руку, ругалъ скотиною, и грозилъ заѣхать въ морду.

Зато платилъ хорошо,—и не затягивалъ,—семьдесятъ пять рублей въ лѣто—деньги!

III.

СЪ УЧЕНИКОМЪ И СЪ ГОСТЕМЪ.

Инспекторъ гимназіи кончалъ обѣдъ.

Звонокъ.

— Несетъ нелегкая кого-то спозаранокъ,—сердито проворчалъ инспекторъ.

Въ прихожей открыли дверь.

— Да это не гость,—сказала жена, заглядывая со своего

мѣста въ полутемную прихожую,—гимназистъ пришелъ какой-то.

— Гимназистъ Буровъ,—доложила горничная.

Проводите въ кабинетъ, пусть подождетъ,—недовольнымъ голосомъ сказалъ инспекторъ.

Онъ нарочно затянулъ обѣдъ.

„Не во время приходятъ,—досадливо думалъ онъ,—есть гимназія, я не каторжный".

— Надо во время,—сказалъ онъ, входя въ кабинетъ. — Нельзя же во всякое время дня и ночи.

Буровъ, мальчикъ лѣтъ тринадцати, вскочилъ со стула, ловко шаркнулъ, и на вытяжку сталъ у дверей тѣснаго кабинета. Инспекторъ сѣлъ въ кресло, потянулся, строго оглядѣлъ гимназиста съ ногъ до головы, и сердито сказалъ:

— Поясъ на боку.

Буровъ покраснѣлъ, передвинулъ у пояса пряжку прямо напередъ, и снова опустилъ руки.

— И что вы вахлакомъ стоите! Одно плечо выше, носки вмѣстѣ, — тихо говорилъ инспекторъ, преувеличивая недостатки въ стоянiи мальчика.

Буровъ старательно поправился. Инспекторъ вздохнулъ, еще разъ потянулся, и спросилъ съ сухою, служебною вѣжливостью:

— Чѣмъ могу служить?

Но тотчасъ же сказалъ желчно:

— Развѣ вы не могли въ гимназiи!

— Извините, Петръ Иванычъ,—сказалъ Буровъ, — я не зналъ, мама...

Инспекторъ перебилъ его.

— Чѣмъ могу служить?— рѣзко спросилъ онъ.

Буровъ быстро и отчетливо сказалъ тономъ служебнаго доклада, какъ маленькiй, но уже отлично вымуштрованный чиновникъ:

— На воскресенье и два праздника позвольте мнѣ, Петръ Иванычъ, уѣхать съ мамой въ имѣніе, и не быть въ гимназіи въ церкви.

— Къ классному наставнику надо, — сердито сказалъ инспекторъ, —порядка не знаете. Вы бы еще разлетѣлись къ директору!

— Разрѣшите вы, Петръ Иванычъ,—просилъ Буровъ, — все равно, къ Николаю Алексѣевичу далеко, а мы сегодня хотимъ уѣхать.

— Можете,—сухо сказалъ инспекторъ.—Больше ничего не надо?

Буровъ шаркнулъ ногою, поблагодарилъ, пересталъ вытягиваться,—даже руку на поясъ положилъ,—и сказалъ совсѣмъ другимъ, домашнимъ тономъ:

— Мама велѣла просить васъ, Петръ Иванычъ, пріѣхать къ намъ на эти дни погостить.

Инспекторъ улыбнулся.

— Ну, ужъ это дѣло частное,—сказалъ онъ,—садитесь, Сережа, гостемъ будете.

Мальчикъ опять шаркнулъ, сѣлъ на кушетку, рядомъ съ инспекторомъ, локоть положилъ на валикъ, ноги помѣстилъ поудобнѣе.

— Скажите вашей мамѣ,—началъ было инспекторъ.

Сережа перебилъ его:

— И Анну Владимировну съ дѣтьми мама проситъ.

— Ну,—сказалъ инспекторъ,—ужъ это надо у нихъ спросить, пойдемте.

Онъ взялъ Сережу за плечи, и повелъ его къ женѣ.

IV.

ВЪ САПОГАХЪ И БОСИКОМЪ.

Петя Горниловъ, дьячковъ сынъ, обучался въ городскомъ училищѣ. Много шалилъ, но учился бойко, — шустрый паренекъ. Держался развязно. Учителю на улицѣ кланялся почтительно, но съ достоинствомъ, и здоровался за руку, такъ какъ учитель водилъ знакомство съ его отцомъ.

Въ классѣ Петя учителю не очень-то уступалъ,—не давалъ ему себя слишкомъ притѣснять. Если за шалости Петю посылали въ уголъ или ставили на колѣни,—онъ становился неохотно, долго оправдывался, спорилъ даже, случалось, дерзилъ.

О себѣ думалъ Петя высоко. Читалъ онъ книжки, — и старался выбирать тѣ, что для взрослыхъ. Хотѣлъ учиться дальше, и выучиться настолько, чтобы получать хорошее жалованье, больше, чѣмъ отецъ, и жить лучше отца, напримѣръ, какъ учителя живутъ.

Настала весна, и уже снѣгъ сталъ. Утромъ, въ неучебный день, Петя собрался удить рыбу. Онъ вышелъ изъ дому босой. Такъ онъ будетъ часто ходить,--все лѣто и осенью долго, пока тепло.

На улицѣ Петя встрѣтилъ учителя. Петя къ сторонкѣ,— покраснѣлъ, отошелъ подальше, чтобы не здороваться съ учителемъ за руку, снялъ шапку, поклонился издали. Теперь, когда Петя идетъ босикомъ, онъ думаетъ про себя, что еще онъ простой мальчишка, которому еще далеко до хорошаго жалованья. Поэтому, босой, Петя скромный да смирный, особенно вначалѣ, пока еще ноги не загорѣлыя.

Завтра въ классѣ, пошли его учитель въ уголъ хоть ни за что, Петя пойдетъ послушно, чувствуя въ душѣ почте-

ніе къ учителю, къ его господскому положенію, къ его казенному жалованью, и къ его форменной одеждѣ.

V.

СЪ ПОДЧИНЕННЫМЪ И СЪ НАЧАЛЬНИКОМЪ.

Начальникъ спросилъ столоначальника:

— Ну, что у васъ?

Замершій въ почтительномъ склоненіи столоночальникъ робко сказалъ:

— Я долженъ доложить вашему превосходительству, что приказаніе, которое изволили отдать ваше превосходительство, относительно сношенія съ губернскимъ правленіемъ, не могло быть исполнено по неимѣнію у насъ достаточныхъ...

— Это у васъ обычная исторія,—рѣзко прервалъ начальникъ,—надо заблаговременно. Но, пожалуйста, сократите,—я долженъ ѣхать, меня вызываютъ. Есть еще у васъ какія-нибудь дѣла?

— Не особенно важныя, ваше превосходительство,—если позволите, можно отложить.

— У васъ, кажется, всѣ дѣла не особенно важныя. Ну-съ, до свиданья.

Протянулъ два пальца,—для почтительнаго пожатія,—подчиненному, взглянулъ еще разъ на часы, и торопливо прослѣдовалъ мимо склонявшихся передъ нимъ чиновниковъ къ подъѣзду.

Въ каретѣ начальникъ чувствовалъ легкое волненіе. Сейчасъ онъ предстанетъ, и скажетъ:

— Осмѣлюсь доложить вашему высокопревосходительству...

А его высокопревосходительство скажетъ:

— Въ вашемъ департаментѣ, почтеннѣйшій Павелъ Павловичъ, всегда неблагополучно. Опять вы меня подвели. Такъ нельзя-съ.

Начальникъ отвѣтитъ:

— Извините великодушно, ваше высокопревосходительство, но я уже неоднократно имѣлъ честь вамъ докладывать...

— Ну да, знаю,—сердито прервetъ „особа“,— вы всегда хотите быть правы. Кстати, вы сколько лѣтъ изволите быть въ чинѣ?

— Семь лѣтъ, ваше высокопревосходительство,—трепетными губами отвѣтитъ начальникъ.

— Да-съ, — задумчиво скажетъ его высокопревосходительство, — такъ что при отставкѣ можно и въ тайные. Да-съ...

Его высокопревосходительство помолчитъ, пожуетъ губами, вздохнетъ, и скажетъ:

— Я просилъ васъ, Павелъ Павловичъ, пожаловать собственно вотъ по какому дѣлу...

Такъ мечтаетъ горестно начальникъ, сидя въ каретѣ, и сердце его сжимается тоскливо.

ПРИЗЫВАЮЩІИ ЗВѢРЯ

I.

Было тихо, спокойно, не радостно и не грустно. Горѣла электрическая лампа. Стѣны казались несокрушимыми. Окно скрывалось за тяжелыми, темно-зелеными, въ тонъ обоямъ на стѣнахъ, только гораздо темнѣе ихъ, занавѣсками. Обѣ двери,—и большая, въ боковой стѣнѣ, и маленькая, въ глубинѣ кабинета, противъ окна,—были крѣпко закрыты. И тамъ, за ними, было темно и пусто, — и въ широкомъ коридорѣ, и въ скучной, просторной и холодной залѣ, гдѣ тосковали разлученныя съ родиною грустныя растенія.

Гуровъ лежалъ на диванѣ. Въ рукахъ была книга. Читалъ. Часто отрывался отъ чтенія. Думалъ, мечталъ,—все о томъ же. Все о нихъ.

Они были около него. Это онъ уже давно замѣчалъ. Таились. Неотступно стояли близко. Шелестѣли тихохонько. Но долго не являлись его глазамъ. А надняхъ, когда Гуровъ проснулся вялый, тоскующій, блѣдный, и лѣниво повернулъ выключатель электрической лампы, чтобы прогнать дикій мракъ зимняго раньяго утра,—онъ вдругъ увидѣлъ одного изъ нихъ.

Маленькій, сѣренькій, зыбкій, легкій, мелькнулъ вдоль изголовья, пролепеталъ что-то,—и скрылся.

И потомъ, то утромъ, то къ вечеру, пробѣгали передъ Гуровымъ маленькіе, зыбкіе,—домашніе кежити.

И уже сегодня онъ ждалъ ихъ увѣренно.

Временами начинала слегка болѣть голова. Временами становилось вдругъ холодно, или вдругъ жарко. Тогда выбѣгала изъ угла длинная, тонкая Лихорадка съ некраснвымъ, желтымъ лицомъ, съ костлявыми, сухими руками, ложилась рядомъ, и обнимала, и принималась цѣловать и смѣяться. И эти быстрые поцѣлуи ласковой, хитрой Лихорадки, и эти медленные приступы легкой головной боли были пріятны.

Слабость разливалась во всемъ тѣлѣ. И усталость. Но и она была пріятна. Казалось, что все буйство жизни отошло далече. Люди стали далеки, не любопытны, не нужны совсѣмъ. Хотѣлось быть съ этими тихими, здѣшними, съ нежитями.

Гуровъ уже нѣсколько дней не выходилъ. Замкнулся дома. И къ себѣ никого не пускалъ. Сидѣлъ одинъ. Думалъ о нихъ. Ждалъ ихъ.

II.

Странно и неожиданно прервалось томное ожиданіе. Стукнула далекая дверь, и въ залѣ за дверью Гуровъ услышалъ неторопливые шаги. Кто-то шелъ тамъ, приближаясь, ступая увѣренно и легко.

Гуровъ повернулъ голову къ двери. Повѣялъ холодъ. Передъ нимъ стоялъ мальчикъ дикаго, страннаго вида. Въ полотняномъ плащѣ. Полуобнаженный. Съ голыми ногами. Очень смуглый. Загорѣлый весь. Черные, вьющіеся волосы. Черные, яркіе глаза. Дивно правильное, прекрасное лицо. Столь прекрасное, что было страшно смотрѣть на его красоту. Не доброе, не злое.

Гуровъ не удивился. Какое-то властительное чувство захватило его. Было слышно, какъ притаились, попрятались домашніе нежити.

И сказалъ отрокъ:

— Аристомахъ! Или забылъ ты свое обѣщаніе? такъ ли поступаютъ доблестные люди? Ты ушелъ отъ меня, когда я былъ въ смертной опасности, ты обѣщалъ мнѣ то, чего, видно, не захотѣлъ исполнить. Я такъ долго искалъ тебя! И вотъ нахожу тебя пребывающимъ въ праздности, утопающимъ въ роскоши.

Гуровъ смотрѣлъ въ недоумѣніи на отрока, полуобнаженнаго, прекраснаго, и смутныя воспоминанія пробуждались въ его душѣ. Что-то давно погребенное возставало неяснымъ очеркомъ, и томило память, не находящую разгадки страннаго явленія, разгадки, которая казалась, однако, столь близкою и родною.

И гдѣ незыблемость стѣнъ? Что-то происходило вокругъ,—какая-то свершалась перемѣна. Но Гуровъ, поглощенный тщетными усиліями вспомнить что-то, и близкое, и ускользающее изъ цѣпкихъ объятій древней памяти, еще не успѣлъ осознать уже чувствуемой имъ перемѣны. Онъ спросилъ дивнаго отрока:

— Милый мальчикъ, скажи мнѣ ясно и просто, безъ лишнихъ упрековъ, что я тебѣ обѣщалъ, и когда я оставилъ тебя въ минуту смертной опасности? Я же клянусь тебѣ всѣмъ святымъ, что моя честь никогда не позволила бы мнѣ такого чернаго поступка, какъ тотъ, въ которомъ ты меня почему-то упрекаешь.

Отрокъ покачалъ головою. Звучнымъ голосомъ, подобнымъ мелодичному рокоту струнъ, онъ сказалъ:

— Аристомахъ, ты всегда былъ искусенъ въ словесныхъ упражненіяхъ, и столь же искусенъ въ дѣлахъ, требующихъ отваги и осторожности. Если я сказалъ, что ты оставилъ меня въ минуту смертной опасности, то это я сказалъ не въ упрекъ, и я не понимаю, зачѣмъ ты говоришь о твоей чести. Замышленное нами дѣло трудно и опасно, но кто

же насъ слышитъ теперь, передъ кѣмъ ты могъ бы хитросплетенными словами и притворнымъ забвеніемъ того, что свершилось сегодня утромъ, передъ солнечнымъ восходомъ, доказать, что ты не давалъ никакого мнѣ обѣщанія?

Свѣтъ электрической лампы становился тусклымъ. Потолокъ казался темнымъ и высокимъ. Пахло травою,—ея забытое названіе было когда-то нѣжно и радостно. Вѣяло прохладою. Гуровъ всталъ. Спросилъ:

— Какое же дѣло мы съ тобою замыслили? Милый мальчикъ, я ничего не отрицаю,—я только не знаю, о чемъ ты говоришь. Я не помню.

Казалось Гурову, что отрокъ смотритъ на него и не на него. Какъ будто здѣсь есть кто-то другой, такой же дивный и нездѣшній, какъ этотъ странный пришлецъ,—и какъ будто дивное тѣло этого другого отчасти совпадаетъ съ тѣломъ Гурова. Какъ бы чья-то древняя душа навлекалась на Гурова, и облекала его давно утраченною свѣжестью вешнихъ воспріятій.

Темнѣло вокругъ, становилось свѣжѣе и прохладнѣе въ воздухѣ,—въ душѣ воздвигалась радость и легкость первоначальнаго существованія. Яркія загорались въ черномъ небѣ звѣзды. Говорилъ отрокъ:

— Мы должны были убить Звѣря. Вотъ, это я тебѣ говорю подъ многоокими взорами всевидящаго неба, если ты самъ смутился отъ страха. И какъ не быть страху! Великое, страшное затѣяли мы дѣло, чтобы славою увѣнчались въ далекихъ поколѣніяхъ наши имена.

Тихо, однозвучно и робко журчалъ въ ночной тишинѣ ручей. Не видно его было, но отрадно чувствовалась его утѣшительная близость и свѣжесть. Подъ широкою сѣнью дерева стояли они, и продолжали разговоръ, начатый нѣкогда. И спросилъ Гуровъ:

— Зачѣмъ же ты говоришь, что я оставилъ тебя въ ми-

нуту смертельной опасности? Кто я такой, чтобы устрашиться и бѣжать!

Отрокъ засмѣялся. Какъ музыка, звучалъ его смѣхъ, и мелодичны были звуки его отвѣта, звуки, пронизанные сладкимъ смѣхомъ:

— Аристомахъ, какъ искусно притворяешься ты забывшимъ все! Не понимаю, для чего ты это дѣлаешь, и дѣлаешь съ такимъ великимъ мастерствомъ, что даже самъ взводишь на себя упреки, о которыхъ я и не думалъ. Ты оставилъ меня въ минуту смертной опасности потому, что такъ же вѣдь и надо было, и ты не могъ помочь мнѣ иначе, какъ покинувъ меня въ эту минуту. Или ты станешь упорствовать въ своемъ отрицаніи и тогда, когда я напомню тебѣ слова оракула?

Гуровъ сразу вспомнилъ. Точно яркій свѣтъ пролился въ темную область забытаго. И въ дикомъ восторгѣ, громко и радостно воскликнулъ онъ:

— Одинъ убьетъ Звѣря!

Отрокъ смѣялся. И спросилъ Аристомахъ:

— Ты убилъ звѣря, Тимаридъ?

— Чѣмъ?—воскликнулъ Тимаридъ. — Какъ ни сильны мои руки, но я не тотъ, кто могъ бы убить Звѣря ударомъ кулака. Мы были неосторожны, Аристомахъ, и безоружны. Мы играли на прибрежномъ пескѣ. И Звѣрь напалъ на насъ внезапно, и на меня наложилъ свою тяжкую лапу. Мнѣ надлежало принести мою жизнь въ сладостную жертву славѣ и высокому подвигу, а тебѣ—докончить наше дѣло. И, пока Звѣрь терзалъ бы мое тѣло, беззащитное и не защищающееся, ты могъ бы успѣть, быстроногій Аристомахъ, принести свое копье, и умертвить пьянаго отъ крови Звѣря. Но Звѣрь не принялъ моей жертвы. Я лежалъ передъ нимъ, спокойный и неподвижный, глядя прямо въ его налитые кровью глаза. Онъ держалъ на моемъ плечѣ тяжкую свою лапу, дышалъ горячо и неровно, и тихо ворчалъ. Потомъ

широкимъ, жаркимъ языкомъ лизнулъ мое лицо, и отошелъ.

— Гдѣ же онъ?—спросилъ Аристомахъ.

Странно спокойнымъ и странно, въ тихой неподвижности влажнаго воздуха, звучнымъ голосомъ отвѣтилъ Тимаридъ:

— Онъ шелъ за мною. Не знаю, какъ долго мнѣ надо было пройти, пока я нашелъ тебя. Онъ шелъ за мною. Я приманивалъ его запахомъ моей крови. Не знаю, почему онъ до сихъ поръ не тронулъ меня. Но вотъ я приманилъ его къ тебѣ. Достань же оружіе, которое такъ искусно ты спряталъ, и убей Звѣря, а я въ свою очередь уйду отъ тебя, и оставлю тебя одного въ минуту смертельной опасности, съ глазу на глазъ съ разъяреннымъ звѣремъ. Будь счастливъ, Аристомахъ!

И сказавъ это, Тимаридъ бросился бѣжать. Въ темнотѣ недолго мелькалъ его бѣлый плащъ. И вотъ уже онъ скрылся. И въ тотъ же мигъ раздалось страшное рыканіе Звѣря, и послышалась его тяжкая поступь. Раздвигая кусты, показалась въ темнотѣ громадная, уродливая голова Звѣря, сверкнули багровымъ огнемъ два огромные, пламенные глаза. И на темномъ молчаніи ночныхъ деревъ, темный и свирѣпый, приблизился Звѣрь къ Аристомаху.

Ужасъ наполнилъ сердце Аристомаха.

„Гдѣ же копье?“—краткая мелькнула въ головѣ его мысль.

И въ ту же минуту, быстрое почувствовавъ на лицѣ своемъ вѣяніе ночного свѣжаго воздуха, догадался Аристомахъ, что онъ бѣжитъ отъ Звѣря. Тяжелые прыжки Звѣря и его прерывистое рыканіе раздавались все ближе и ближе за Аристомахомъ. И уже когда Звѣрь настигалъ его, громкій вопль разсѣкъ ночную тишину. И возопилъ Аристомахъ, и, вспоминая древнія и страшныя слова, громко произнесъ заклятіе стѣнъ.

И, заклятыя, вокругъ него воздвиглись стѣны...

III.

Заклятыя, незыблемо и свѣтло стояли стѣны. Неживой отражался на нихъ свѣтъ мертвой электрической лампы. Все обставшее Гурова было обычно и просто.

Опять легкая приходила Лихорадка, и цѣловала желтыми, сухими губами, и ласкала сухими, костлявыми руками, разсыпающими жаръ и холодъ. Та же была книга, маленькая, скудная, съ бѣлыми страницами, на столикѣ около дивана, на которомъ попрежнему спокойно лежалъ Гуровъ, нѣжась въ объятіяхъ ласковой Лихорадки, осыпаемый ея быстрыми поцѣлуями. И опять около него маленькіе смѣялись и шелестѣли домашніе нежити.

Гуровъ сказалъ громко и равнодушно:

— Заклятіе стѣнъ.

И остановился. Но въ чемъ же это заклятіе? Забылъ слова. Или ихъ и не было?

Маленькіе нежити, зыбкіе, сѣренькіе, плясали вокругъ маленькой книги съ мертвенно бѣлыми страницами, и шелестящими голосочками повторяли:

— Наши стѣны крѣпки. Мы въ стѣнахъ. Не придетъ къ намъ цѣпкій внѣшній страхъ.

Посреди нихъ стоялъ одинъ, такой же маленькій, но непохожій на нихъ. Онъ былъ весь черный. Одежда его струилась дымно-пламенными складками. Глаза исторгали яркія молніи. Становилось вдругъ страшно, и потомъ опять радостно. И спросилъ Гуровъ:

— Кто ты?

Черный гость отвѣтилъ:

— Я—Призывающій Звѣря. На берегу лѣсного ручья оставилъ ты, въ давно минувшемъ переживаніи твоемъ, растерзанное тѣло Тимарида. Звѣрь насытился прекраснымъ тѣломъ твоего друга,—онъ сожралъ плоть, которая должна вмѣстить полноту земного счастія: дивное совершенство

человѣческаго,—и болѣе, чѣмъ человѣческаго, — образа погибло, чтобы на мигъ насытить голоднаго и всегда ненасытнаго Звѣря. И кровь, дивная кровь, божественное вино счастія и веселости, вино блаженствъ болѣе, чѣмъ человѣческихъ,—гдѣ эта дивная кровь? Увы! — жаждущій, вѣчно жаждущій Звѣрь мгновенно упился ею, и снова жаждетъ. Растерзанное Звѣремъ тѣло Тимарида оставилъ ты на берегу лѣсного ручья,—ты забылъ обѣщаніе, данное тобою твоему доблестному другу, и слова древняго оракула не отогнали страха отъ твоего сердца. И ты думаешь, что ты спасся, что Звѣрь не найдетъ тебя?

Жестоко звучали его слова. Пока онъ говорилъ, прекратилась понемногу пляска домашнихъ нежитей, — остановились маленькіе, сѣренькіе нежити, и слушали Призывающаго Звѣря. И сказалъ Гуровъ:

— Что мнѣ до Звѣря! Я заклялъ навѣки мои стѣны, — и Звѣрь не проникнетъ ко мнѣ, въ мою ограду.

Сѣренькіе обрадовались, и зазвенѣли, засмѣялись, и уже готовились начать снова свою веселую пляску, и уже взялись за руки, и опять стали въ кружокъ,—но Призывающій Звѣря заговорилъ снова, и рѣзки и суровы были звуки его голоса. И онъ сказалъ:

— Но вотъ я здѣсь. Я здѣсь, потому что я нашелъ тебя. Я здѣсь, потому что умерло заклятіе стѣнъ. Я здѣсь, потому что Тимаридъ ждетъ и неустанно вопрошаетъ. Слышишь нѣжный смѣхъ доблестнаго и довѣрчиваго отрока? Слышишь грозное рыканіе Звѣря?

За стѣною раздавалось, приближаясь, грозное рыканіе Звѣря.

— За стѣною рычитъ Звѣрь, за незыблемою стѣною! — въ ужасѣ воскликналъ Гуровъ,—стѣны мои закляты навѣки, и ограда ихъ нерушима.

И сказалъ Черный,—и повелительно было выраженіе его словъ:

— Говорю тебѣ, человѣкъ, умерло заклятіе стѣнъ. И если хочешь спасти себя заклятіемъ стѣнъ, — ну что же, скажи это заклятіе.

Острый озноб вдругъ пропиталъ все тѣло Гурова. Заклятіе! Но забыты слова древняго заклятія. Да и не все ли равно! Умерло, умерло древнее заклятіе.

И все предстоящее говорило съ неотразимою убѣдительностью, что умерло древнее заклятіе стѣнъ,—потому что и стѣны, и свѣты, и тѣни,—все стало мертвымъ и зыблемымъ. Призывающій Звѣря говорилъ страшныя слова. И кружилась, и болѣла голова у Гурова, и томила своими жаркими поцѣлуями неотступно ласкающая Лихорадка. Страшныя слова звучали, почти не доходя до сознанія, — а Призывающій Звѣря становился все больше и больше, — и зноемъ вѣяло отъ него, и страхомъ. Глаза его метали огонь, — и когда онъ сталъ уже такой высокій, что заслонилъ свѣтъ лампы,—вдругъ черный плащъ упалъ съ его плечъ. И узналъ его Гуровъ,—это былъ отрокъ Тимаридъ.

— Ты убьешь Звѣря? — спросилъ Тимаридъ звонкимъ голосомъ.—Я призвалъ его, привелъ его къ тебѣ, разрушилъ заклятіе стѣнъ. Коварный даръ враждебнаго божества, древнее заклятіе стѣнъ обращало въ ничто мою жертву, заслоняло отъ тебя твой подвигъ. Но умерло древнее заклятіе стѣнъ,—возьми же скорѣе свой мечъ, убей Звѣря. Я былъ только отрокомъ,—я сталъ Призывающимъ Звѣря. Моею кровью я напоилъ Звѣря, и онъ жаждетъ снова, и моею плотью я напиталъ его, и онъ опять голоденъ, ненасытный, жестокій Звѣрь. Къ тебѣ я призвалъ его, и ты, во исполненіе обѣщанія, убей Звѣря. Или умри.

Исчезъ. Страшное рыканіе потрясло стѣны. Холодною повѣяло сыростью.

Стѣна, прямо противъ того мѣста, гдѣ лежалъ Гуровъ, разверзлась, и вышелъ свирѣпый, громадный, уродливый

Звѣрь. Со свирѣпымъ рычаніемъ подошелъ онъ къ Гурову, тяжелую на его грудь положилъ лапу. Прямо въ сердце вонзились безпощадные когти. Страшная боль пронизала тѣло. Сверкая кровавыми глазами, Звѣрь наклонился къ Гурову, и, съ трескомъ дробя зубами его кости, сталъ пожирать его трепещущее сердце.

ЗА РѢКОЮ МЕИРУРЪ

I.

Двѣ недѣли, проведенныя мною и братомъ моимъ Сиономъ въ великолѣпной столицѣ, пышной и порочной, промелькнули, какъ быстрый, смутный сонъ. Все дивило и поражало взоры жителей стороны, удаленной не однимъ только разстояніемъ, но и нравами, отъ ухищреній и соблазновъ этого гордаго, царственнаго, торжественнаго города. Но слишкомъ поздно понялъ я, что не только дивенъ и славенъ шумный, многолюдный и обширный городъ, но и страшенъ онъ для неискушеннаго опытомъ долгой жизни юнаго сердца. И самъ я испыталъ соблазнъ и огорченіе, ни съ чѣмъ несравнимое. Но не брать бы мнѣ съ собою молодого моего брата!

Другъ нашъ Сарру, у котораго мы остановились, хотѣлъ отплатить намъ за гостепріимство наше во время его странствованія въ нашей землѣ. Онъ неотлучно былъ съ нами, забывъ всѣ свои дѣла, и единственною заботою его было то, чтобы показать намъ все достойное вниманія въ этомъ дивномъ и великомъ городѣ. Тогда какъ другіе хозяева часто тяготятся гостями, и ждутъ съ нетерпѣніемъ разлуки, нашъ добрый другъ жалѣлъ лишь о томъ, что мы не можемъ прожить въ его домѣ долго, чтобы пройти весь годовой циклъ торжествъ, праздниковъ и жертвоприношеній.

Храмы божествъ милостивыхъ и свирѣпыхъ, священ-

ныя рощи таинственныхъ духовъ, мрачныя башни успокоенія, благоуханные сады любострастныхъ наслажденій, пріюты расточаемыхъ за деньги ласкъ, базары съ неисчислимыми богатствами роскошныхъ тканей, ковровъ, оружія, драгоцѣнныхъ камней, благовоній и мастей, забавныхъ птицъ и обезьянъ, отроковъ и рабынь всѣхъ оттѣнковъ кожи, отъ самаго нѣжнаго розоваго до самаго чернаго цвѣта, кофейни и пріюты для курекій, отъ которыхъ человѣкъ восхищается въ невиданныя на землѣ области, и много еще иного, о чемъ и не упомню, показывалъ намъ Сарру. Но рѣчь веду не о множествѣ видѣннаго. Одно было намъ искушеніе, и оно привело насъ и всю страну нашу къ величайшимъ несчастіямъ.

И не посѣщать бы мнѣ этого города! Или, или по крайней мѣрѣ, не брать бы мнѣ съ собою моего юнаго брата. Едва вышедшій изъ отроческаго нѣжнаго возраста, какъ могъ онъ преодолѣть искушеніе, которое и для меня было столь тягостнымъ испытаніемъ!

Однажды утромъ другъ нашъ Сарру сказалъ намъ:

— Сегодня я покажу вамъ царскій звѣринецъ,—въ этомъ мѣсяцѣ сады звѣринца доступны для обозрѣнія не только намъ, но и чужеземцамъ.

Братъ мой Синъ шумными изъявленіями восторга радовалъ нашего друга. Я же смутился, ибо въ ту ночь видѣлъ во снѣ зловѣщее предзнаменованіе: звѣря непомѣрной силы и свирѣпости, рыканіе котораго было подобно голосу того, кто обитаетъ въ чащахъ за рѣкою Мейруръ. И не [illegible] мнѣ въ проклятый звѣринецъ! Но не захотѣлъ я [illegible] любезнаго нашего хозяина.

II.

Въ саду, который казался нескончаемымъ, въ клѣткахъ разной величины и разной формы, сдѣланныхъ изъ раз-

личныхъ металловъ и разнообразнаго дерева, увидѣли мы прежде всего чудесное многообразіе птицъ. Тутъ были и громадныя птицы съ сильными крыльями и хищно изогнутымъ клювомъ, которымъ они могли бы захватить и унести самаго тучнаго барана, и птицы, лишенныя почти совсѣмъ крыльевъ, но за то одаренныя перьями удивительно красивой окраски, напоминавшими самоцвѣтные камни въ пескѣ рѣки Мейруръ, которыми играя забавляются наши дѣти; птицы, голосъ которыхъ былъ такъ пріятенъ, что пѣніе ихъ можно было слушать безъ конца съ великимъ восхищеніемъ; птицы столь малой величины, что онѣ казались красивыми стрекозами: были и такія птицы, которыя умѣли говорить на языкѣ той страны, хотя и не очень хорошо, но все-таки достаточно внятно и громко.

Въ громадныхъ водовмѣстилищахъ видѣли мы великое множество рыбъ и другихъ рѣчныхъ и морскихъ чудовищъ. Далѣе были помѣщены громадныя, страшныя змѣи. Онѣ съ такою яростью раззѣвали свои ужасныя пасти, высовывая страшныя жала, что невольный трепетъ обнималъ всякаго. Взглядъ свирѣпыхъ гадинъ производилъ такое впечатлѣніе, что неосторожный, посмотрѣвшій прямо въ змѣиныя очи, лишался способности двигаться: надо было, чтобы кто-нибудь другой увелъ его отъ страшнаго, хотя и безопаснаго мѣста,—ибо эти гады не только были заключены въ клѣтки съ тонко извитыми рѣшетками, но и были обезврежены: у нихъ были вырваны зубы, въ которыхъ хранился пагубный ядъ.

Далѣе увидѣли мы неисчислимое множество клѣтокъ со звѣрями хищными и травоядными,—верблюды съ однимъ и двумя горбами, носороги, бегемоты, невиданные звѣри съ ужасными когтями, и чудовища съ носами, похожими на змѣй.

Мой юный братъ Синъ восторгался всѣмъ, что онъ видѣлъ. Я же, отъ множества собранныхъ въ одно мѣсто чу-

довищъ, изъ которыхъ многіе оглашали воздухъ противными и страшными звуками, все болѣе и болѣе смущался, и тягостныя предчувствія все сильнѣе томили меня. Другъ нашъ Сарру сказалъ намъ:

— Сейчасъ вы увидите звѣря, поистинѣ царственнаго.

Но не успѣлъ еще Сарру произнести имя звѣря, какъ свершилось дивное явленіе, повергнувшее меня въ неизъяснимый трепетъ, и заставившее меня въ ужасѣ упасть лицомъ на землю. Надъ многообразіемъ звѣриныхъ криковъ и людскихъ веселыхъ голосовъ раздалось внезапно грозное рыканіе,—голосъ обитающаго въ чащѣ за рѣкою Мейруръ.

Рыканіе, которое въ тишинѣ нашихъ ночей наводило ужасъ на сердца наши, и означало, что обитающій въ лѣсу, алкая новой жертвы, рыщетъ у околицы нашего селенія,—это рыканіе раздалось въ звѣринцѣ великаго царя. Повергнувшись на землю, ждалъ я, кого изъ присутствующихъ изберетъ онъ для своей трапезы, и таинственнымъ ужасомъ было полно мое сердце. Мысленно прощался я съ жизнью,—никогда въ такой близости ко мнѣ не слышалъ я грознаго этого рыканія.

Когда я и братъ мой Синъ лежали, распростертые въ прахѣ, и ждали, вдругъ услышали мы громкій, заглушившій даже грозное рыканіе, хохотъ множества людей. Другъ нашъ Сарру, смѣясь, какъ всѣ, старался поднять насъ съ земли.

Не бойтесь,—говорилъ онъ намъ,—этотъ звѣрь, точно, страшенъ, если встрѣтить его на волѣ. Но онъ посаженъ въ прочную клѣтку, и не уйдетъ изъ нея, хотя бы и еще сильнѣе былъ онъ. Мастеръ, строитель клѣтки, знаетъ свое дѣло. Да и можетъ ли грозить кому-нибудь опасность въ томъ мѣстѣ, гдѣ бываетъ самъ великій царь, забавляясь заключенными въ звѣринцѣ чудовищами?

Не поднимая лица, я отвѣчалъ другу нашему Сарру:

— Сердце мое не знаетъ страха, и не дрожало оно въ

минуты смертной опасности. Но я слышалъ грозное рыканіе, и жду дивнаго и страшнаго явленія. Обитающій въ лѣсу за рѣкою Мейруръ алчетъ жертвы,—и человѣку надлежитъ лежать во прахѣ, и ждать, кого возьметъ свирѣпый для своей трапезы.

Смѣясь попрежнему, говорилъ мнѣ Сарру:

— Это рычитъ звѣрь, посаженный въ клѣтку, совершенно безопасный. Вотъ, смотри, и малыя дѣти тѣснятся у клѣтки звѣря, и не боятся его, потому что рѣшетка клѣтки несокрушима. Звѣрь получитъ только ту пищу, которую дадутъ ему приставники звѣринца.

Долго не вѣрилъ я другу нашему, и долго лежалъ въ пыли передъ клѣткою, потому что рыканія продолжались. такія же грозныя и свирѣпыя, какъ и тѣ, которыя ужасали меня по ночамъ, когда я просыпался въ моемъ шатрѣ, и слышалъ приближающагося къ селенію и требующаго жертвы.

Но братъ мой Синъ тихо сказалъ мнѣ наконецъ:

— Я осмѣлился взглянуть на клѣтку. Рыканіе исходитъ отъ звѣря, заключеннаго тамъ.

И тогда я не зналъ, что думать, и какъ мнѣ быть. Коварный ли демонъ имѣетъ въ этомъ нечестивомъ городѣ такую власть, что осмѣливается гнуснымъ своимъ рычаніемъ подражать грозному голосу? Но могутъ ли быть демоны столь дерзкіе и столь сильные? Обитающій ли за рѣкою Мейруръ таится въ шкурѣ звѣря, плѣненнаго и безопаснаго, смѣется надъ жалкими въ ихъ ослѣпленіи людьми, и выбираетъ себѣ между ними жертву? Но можетъ ли великій и грозный снизойти до того, чтобы прятаться въ шкурѣ плѣненнаго звѣря? Или презрѣнный демонъ этого нечестиваго города, лживый, коварный, покровительствующій хитрымъ, дерзновеннымъ замысламъ, измыслилъ невѣдомыя чары?

Но не грозитъ ли неисчислимыми бѣдствіями для меня

и брата моего Сина то, что мы осмѣливаемся длить нечестивый восторгъ развратныхъ жителей этого проклятаго города, и лежать, хотя и въ смиренномъ положеніи, передъ отвратительною клѣткою, въ которой совершается что-то, намъ совершенно непонятное, и, можетъ быть, даже и совсѣмъ недоступное слабому человѣческому разуму, но, несомнѣнно, оскорбительное для завѣтовъ нашей благословенной родины?

Рыдая, лежалъ я во прахѣ, межъ тѣмъ, какъ нечестивцы издѣвались надъ нами, и не зналъ, что дѣлать. И братъ мой Синъ сказалъ мнѣ:

— Уйдемъ отсюда.

Я не зналъ, можно ли уйти, пока онъ рычитъ надъ нами. И какъ подняться? И какъ увидѣть того, въ глаза котораго еще никто изъ насъ не смотрѣлъ? Если точно онъ здѣсь въ клѣткѣ, то какъ уйти отъ него, и какъ оставить его въ униженіи и позорѣ? Но что мы можемъ сдѣлать? Оставаясь здѣсь, и слушая насмѣшки и надъ нами, и надъ нимъ, не совершали ли мы сами гнуснѣйшаго изъ человѣческихъ грѣховъ? И хотя въ первую минуту мысль уйти отъ грозно рыкающаго показалась мнѣ преступною, но скоро я понялъ, что намъ не остается ничего иного.

Но прежде, чѣмъ подняться и уходить, я тщательно закрылъ плащемъ лицо моего брата Сина, думая, что, если кому-нибудь изъ насъ надо погибнуть, встрѣтивъ разъяренный взоръ, то пусть лучше погибну я, насладившійся долготою дней, а не братъ мой, еще не испытавшій сладчайшихъ въ скоротечной жизни радостей и утѣшеній. Притомъ же юношеское легкомысліе могло заставить его снова поднять взоръ на клѣтку,—онъ могъ подумать, что, если первый взглядъ его остался неотмщеннымъ, то столь же счастливъ будетъ онъ и второй разъ. Я же, опытомъ долгой жизни умудренный, зналъ уже хорошо, что искушать судьбу безумно.

Ни на что болѣе не глядя, вышли мы изъ звѣринца, провожаемые грубыми насмѣшками толпы, безумной въ своемъ нечестіи. Поистинѣ, грозной кары достойны не только люди, обитающіе въ этомъ проклятомъ городѣ, но и самыя стѣны, столь хитро воздвигнутыя и суетно увѣнчанныя гордыми башнями.

III.

Въ тотъ же день мы поспѣшно навьючили верблюдовъ, и еще до солнечнаго заката покинули ужасный городъ.

Во время долгаго, труднаго пути много было у меня и у брата моего Сина досуга обдумать то, что случилось съ нами въ звѣринцѣ великаго царя. Но никакъ не могъ я понять значенія того дивнаго явленія, которое было намъ.

Не надлежало ли толковать его, какъ знаменіе, предвѣщающее нѣчто или ужасное или благопріятное? Но согласно ли съ истиннымъ знаніемъ, завѣщаннымъ намъ нашими предками, думать, что сильнѣйшее въ мірѣ является не само для себя, а только для того, чтобы въ мірѣ дѣяній человѣческихъ быть нѣкимъ вѣщимъ знакомъ? И кто мы такіе, чтобы обитающій за рѣкою Мейруръ приходилъ къ намъ безъ воли и могущества пожрать наши распростертыя передъ нимъ тѣла? Притомъ же никогда не слышали мы, даже и отъ старѣйшихъ изъ старцевъ нашихъ, чтобы онъ являлся предзнаменовать и пророчествовать о дѣлахъ нашихъ,—всегда приходилъ онъ, грозно рыкая, чтобы пожрать того изъ насъ, на кого падалъ его выборъ.

Долго шли мы съ братомъ въ пустынныхъ мѣстахъ, направляясь къ роднымъ селеніямъ, и ничего не говорили другъ съ другомъ. По угрюмому молчанію брата моего понималъ я, что и онъ думаетъ о дивномъ явленіи. Наконецъ,

уже когда до нашего дома оставалось не болѣе трехъ дней пути, сказалъ братъ мой Синъ:

— Когда повергнись мы на землю, и лежали долго, а чужіе люди издѣвались надъ нами, я наконецъ рѣшился поднять голову. И ясно увидѣлъ я разверстую пасть звѣря. Клянусь, не было въ этомъ ошибки,—рыканіе исходило изъ пасти звѣря. Дикаго звѣря, пойманнаго людьми, и посаженнаго въ клѣтку.

Я сказалъ брату моему Сину:

— Объ этихъ грозныхъ явленіяхъ надлежитъ молчать. Такова мудрость, которой научили насъ предки. Въ мірѣ есть много непонятнаго,—и какъ ни страшно то, что случилось съ нами, мы должны съ покорностью преклоняться передъ волею приходящаго къ намъ.

Синъ долго молчалъ. Когда день клонился къ вечеру, и уже солнце было низко, Синъ сказалъ мнѣ:

— Это и было то самое рыканіе, которое раздавалось у нашей околицы, когда онъ приходилъ за жертвою. Тотъ, которому мы поклонялись съ такимъ смиреніемъ, съ такою покорностью, тотъ, который пожиралъ безъ счета нѣжныхъ дѣвъ и веселыхъ дѣтей, онъ оказался дикимъ звѣремъ съ глазами зелеными, какъ у кошки, съ желтою шкурою, испещренною черными пятнами. И его можно изловить и посадить въ клѣтку.

Я ужаснулся, и запретилъ брату моему Сину говорить такія нечестивыя слова. Но Синъ, охваченный неистовствомъ, исходящимъ отъ коварнаго духа, вѣчно враждующаго съ обитающимъ за рѣкою Мейруръ, сказалъ мнѣ съ яростью:

— Я видѣлъ, что онъ—дикій звѣрь. И я не хочу, чтобы мы и впредь приносили ему такія безчисленныя, дорогія жертвы. Развѣ мы не можемъ построить такой для него клѣтки, которая была бы ему достойнымъ вмѣстилищемъ? И пусть онъ живетъ тамъ мирно, не разоряя нашихъ селе-

ній, не внося ужаса и горя въ наши семьи, питаясь нашими добровольными приношеніями. Я не такъ безуменъ, чтобы говорить, что можно жить безъ него,—но развѣ онъ не можетъ питаться мясомъ барановъ и быковъ? Зачѣмъ надо было, чтобы онъ пожралъ въ цвѣтѣ лѣтъ твою невѣсту, прелестнѣйшую изъ дѣвушекъ нашего села? Зачѣмъ надо было, чтобы столь многіе оплакивали своихъ дѣтей, когда онъ превосходно могъ бы насытиться отъ нашихъ стадъ?

Объятый ужасомъ, тщетно запрещалъ я моему брату, тщетно даже я нещадно бичевалъ его,—его языкъ продолжалъ извергать злыя и нечестивыя слова.

И возвратились мы домой.

IV.

Скоро между молодыми людьми начались тайныя совѣщанія,—братъ мой Синъ собиралъ юношей нашего селенія, и прельщалъ ихъ своими безумными разсужденіями. Увы! и самъ я принужденъ былъ, на прямо обращенные ко мнѣ вопросы, подтвердить, что и въ самомъ дѣлѣ въ царскомъ звѣринцѣ слышали мы, я и братъ мой Синъ, грозное рыканіе, и что оно исходило изъ той самой клѣтки, гдѣ заключенъ былъ дикій звѣрь, плѣненный хитрыми и сильными охотниками, безопасный въ крѣпко слаженномъ убѣжищѣ.

Правда, я не уставалъ объяснять сомнѣвающимся, что обитающій за рѣкою Мейруръ не могъ быть тамъ въ клѣткѣ, и что исходившее изъ клѣтки рыканіе было однимъ изъ тѣхъ неизъяснимыхъ явленій, которыя не могутъ быть постигнуты слабымъ человѣческимъ разумомъ, и о которыхъ лучше всего хранить молчаніе. Но меня мало слушали, и болѣе вѣрили злому внушенію легкомысленнаго Сина, увѣрявшаго, что обитающій за рѣкою Мейруръ—звѣрь, и что его надо посадить въ клѣтку.

Всѣ жители нашей страны раздѣлились на двѣ враждущія между собою стороны. Одни, соблюдая преданія старины и завѣты мудрыхъ предковъ нашихъ, сохранили вѣру въ того, кто обитаетъ въ непроходимыхъ чащахъ, недостижимый для людей, кто по ночамъ выходитъ изъ чащъ къ той или другой деревнѣ, и громкимъ рыканіемъ требуетъ жертвы,—вѣру въ то, что его пребываніе въ чащахъ близъ селеній нашихъ благодѣтельно для насъ, спасаетъ насъ отъ многихъ бѣдствій, и даетъ намъ счастіе и удачу въ охотѣ и другихъ трудахъ нашихъ. Другіе же съ нелѣпою запальчивостью и настойчивостью, пренебрегая мудрыми рѣчами хранителей отеческаго преданія, твердили безсмысленную сказку, что тотъ, которому мы донынѣ поклонялись, которому мы неисчислимыя приносили жертвы, только звѣрь, таящійся въ лѣсу.

Были многіе смуты и раздоры, сопровождаемые даже драками и убійствами,—братъ сталъ на брата, и сынъ на отца, и во всѣхъ семьяхъ нарушенъ былъ сладостный миръ, и стали распри.

V.

Наконецъ въ сердце мудраго Белезиса вошла мысль, лукавая, но прельстившая многихъ, особенно изъ тѣхъ, которые любятъ примирять и выбирать во всемъ средніе пути. Такъ говорилъ мудрый Белезисъ:

— Отцы наши преподали намъ ученіе о поклоненіи обитающему въ чащѣ, и требующему человѣческихъ жертвъ. Ученіе предковъ не должно быть нарушаемо и отвергаемо. Весь строй нашей жизни придетъ въ совершенное замѣшательство, если изъ сердецъ нашихъ исчезнетъ страхъ передъ тѣмъ, огненный взоръ котораго пронизываетъ непроглядную темноту нашихъ ночей. И если мы, старцы и учи-

тели народные, въ опытѣ долгой жизни нашей найдемъ достаточно ученія къ тому, чтобы и безъ него вести достойный предковъ нашихъ образъ жизни, то буйные и своевольные юноши наши, отринувъ мысль о немъ, истребивъ въ себѣ трепетъ передъ таинственнымъ существомъ, безъ сомнѣнія, впадутъ въ самый неистовый развратъ.

Старѣйшины и учители народные громкими хвалами привѣтствовали мудрыя слова. Найдя доступъ въ сердца лучшихъ людей, мудрый Белезисъ продолжалъ говорить такъ, чтобы угодить и легкомысленнымъ юношамъ. Такъ говорилъ онъ:

— Съ другой стороны, мы не можемъ сомнѣваться и въ правдивости нашего общаго друга Мелеха, и въ правдѣ повѣствованій юнаго Сина. Такъ, въ звѣринцѣ великаго царя видѣли они дивно изукрашенное помѣщеніе, которое они называютъ клѣткою, но которое, по ихъ описанію, столь великолѣпно, что достойно, безъ сомнѣнія, быть чертогомъ обитающаго за рѣкою Мейруръ. И слышали они голосъ, исходящій изъ этого чудеснаго чертога. А юный другъ нашъ Синъ съ отвагою, свойственною юношескому возрасту, осмѣлился даже бросить взоръ на существо, которое рычало въ чертогѣ въ то время, какъ Мелехъ и Синъ воздавали ему поклоненіе, а распутные жители великаго города глупымъ смѣхомъ своимъ свидѣтельствовали о глубинѣ своего невѣжества. И видѣлъ Синъ, что рыкающее существо во всемъ подобно звѣрю. Такъ говорятъ они, и почему бы намъ и не вѣрить ихъ разсказу? И почему бы обитающему за рѣкою Мейруръ не имѣть и звѣринаго облика? Пожирающій тѣла нашихъ юношей чего требуетъ отъ насъ? Не знаемъ ли мы, что онъ хочетъ пить живую кровь и ѣсть живую плоть? Когда онъ беретъ отрока или дѣву, онъ не жаритъ, не коптитъ и не солитъ свою пищу, а пожираетъ ее живьемъ,—но откуда мы знаемъ, что онъ хочетъ непремѣнно человѣческаго мяса? И если мы создадимъ

ему помѣщеніе, столь же изукрашенное, какъ и то, въ которомъ былъ заключенъ звѣрь великаго царя, то не приметъ ли онъ благосклонно нашего труда? Можетъ быть, поселившись въ созданномъ нами чертогѣ, онъ пожелаетъ измѣнить законъ питанія своего, и будетъ довольствоваться живыми телятами и ягнятами.

Юноши и дѣвы шумными изъявленіями восторга привѣтствовали коварную рѣчь мудраго Белезиса.

— Создадимъ ему чертогъ!—восклицали они.

Болѣе легкомысленные изъ нихъ даже осмѣливались говорить такъ:

— Построимъ поскорѣе клѣтку для звѣря, и загонимъ его туда. Довольно ему обжираться тѣлами прекраснѣйшихъ и сильнѣйшихъ между нами.

Воистину, это были глупые юноши,—они думали, что жизнь есть величайшее благо.

Напрасно старцы, оставшіеся вѣрными вѣрѣ предковъ, обличали нечестіе замысла хитраго Белезиса, и корили его въ томъ, что онъ на склонѣ своей жизни замыслилъ такое страшное дѣло. И изъ старцевъ многіе, любящіе своихъ дѣтей болѣе, чѣмъ бы надлежало, присоединились къ нему,— и постройка чертога была рѣшена.

VI.

Пока строилось зданіе, называемое чертогомъ, но которое было, конечно, клѣткою для звѣря, нѣкоторые изъ юношей задумали выти на обитающаго за рѣкою Меѣруръ со стрѣлами и копьями. Конечно, они были казнены.

И еще случилось событіе, которое повергло въ великое смущеніе всѣхъ благочестивыхъ, и всѣмъ легкомысленнымъ прибавило смѣлости.

Юноша Закиръ, одинъ изъ храбрѣйшихъ и искуснѣй-

шихъ охотниковъ, однажды пошелъ въ лѣсъ, и долго не возвращался. И уже мы всѣ считали его погибшимъ, и уже дѣвы пѣли сладкогласныя пѣсни, прославляя отважнаго Закира.

Но вотъ черезъ недѣлю на разсвѣтѣ Закиръ вернулся, обезсилѣвшій отъ потери крови, покрытый страшными язвами, но пылающій радостью и отвагою. Съ неохотою и уклончиво говорилъ онъ старѣйшинамъ о томъ, гдѣ онъ былъ, и что съ нимъ случилось, но мы всѣ замѣтили, что юноши и дѣвы собирались около него въ мѣстахъ уединенныхъ, и слушали его разсказы. И скоро по селенію нашему разнесся слухъ, что Закиръ встрѣтилъ обитающаго за рѣкою Мейруръ, и сражался съ нимъ.

Дерзкій мятежъ не могъ быть терпимъ. Искусные подслушиватели, пылая ревностью и желаніемъ снискать благосклонность старѣйшинъ, вызнали, о чемъ говорятъ юноши и дѣвы, сходясь въ уединенныхъ мѣстахъ, и что они скрываютъ отъ старѣйшинъ. Тогда Закира взяли, и подвергнули пыткамъ, чтобы вывѣдать отъ него, что съ нимъ случилось.

Не стерпѣвъ жестокихъ мученій, Закиръ покаялся въ своемъ грѣхѣ. Онъ говорилъ такъ, и мы всѣ внимали ему въ ужасѣ:

— Ночь была тиха и безлунна, когда я подходилъ къ той чащѣ, что простирается на три дня пути за рѣкою Мейруръ. Кинжалъ мой былъ остро наточенъ, и стрѣлы отравлены, ибо я твердо рѣшился выслѣдить и умертвить чудовище. Внезапно, такъ близко отъ меня, какъ близко останавливается дѣва, любуясь на юношу, котораго вожделѣетъ, такъ близко, какъ близко падаетъ первый камень изъ руки мальчика, начинающаго учиться метанію камней, такъ близко отъ меня раздалось рыканіе. Движимый силою привычки, вкоренившейся съ дѣтскихъ лѣтъ, я повергся на землю, и ждалъ. И тяжкая близко слышна была мнѣ поступь, и трескъ

сухихъ вѣтвей подъ его стопами. Я ждалъ. Но холодная ящерица скользнула по моей ногѣ, и ея прикосновеніе напомнило мнѣ все, что я слышалъ о звѣринцѣ великаго царя и о чертогѣ звѣря. И уже когда его дыханіе горячо и бурно проносилось надъ моею шеею, я вскочилъ на ноги, и схватился за мой кинжалъ. Не знаю, былъ ли передо мною онъ, или это было иное существо изъ породы демоновъ или дикихъ звѣрей,—но я видѣлъ передъ собою звѣря, громаднаго, зеленоглазаго, свирѣпаго. Пасть его, разверстая, готовая растерзать меня, страшила огромными, острыми, бѣлыми зубами. Воистину, кто бы онъ ни былъ, демонъ, богъ или звѣрь, это было существо дивное и грозное. И не знаю, какъ случилось, что я снова не повергся на землю. Какая-то сила, болѣе могущественная, чѣмъ мое бѣдное сознаніе, принудила меня встрѣтить звѣря очи въ очи, и принять грозный вызовъ рока. И я рѣшилъ вступить въ бой съ этимъ чудовищемъ, кто бы онъ ни былъ. Звѣрь присѣлъ, какъ кошка, готовящаяся къ прыжку, и снова ужасное рыканіе огласило лѣсъ, наполняя меня неизъяснимымъ ужасомъ. Но я зорко слѣдилъ за движеніями звѣря, и когда онъ кинулся на меня, я проворно увернулся и спрятался за деревомъ. Звѣрь готовился повторить прыжокъ. Казалось, что неудача досадуетъ и стыдитъ его, и онъ прилегъ и затаился, хитрый, осторожный, злой. Поспѣшно изготовилъ я стрѣлу, и отравленная мѣдь ея съ тонкимъ звономъ метнулась навстрѣчу звѣрю въ одно [время съ его вторымъ прыжкомъ. Въ тотъ же мигъ тяжелое, громадное навалилось на меня чудовище. Его когти вонзились въ мое тѣло, но я, преодолѣвая боль и страхъ, успѣлъ ударить его кинжаломъ. Не помню, что было потомъ. Когда я очнулся, ночь приходила къ концу. Я лежалъ окровавленный, слабый. Съ трудомъ приподнявъ голову, я увидѣлъ кровавый слѣдъ, уходящій въ глубину лѣса. Я понялъ, что раненый мною звѣрь оставилъ меня, что онъ ушелъ—издыхать, можетъ быть, а можетъ

быть, залечивать раны прикладываніемъ растущихъ на лѣсныхъ прогалинахъ цѣлебныхъ травъ.

Долго разсуждали старѣйшины о преступленіи Закира. Наконецъ хитрый Белезисъ произнесъ разумное слово, и всѣ приняли его съ многими хвалами. Такъ говорилъ Белезисъ:

— Подождемъ, когда услышимъ у околицы нашей рыканіе исцѣленнаго дивными травами. Его голосъ уличитъ дерзкаго, рыканіе обитающаго за рѣкою Мейруръ покажетъ его побѣду надъ смертію, и тогда мы выведемъ безумнаго Закира, обнаженнаго и связаннаго, и предадимъ въ жертву тому, кого онъ столь тяжко оскорбилъ, возжаждавъ его смерти.

Радовались юноши и дѣвы. Они говорили:

— Издохъ звѣрь, и не придетъ рычать у нашей околицы.

Цвѣтами вѣнчали они отважнаго, прекраснаго Закира, и плясали вокругъ него, и славословили его пѣніемъ красносложенныхъ гимновъ, и восходящими выше облаковъ звуками флейтъ и тимпановъ.

Но непродолжительна была ихъ радость. Не прошло и недѣли, какъ близъ нашего селенія снова послышалось грозное рыканіе.

И вывели Закира, какъ было рѣшено на судѣ старѣйшинъ, связаннаго и обнаженнаго, къ чащѣ. На другой день нашли недалеко отъ того мѣста кости безумнаго Закира. Юноши и дѣвы плакали неутѣшно, и неизгладимую въ сердцахъ своихъ запечатлѣли память о Закирѣ, а мудрые старцы проклинали дерзкаго.

VII.

Но вотъ готовъ былъ изукрашенный чертогъ. Мы поставили чертогъ на берегу рѣки Мейруръ, на то мѣсто, гдѣ

любилъ по ночамъ ходить онъ, ожидая жертвы. Въ клѣтку посадили мы для него, какъ пріятную и послѣднюю ему человѣческую жертву, юную, прекрасную Ханнан, совлекши съ нея одежду, чтобы не утруждать его когтей разрываніемъ мертвой ткани.

Не долго ждали мы. Онъ пришелъ за добычею. Мы вышли навстрѣчу ему съ пѣніемъ торжественныхъ гимновъ. Сладостно томились наши души. Намъ предстояло наконецъ въ первый разъ увидѣть его лицомъ къ лицу, и воздать ему поклоненіе не во тьмѣ и тайнѣ, какъ прежде, а при яркомъ озареніи смоляныхъ факеловъ.

Праздничныя одежды надѣли мы на себя, дорогими благоуханіями умастили тѣла и волосы наши, вѣнками изъ душистыхъ травъ и прекрасныхъ цвѣтовъ увѣнчали мы наши головы. Никто изъ насъ не взялъ съ собою оружія,— такъ строго повелѣли старѣйшины наши, чтобы не оскорбить его видомъ вооруженія, которое такъ легкомысленно было поднято на него. Радостные, спокойные и мирные, шли мы, и пѣли священные гимны. И все ближе и ближе было его рыканіе. И вотъ наконецъ багровый свѣтъ факеловъ упалъ на его ликъ.

Мы стали вкругъ изготовленнаго чертога, стали такъ, чтобы свободный и широкій открытъ былъ ему путь въ чертогъ. Но онъ не пожелалъ исполнить смиренныхъ моленій нашихъ. По волѣ своей пожелалъ онъ выбрать себѣ жертву. Бросился онъ на толпу отроковъ и дѣвъ, быстрый и свирѣпый, и повергъ на землю дочь мою Лотту.

Когда онъ съ жаднымъ ворчаніемъ терзалъ милое тѣло дочери моей Лотты, и, визжа и мяукая отъ наслажденія, пилъ горячую кровь изъ ея трепетнаго горла, отверзлись внезапно глаза мои, и понялъ я, что тотъ, кому мы поклонялись, кому приносили мы неисчислимыя жертвы, жестокій и свирѣпый, жаждущій горячей крови, и алчущій живой, расцвѣтающей плоти, есть воистину звѣрь, дикій

и безумный, сильный только нашимъ безсиліемъ, грозный только нашимъ передъ нимъ трепетнымъ страхомъ.

И всѣ мы увидѣли звѣриное тѣло, желтое, съ безобразными черными пятнами, и возопили всѣ, и юноши, и дѣвы, и старцы:

— Воистину, дикому и злому поклонялись мы звѣрю. И нынѣ видимъ мы своими глазами, кто обитаетъ въ чащѣ за рѣкою Мейруръ, и видимъ, что тѣла отроковъ и дѣвъ нашихъ и великаго охотника за звѣремъ Закира пожраны свирѣпымъ, несмыслящимъ звѣремъ.

А звѣрь снова бросился въ толпу юношей, и терзалъ новую жертву. Что могли мы сдѣлать? Безъ оружія вышли мы,—и встрѣтили звѣря. И мы бѣжали. Звѣрь гнался за нами, и страшными ударами когтистыхъ лапъ терзалъ и крушилъ многія тѣла, выбирая самыхъ юныхъ, ибо у лѣсного звѣря тонкое для пищи своей чутье.

Въ этотъ день довольно насытился звѣрь жаркою кровью и нѣжными тѣлами отроковъ нашихъ и дѣвъ. Мы укрылись въ нашихъ шалашахъ, и оплакивали многихъ погибшихъ. И оружіе готовили мы, и жажда отмщенія жгла наши сердца.

VIII.

Длились дни. Хитрый звѣрь таился и нападалъ внезапно,—и много погибло храбрыхъ и юныхъ. Было и среди насъ не мало такихъ, которые сохранили вѣрность звѣрю, —и они заманивали, а то и силою увлекали въ чащу тѣхъ, кто слишкомъ громко и смѣло говорилъ противъ звѣря и прислужниковъ его. Иные находили выгоду въ томъ, чтобы звѣрь попрежнему почитался, ибо гаданіями своими они обольщали многихъ, и увѣряли, что онъ милостивъ къ нимъ и къ тѣмъ, за кого они молятъ. И много погибло не-

осторожныхъ и отважныхъ, но немало было истреблено и приверженцевъ жестокаго.

Иные изъ старѣйшинъ говорили такъ,—и слова ихъ дышали глубокою мудростью:

— Безумные, къ чему вы стремитесь? чего вы хотите? Подумайте, что будетъ, если вы его убьете! Какъ можемъ мы жить безъ него? Отвергнуть всѣ завѣты предковъ легко,— но на чемъ же будетъ основанъ строй вашей жизни?

Увы! Этого мы не знали, объ этомъ мы даже не хотѣли думать. Лишь бы избавиться отъ жестокаго звѣря!

И вотъ однажды утромъ радостные крики пронеслись по селенію. Дѣти и юноши бѣжали по улицамъ селенія, и кричали:

— Звѣрь смертельно раненъ! Звѣрь издыхаетъ!

И дѣвы свирѣльными голосами своими восклицали, ударяя ладонь о ладонь, и пляша на стогнахъ селенія:

— Издыхаетъ, издыхаетъ звѣрь!

И трубные звуки, и тимпаны, и флейты оглашали распутья окрестныхъ дорогъ, — и далече раздавались радостные крики:

— Проклятый, проклятый звѣрь издыхаетъ!

А на берегу рѣки Мейруръ лежалъ звѣрь, пораженный отравленною стрѣлою. Корчась въ предсмертныхъ мукахъ, рычалъ издыхающій звѣрь. Зеленые глаза его горѣли безсильною яростью, и ужасные когти рыли землю, а трава вокругъ поверженнаго звѣря орошалась его нечистою кровью.

И приспѣшники звѣря плакали, таясь въ своихъ шалашахъ.

А мы въ тотъ день ликовали.

Мы не думали о томъ, какъ мы будемъ жить.

Мы не думали о томъ, кто придетъ на берега рѣки Мейруръ, и поработитъ насъ иною и злѣйшею властью.

ОТРОКЪ ЛИНЪ

Исполнивъ съ большимъ успѣхомъ повелѣніе усмирить непокорныхъ жителей мятежнаго селенія, отказавшихся приносить жертвы и совершать благочестивыя поклоненія передъ изображеніемъ божественнаго императора, отрядъ римской конницы возвращался въ лагерь. Много пролито было крови, много истреблено нечестивцевъ,—и утомленные воины съ нетерпѣніемъ ждали наступленія того отраднаго часа, когда они вернутся въ свои палатки, когда они тамъ безъ помѣхи насладятся прекрасными тѣлами взятыхъ ими въ мятежномъ селеніи женъ и дочерей нечестивыхъ безумцевъ.

Эти женщины и дѣвы уже вкусили сладостное, но утомительное насиліе поспѣшныхъ ласкъ у околицы разрушеннаго и сожженнаго селенія, возлѣ изуродованныхъ труповъ ихъ отцовъ и мужей, возлѣ измученныхъ тѣлъ ихъ матерей, окровавленныхъ ударами палокъ и бичей. Онѣ, эти женщины и дѣвы, тѣмъ болѣе желанны были солдатамъ, чѣмъ непокорнѣе были онѣ сами, и чѣмъ вынужденнѣе были ихъ объятія. Теперь лежали онѣ, крѣпко связанныя, въ тяжелыхъ телѣгахъ, которыя увлекались сильными лошадьми по большой дорогѣ прямо къ лагерю.

Сами же всадники избрали путь окольный, ибо до свѣдѣнія старшаго центуріона дошло, что нѣкоторые изъ мятежниковъ успѣли скрыться, и бѣжали по этому направленію. И хотя уже покрыты кровью и иззубрены были мечи, и притупились копья отъ удалой работы ревностныхъ къ

славѣ и достоинству императора воиновъ,—но мечъ римскаго воина никогда не бываетъ сытъ тѣлами поверженныхъ враговъ, и вѣчно жаждетъ новой и новой горячей крови человѣческой.

Былъ знойный день, и самый жаркій часъ дня, вскорѣ послѣ полудня. Небо сверкало безоблачное и безпощадно яркое. Огненно-мглистый небесный Драконъ, дрожа отъ всемірной безумной ярости, изливалъ изъ пламенной пасти на безмолвную и унылую равнину потоки знойнаго гнѣва. Иссохшая трава приникла къ жаждущей и ждущей тщетно влаги землѣ, и тосковала вмѣстѣ съ нею, и томилась, и никла, и задыхалась отъ пыли.

Изъ-подъ лошадиныхъ копытъ дымно вздымалась, и еле движимымъ облакомъ въ недвижномъ воздухѣ стояла и колыхалась сѣрая пыль. И пыль садилась на доспѣхи утомленныхъ всадниковъ, и они тускло и багрово мерцали. И сквозь облако сѣрой, неподвижной пыли все окрестъ являлось взорамъ утомленныхъ воиновъ зловѣщимъ, мрачнымъ, печальнымъ.

Сжигаемая яростнымъ Дракономъ, покорная, безсильная лежала земля подъ тяжкими копытами, окованными желѣзомъ. Подъ тяжелыми, желѣзно-окованными копытами гудѣла, дрожала пустынная, пыльная дорога.

Только изрѣдка встрѣчались бѣдныя селенія съ жалкими лачугами.—но, томимый тяжкимъ зноемъ, забылъ старшій центуріонъ свое намѣреніе обшарить всю дорогу, и, мѣрно качаясь на сѣдлѣ, угрюмо думалъ о томъ, что кончится когда-нибудь этотъ зной, и долгій путь придетъ къ концу, и уведутъ боевого коня, и возьмутъ шлемъ и щитъ, и подъ широкимъ полотномъ походной палатки будетъ прохлада и тихій свѣтъ ночной лампады, и опять заплачетъ нагая рабыня, и заплачетъ свирѣльнымъ голосомъ, жалуясь и причитая на чужомъ и смѣшномъ языкѣ, и заплачетъ, но будетъ цѣловать. И онъ ее заласкаетъ, заласкаетъ до смерти,—

чтобы не плакала, не причитала, не жаловалась, не говорила свирѣльнымъ голосомъ объ убитыхъ, о милыхъ ей, о поверженныхъ врагахъ великаго Цезаря.

Юный воинъ сказалъ центуріону:

— Вонъ тамъ, направо, близъ дороги, я вижу толпу. Прикажи намъ, Марцеллъ, и мы помчимся на этихъ людей, и разгонимъ ихъ, и быстрымъ движеніемъ коней нашихъ разбудимъ усыпленный тяжкимъ зноемъ вѣтеръ, и онъ отвѣетъ пыльную истому отъ тебя и отъ насъ.

Центуріонъ внимательно посмотрѣлъ въ ту сторону, куда указывалъ ему юный воинъ. Зорки были глаза стараго центуріона.

— Нѣтъ, Люцилій, — сказалъ онъ, улыбаясь,—эта толпа — толпа дѣтей, которыя играютъ при дорогѣ. Не стоитъ разгонять ихъ. Пусть мальчишки смотрятъ на могучихъ коней нашихъ и на отважныхъ всадниковъ, и съ раннихъ лѣтъ запечатлѣваютъ въ сердцахъ своихъ преклоненіе передъ величіемъ римскаго войска и передъ славою нашего непобѣдимаго и божественнаго Цезаря.

Юный Люцилій не смѣлъ возражать центуріону. Но омрачилось лицо его. Недовольный отъѣхалъ онъ къ своему мѣсту, и тихо сказалъ своему другу, такому же, какъ онъ самъ, юношѣ:

— Эти дѣти, можетъ быть, отродье той же мятежной сволочи, и я бы съ радостью искрошилъ ихъ въ куски. Нашъ центуріонъ отъ старости сталъ слишкомъ чувствителенъ, и утратилъ свойственную доблестному воину суровую рѣшимость.

Но и другъ Люцилія отвѣтилъ ему съ примѣтнымъ неудовольствіемъ:

— Зачѣмъ же намъ сражаться съ дѣтьми? Какая въ этомъ слава? Довольно съ насъ битвъ съ тѣми, которые могутъ защищать себя.

579553

Тогда, краснѣя отъ досады, замолкъ юный и запальчивый Люцилій.

Воины приближались къ играющимъ дѣтямъ. Остановились дѣти при дорогѣ, и смотрѣли на воиновъ, дивясь ихъ могучимъ конямъ, ихъ блистающимъ доспѣхамъ, и ихъ мужественнымъ, загорѣлымъ лицамъ. Дивились, шептались, глядѣли широко раскрытыми глазами.

Только одинъ изъ дѣтей, прекрасный отрокъ Линъ, смотрѣлъ на воиновъ сумрачно, и черные глаза его сверкали огнемъ святого гнѣва. И, когда отрядъ всадниковъ поравнялся съ дѣтьми, отрокъ Линъ громко и гнѣвно воскликнулъ:

— Убійцы!

И угрожая поднялъ и протянулъ руки къ центуріону. Сумрачно глядѣлъ на него старый центуріонъ, не разслышалъ, что кричитъ мальчишка, и проѣхалъ мимо.

Испуганныя дѣти окружили Лина, и запрещали ему кричать, и шептали:

— Бѣжимъ, бѣжимъ скорѣе, а то они всѣхъ насъ убьютъ.

И дѣвочки уже заплакали. Но прекрасный отрокъ Линъ безбоязненно ступилъ впередъ, и громко крикнулъ:

— Палачи! Мучители невинныхъ!

И снова угрожая поднялась сжатая въ кулакъ маленькая, безсильная рука отрока Лина. Сверкая гнѣвными, черными очами, весь дрожа, задыхаясь отъ гнѣва, Линъ кричалъ все громче и громче:

— Палачи! Палачи! Чѣмъ смоете вы съ рукъ вашихъ кровь убитыхъ вами!

Дѣвочки подняли вопль, заглушая крики отрока Лина, и мальчики схватили его за руки, и повлекли прочь отъ дороги. Но Линъ вырывался изъ ихъ рукъ, сжигаемый святымъ гнѣвомъ, и выкрикивалъ проклятія воинамъ великаго императора.

Всадники остановились. Юнѣйшіе изъ нихъ громко восклицали:

— Это—отродье крамольниковъ. Мятежнымъ духомъ заражены ихъ сердца. Надо ихъ всѣхъ истребить. Нѣтъ мѣста подъ небомъ тому, кто осмѣлился оскорбить римскаго воина.

И старые воины говорили центуріону:

— Дерзость этихъ негодяевъ достойна жестокаго наказанія. Марцеллъ, прикажи намъ догнать и перебить ихъ всѣхъ. Надо уничтожить крамольное племя прежде, чѣмъ они вырастутъ и будутъ въ силахъ возстать и причинить великій вредъ божественному Цезарю и миродержавному Риму.

И центуріонъ сказалъ:

— Догоните ихъ, убейте тѣхъ, кто кричалъ, а остальныхъ накажите такъ, чтобы они помнили до конца своихъ дней, что значитъ оскорбить римскаго воина.

И всѣ воины, свернувъ съ пыльной дороги, помчались вслѣдъ за убѣгающими дѣтьми.

Видя погоню, отрокъ Линъ крикнулъ товарищамъ своимъ:

— Оставьте меня. Меня вы не спасете, а если будете бѣжать, то всѣ погибнете подъ мечами этого нечестиваго и безжалостнаго воинства. Я пойду къ нимъ навстрѣчу, и пусть они меня убьютъ одного,—я и не хочу жить въ этомъ презрѣнномъ мірѣ, гдѣ совершаются такія жестокія дѣла.

Остановился Линъ, и не могли увлечь его далѣе обезсилѣвшіе отъ бѣга и отъ испуга товарищи его. Стояли они, и громко плакали, а всадники быстро окружили ихъ тѣснымъ кругомъ.

Засверкали на солнцѣ вынутые изъ ноженъ мечи, и зыбкія улыбки Дракона побѣжали, безжалостныя, злыя, по стальнымъ клинкамъ. Задрожали дѣти, и съ громкимъ пла-

чемъ, прижимаясь другъ къ другу, сбились въ тѣсную кучу.

Драконъ, торопящій къ убійству, распаляющій жаркую солдатскую кровь, багровымъ дымомъ ярости застилающій воспаленные глаза воиновъ, уже радовался съ высотъ злому земному дѣлу, уже готовъ былъ безпощадными лучами змѣиныхъ своихъ очей облобызать невинную дѣтскую кровь и гнойнымъ зноемъ злобы залить изрубленные жестокими и широкими мечами беззащитныя тѣла. Но смѣло выступилъ изъ толпы отрокъ Линъ, и подошелъ къ центуріону. И сказалъ громко:

— Старикъ, это я назвалъ тебя и твоихъ воиновъ убійцами и палачами, это я проклиналъ тебя и всѣхъ, кто съ тобою, это я призывалъ гнѣвъ праведнаго божества на ваши нечестивыя головы. Смотри, вотъ они, эти дѣти, плачутъ и дрожатъ отъ страха. Они боятся, что проклятые воины твои по твоему безбожному повелѣнію убьютъ всѣхъ насъ, и убьютъ насъ и отцовъ и матерей нашихъ. Убей одного меня,—потому что эти покорны тебѣ и прославшему тебя. Убей только меня, если ты не насытился еще убійствами. Я же не боюсь тебя, я ненавижу твою ярость, я презираю твой мечъ и твою неправую власть, я не хочу жить на той землѣ, которую топчутъ кони твоего неистоваго воинства. Еще руки мои слабы, и я еще такъ малъ ростомъ, что не достану до твоего горла, чтобы задушить тебя,—убей же меня, убей меня скорѣе.

Съ великимъ удивленіемъ слушалъ его центуріонъ. И сказалъ:

— Нѣтъ, змѣенышъ, не будетъ по-твоему,— ты умрешь не одинъ.

И приказалъ своимъ воинамъ:

— Убивайте ихъ всѣхъ. Нельзя оставить въ живыхъ это змѣиное отродье,—потому что слова дерзкаго мальчишки запали въ ихъ мятежныя души. Убивайте ихъ всѣхъ безъ

площады, большихъ и малыхъ, и даже едва только научившихся лепетать.

Бросились воины на дѣтей, и рубили ихъ безпощадными мечами. Содрогнулась отъ дѣтскаго вопля угрюмая долина и пыльная дорога,—и отвѣтнымъ застонали стономъ мглистыя дали,—свирѣпо-нѣжнымъ эхомъ застонали, и замолкли. И, раздувая горячія ноздри, нюхали кони дымную кровь, и желѣзно-окованными копытами медленно и тяжко топтали дѣтскіе трупы.

Потомъ воины вернулись на дорогу, смѣясь радостно и жестоко. Торопились къ своему лагерю. Весело разговаривали, и радовались.

Но длился, длился пыльный, тяжкій путь въ тоскующей подъ гнѣвными пламенными очами Дракона долинѣ. Багровый сталъ склоняться Драконъ, но не было окрестъ прохлады, и, завороженный тишиною и страхомъ, спалъ вѣтеръ.

Багровый ликъ зловѣщаго Дракона склоняясь глядѣлъ въ зоркіе очи стараго центуріона,—и улыбался небесный Змѣй тихою и страшною улыбкою. И отъ того, что было тихо, и зловѣще, и багряно, и былъ тяжко ровенъ шагъ мѣрно-звонкихъ коней, стало тоскливо и страшно старому центуріону.

И такая мѣрная, и такая звонкая была тяжкая конская поступь, и такая тонкая, и такая сѣрая была недвижная, безнадежная пыль, и казалось, что не будетъ конца истомѣ и страху пустыннаго пути. И гулкимъ отзвучнымъ гудѣньемъ на каждый шагъ усталаго коня откликалась пустынная даль.

И гулкіе стоны рождались въ пустынной дали.

Гудѣла земля подъ копытами.

Кто-то бѣжалъ. Догонялъ.

Темный голосъ, подобный голосу отрока, убитаго воинами, кричалъ что-то.

Центуріонъ оглянулся на своихъ воиновъ. Покрытыя пылью лица были искажены не только усталостью. Смутный страхъ изображался въ грубыхъ чертахъ загорѣлыхъ солдатскихъ лицъ.

Сухія губы юнаго Люцилія трепетно двигались, шепча тревожно:

— Поскорѣе бы добраться до лагеря.

Взглянулъ пристально старый центуріонъ въ усталое лицо Люцилія, и тихо спросилъ молодого воина:

— Что съ тобою, Люцилій?

И такъ же тихо отвѣтилъ ему Люцилій:

— Страшно мнѣ.

И, стыдясь своего страха и своей слабости, сказалъ погромче:

— Жарко очень.

И опять, не одолѣвъ страха, зашепталъ тихо:

— Проклятый мальчишка гонится за нами. Заколдованъ онъ нечистыми чарами ночныхъ колдуній, и не сумѣли мы зарубить его такъ, чтобы онъ не всталъ.

Центуріонъ внимательно осмотрѣлъ окрестность. Ни близко, ни далеко никого не было видно. И сказалъ центуріонъ юному Люцилію:

— Развѣ ты потерялъ амулетъ, данный тебѣ старымъ жрецомъ заморскаго бога? Говорятъ, что у кого есть такой амулетъ, противъ того безсильны чары полуночныхъ и полуденныхъ колдуній.

Люцилій отвѣтилъ, дрожа отъ страха:

— Амулетъ на мнѣ, но онъ жжетъ мою грудь. Подземные боги уже приблизились къ намъ, и я слышу ихъ темный ропотъ.

Тяжкимъ гуломъ стонала долина. Старый центуріонъ, благочестивою рѣчью думая побѣдить свой страхъ, сказалъ Люцилію:

— Подземные боги благодарятъ насъ,— мы сегодня до-

вольно для нихъ поработали. Теменъ и невнятенъ голосъ подземныхъ боговъ, и страшенъ онъ въ знойномъ молчаніи пустыни, но не въ преодолѣніи ли страха честь доблестнаго воина!

Но опять сказалъ юный Люцилій:

— Страшно мнѣ. Я слышу голосъ настигающаго насъ отрока.

Тогда въ знойномъ безмолвіи долины свирѣльно-звонкій голосъ возгласилъ:

— Проклятіе, проклятіе убійцамъ!

Дрогнули воины, и быстро помчались кони. Невѣдомый голосъ, подобный голосу отрока Лина, звучалъ такъ близко, такъ ясно:

— Убійцы! Убійцы невинныхъ! Вамъ нѣтъ прощенія, нѣтъ пощады.

И быстро мчались погоняемые воинами кони. Но гнѣвъ зажегъ сердце стараго центуріона. И онъ крикнулъ, задерживая бѣгъ испуганнаго коня, и обращаясь къ всадникамъ:

— Или мы не воины великаго, божественнаго императора? Отъ кого мы бѣжимъ? Проклятый мальчишка, не добитый нами, или оживленный нечистыми чарами злыхъ колдуновъ, собирающихъ кровь для ночныхъ волхвованій, продолжаетъ возносить хулы противъ непобѣдимаго воинства. Но оружію римскому надлежитъ превозмочь не только вражью силу, но и темныя чары.

Устыдились воины. Остановили коней. Прислушались. Догонялъ ихъ кто-то, возглашающій и вопіющій, и въ мглистой тишинѣ мрачно-вечерѣющей долины явственно слышался дѣтскій крикъ:

— Убійцы!

Всадники повернули коней въ ту сторону, откуда доносились къ нимъ крики. И увидѣли они отрока Лина, бѣгущаго къ нимъ въ окровавленной, изорванной одеждѣ. Кровь струилась по его лицу, и по его рукамъ, поднятымъ

къ воинамъ въ угрожающемъ движеніи, какъ будто бы отрокъ хотѣлъ схватить каждаго изъ нихъ и повергнуть къ своимъ окровавленнымъ, запыленнымъ стопамъ.

Дикою злобою наполнились сердца воиновъ. Обнаживъ мечи, разъяривъ коней быстрыми уколами заостренныхъ стременъ, они ринулись стремительно на отрока, и рубили его мечами, и топтали, и насытили надъ его прахомъ ярость свою, и потомъ соскочили съ коней, и на куски изорвали тѣло отрока, и разметали его по дорогѣ и окрестъ.

Отеревъ мечи придорожною травою, воины сѣли на коней, и помчались дальше, спѣша къ лагерю. Но снова тяжкій стонъ огласилъ мрачную въ лучахъ склоняющагося Дракона долину,—и снова рыдающій свирѣльный голосъ вознесъ тѣ же безпощадныя слова. И повторялся въ ушахъ воиновъ звонкій вопль:

— Убійцы!

Тогда, томимые ужасомъ и злобою, воины опять повернули коней, — и опять бѣжалъ къ нимъ отрокъ Линъ въ окровавленной одеждѣ, и простиралъ къ нимъ свои залитыя кровью, угрожающія руки. И воины снова изрубили его, затоптали, и разрѣзали мечами его тѣло, и разбросали, и помчались.

Но опять и опять настигалъ воиновъ отрокъ Линъ.

И уже забыли воины, въ какой сторонѣ ихъ лагерь, и въ ярости безконечнаго убійства, среди воплей несмолкаемаго укора метались они по долинѣ, и кружили вокругъ того мѣста, гдѣ убиты были отрокъ Линъ и другія дѣти.

Весь остатокъ дня багряно пламенѣющій и дымно издыхающій Драконъ смотрѣлъ ярымъ, безпощаднымъ взоромъ на ужасъ и безуміе вѣчнаго убійства и нескончаемаго укора.

И вечеръ отгорѣлъ, и была ночь, и звѣзды мерцали, непорочныя, невинныя, далекія.

А въ долинѣ, гдѣ злое свершилось дѣло, метались

воины, и нескончаемымъ воплемъ томилъ ихъ отрокъ Линъ. И метались воины, и убивали, и не могли убить.

Передъ восходомъ солнца, гонимые ужасомъ, преслѣдуемые вѣчными стонами отрока Лина, примчались они къ морскому берегу. И вспѣнились волны подъ бѣшенымъ бѣгомъ коней.

Такъ погибли всѣ всадники, и съ ними центуріонъ Марцеллъ.

А тамъ, на далекомъ полѣ, у дороги, гдѣ убиты были всадниками отрокъ Линъ и другія дѣти, лежали тѣла ихъ, окровавленныя и непогребенныя. Ночью, трусливо и осторожно, пришли къ поверженнымъ тѣламъ волки, и насытились невинными и сладкими тѣлами дѣтей.

МИЛЫЙ ПАЖЪ

I.

Въ нѣкоторой благословенной и цвѣтущей странѣ, на высокихъ берегахъ у прекрасной рѣки, текущей съ увѣнчанныхъ вѣчнымъ снѣгомъ южныхъ горъ къ великому Сѣверному морю, лежали обширныя земли, подвластныя могучему владѣльцу. На самой высокой скалѣ, неприступный и господствующій надъ всѣми окрестными путями, гордо стоялъ графскій замокъ.

Уже графъ былъ въ преклонномъ возрастѣ, уже онъ схоронилъ шестерыхъ женъ, молодыхъ и прекрасныхъ, но безплодныхъ. Древній родъ его пресѣкся бы съ его смертью, но судьбѣ угодно было возстановить, хотя и страннымъ способомъ, блескъ и долгоденствіе во многихъ земляхъ прославленнаго рода.

Графъ былъ богатъ. Походы въ земли невѣрныхъ и многочисленные набѣги на зарубежныхъ близкихъ враговъ, въ которыхъ любилъ онъ въ годы юности и зрѣлаго мужества принимать участіе, обогатили его многими изящными и дорогими вещами,—тканями, оружіемъ, всякою утварью и одеждами,—и графскій замокъ былъ украшенъ на диво пышно.

Изъ походовъ на востокъ вынесъ графъ пристрастіе къ роскоши и красотѣ, къ сладкимъ винамъ, къ ароматичнымъ куреньямъ и пропитаннымъ пряностями мясамъ. Ласкать красавицъ любилъ графъ, и любилъ, чтобы взоры его ласкала красота изукрашенныхъ стѣнъ и сводовъ, тонко чека-

ненныхъ сосудовъ на пирахъ, и роскошныхъ одеждъ на красавцахъ и красавицахъ. Только прекрасные лицомъ, стройные тѣломъ и ласковые въ обращеніи отроки съ привѣтливыми взорами удостоивались высокой чести попасть въ число пажей къ веселому и мудрому старому графу.

Много мужественныхъ оруженосцевъ, красивыхъ пажей и усердныхъ слугъ было у графа, и всѣ они любили своего господина, и служили ему преданно и вѣрно, какъ подобаетъ добрымъ слугамъ, душою и тѣломъ и всею крѣпостью силъ. Вѣрные вассалы, и жены ихъ, и дѣти ихъ исправно несли милостивому графу установленные оброки и дани. Три жирные капеллана прилежно отмаливали каждое утро графскіе грѣхи, — такъ какъ и дѣянія знатныхъ господъ подчинены отчасти божескимъ и человѣческимъ законамъ.

II.

Въ окрестной странѣ цвѣло тогда много прекрасныхъ и юныхъ благородныхъ дѣвицъ, а потому старый графъ, рѣшившійся снова, какъ для продленія рода, такъ и для своего собственнаго удовольствія, вступить въ бракъ, невдолгѣ избралъ себѣ по сердцу своему въ этомъ прелестномъ цвѣтникѣ достойную его высокихъ доблестей и славнаго имени супругу. Та была нѣжная и скромная Эдвига, дочь одного изъ сосѣднихъ бароновъ, дѣвица, блистающая красотою и разумомъ, и обученная не только всякимъ, приличнымъ знатной дамѣ, рукодѣліямъ, но даже и грамотѣ.

Эдвига была веселаго нрава, любила невинныя забавы и застольныя шутки, и когда старый графъ ввелъ ее къ себѣ женою, въ его древнемъ замкѣ началось еще болѣе роскошное и веселое житье. Ибо старый графъ полюбилъ нѣжную Эдвигу сильнѣе, чѣмъ прежнихъ женъ, и весьма заботился

о томъ, чтобы доставить ей много удовольствій и радостей. Но такъ какъ уже тѣлесныя силы графа были въ упадкѣ, то графиня Эдвига скоро начала втайнѣ скучать, и лукавыя помышленія вошли въ ея сердце. Всему же вѣдь свѣту извѣстно, что женщины измѣнчивы и коварны, и что женская вѣрность требуетъ тщательнаго присмотра.

Эдвигины взоры стали почасту и подолгу блуждать по лицамъ пажей, словно нѣжная Эдвига искала себѣ утѣшителя. И наконецъ, на одномъ изъ пажей остановились желанія прекрасной госпожи, при чемъ слѣдуетъ сказать, что и взыскательный къ красотѣ графъ одобрилъ бы графининъ выборъ, если бы зналъ, и если бы могъ позволить ей измѣну.

Черноокій, смуглый, тонкій и ловкій пажъ Адельстанъ затмевалъ красотою всѣхъ окрестныхъ юношей, подобно тому, какъ ясно сіяющая луна затмеваетъ свѣтъ близкихъ къ ней звѣздъ. Уже на верхней губѣ его пробивался пушокъ, столь радующій сердце отрока, который готовъ почувствовать себя мужемъ. Черные глаза его блистали изъ подъ длинныхъ рѣсницъ, какъ въ черную ночь разожженные ярко факелы,—и, осѣненныя длинными рѣсницами, ярко пылали его смуглыя щеки, такъ пылали, что ни одна изъ окрестныхъ красавицъ не могла глядѣть на нихъ, не мечтая о томъ, чтобы осыпать ихъ поцѣлуями. И такъ какъ уже многія изъ нихъ цѣловали его, лукавыя, говоря, что еще онъ ребенокъ, то онъ пріобрѣлъ привычку къ любезному обхожденію, и увѣренность въ своемъ превосходствѣ надъ другими юношами. И потому онъ такъ прямо и гордо держался, и такъ высоко поднималъ свою голову, какъ будто бы онъ былъ королевичъ. — а вѣдь отецъ его былъ только бѣдный и незнатный рыцарь. Притомъ Адельстанъ умѣлъ играть на лютнѣ, и, обладая пріятнымъ и сильнымъ голосомъ, зналъ много романсовъ, въ которыхъ воспѣвались красавицы, а также и разныхъ другихъ пѣсенъ.

Адельстанъ смотрѣлъ на графиню почтительно и нѣжно, но улыбался иногда такъ дерзко, что графиня краснѣла и замирала, и въ улыбкѣ прекраснаго пажа открывалось ей обѣщаніе радостнаго рая.

Когда однажды графъ уѣхалъ на нѣсколько дней, графиня пожелала, чтобы Адельстанъ остался при ней въ замкѣ.

— Я этого хочу,—сказала она графу,— потому что онъ самый скромный изъ пажей, и у него глаза такіе же, какъ у васъ. Глядя на него, я буду вспоминать васъ, и не стану такъ скучать въ разлукѣ съ вами.

Графъ исполнилъ желаніе своей супруги. Онъ и самъ любилъ Адельстана, и зналъ, что Адельстанъ—отрокъ вѣрный ему во всемъ и до конца.

III.

На высокой башнѣ замка, глядя вслѣдъ уѣзжающему графу, и махая въ знакъ прощальнаго привѣта своимъ бѣлымъ платкомъ, прекрасная Эдвига тихо сказала Адельстану:

— Милый пажъ, эта ночь наша. Я хочу, чтобы ты пришелъ ко мнѣ, когда ночная темнота упадетъ на землю, и покроетъ сладостнымъ покровомъ и отдыхающихъ отъ трудовъ, и ожидающихъ отрадныхъ лобзаній.

Адельстанъ отвѣчалъ Эдвигѣ:

— Милостивая графиня, сладки лобзанія устъ твоихъ, но ты принадлежишь моему и твоему господину, и если откроется наша измѣна, то могущественный графъ сократитъ списокъ моихъ и твоихъ прегрѣшеній, вмѣстѣ со счетомъ нашихъ дней и съ длиною нашихъ тѣлъ.

— Графъ ничего не узнаетъ,—сказала веселая Эдвига,— а мы проведемъ вмѣстѣ нѣсколько сладкихъ ночей.

— Милостивая госпожа,—сказалъ Адельстанъ, — я далъ обѣщаніе вѣрно служить моему возлюбленному господину, и я боюсь, что измѣною погублю свою душу, а потому лучше ты не соблазняй меня.

— Грѣхъ мы успѣемъ замолить,—сказала Эдвига, — но ты, можетъ быть, любишь другую, красивѣе меня?

— Милостивая графиня, — отвѣчалъ Адельстанъ, — я люблю только тебя и моего господина, а на свѣтѣ нѣтъ, конечно, ни въ благородномъ, ни въ простомъ сословіи жены или дѣвы прелестнѣе тебя, и съ тобою лишь одна рожденная изъ морской пѣны богиня Венусъ могла бы сравниться красотою, но не превзойти тебя.

Эдвига засмѣялась лукаво, и спросила:

— Милый пажъ, извѣдалъ ли ты радости любви? Восходилъ ли ты на ложе къ женамъ или къ дѣвамъ?

Адельстанъ изъ скромности потупилъ взоры, и отвѣтилъ Эдвигѣ такъ:

— Нѣтъ, милостивая госпожа, на ложе къ женамъ и къ дѣвамъ я не восходилъ.

И на это Эдвига сказала:

— Милый пажъ, какъ-же ты отказываешься отъ того, чего не знаешь? Приди ко мнѣ, и ты увидишь, что игра столь нѣжная не можетъ обременить совѣсть. Я обнажу передъ тобою свое тѣло, я положу тебя на свое ложе, я научу тебя всѣмъ пріятнымъ забавамъ любви.

И Адельстанъ не зналъ, что отвѣтить. Въ блистающихъ глазахъ его загорѣлся тусклый огонь желанія, и багряная краска стыда покрыла его смуглыя щеки, отчего онъ сдѣлался еще желаннѣе для юной Эдвиги.

Но напрасно въ эту ночь прелестная Эдвига ожидала Адельстана,—открывъ двери въ свою опочивальню, удаливъ своихъ служанокъ, лежала она знойная отъ желаній, и нетерпѣливыми взорами пронзала ночную темноту. Каждое легкое шуршаніе тканей, и каждый звукъ, столь обычный

въ ночной тишинѣ, возникающій по невѣдомой причинѣ,—ибо ночью совершается многое, чего мы не можемъ знать,—каждый звукъ нѣжной Эдвигѣ казался шорохомъ крадущихся ногъ Адельстана.

И много разъ Эдвига поспѣшала къ дверямъ, чтобы ласково встрѣтить и ободрить робко-медлящаго отрока,—и каждый разъ напрасно.

IV.

Утомленная безсонною ночью, распаленная неисполненными желаніями, на другой день позвала Эдвига въ свои покои Адельстана, осыпала его жестокими упреками, била его по щекамъ, царапала и щипала его.

Покорно перетерпѣвъ ея неистовство, хотя и проливъ при этомъ не мало слезъ, Адельстанъ сказалъ ей:

— Милостивая госпожа, я долженъ пребыть вѣренъ моему господину, ты же задумала гнусное и непотребное дѣло. Если мы сотворимъ по твоему мерзкому желанію, погибнемъ мы оба лютою смертію отъ руки палача, и проклятые демоны утащатъ наши души прямо въ адъ, въ неугасающій огонь, въ кипящую вѣчно смолу.

— Милый пажъ,—сказала графиня,—да развѣ за насъ некому помолиться? И на то ли оставилъ тебя графъ со мною, чтобы ты оказывалъ неповиновеніе госпожѣ? Вотъ, и самъ ты, глупый мальчикъ, не насладился, и меня тяжкими въ эту ночь измучилъ муками, и еще устала я, нанося тебѣ заслуженные тобою удары. Не могу я больше выносить такія муки и труды, — приди ко мнѣ въ эту ночь, а если не придешь, то завтра я подвергну тебя жестокимъ истязаніямъ.

Ничего не отвѣтилъ Адельстанъ.

Но и въ эту ночь Эдвига напрасно ожидала его.

V.

На другое утро ходила она по замку усталая, злая, и ничто въ роскошномъ замкѣ не веселило ея взоровъ. Вдругъ услышала она гдѣ-то близко звуки лютни, нѣжный голосъ и смѣхъ, и быстро пошла, сверкая гнѣвными взорами, туда, гдѣ раздавались звуки, веселость которыхъ была столь несогласна съ ея тоскою, что причиняла ея сердцу новыя, горчайшія муки.

На дворѣ собрались пажи; Адельстанъ пѣлъ имъ веселыя, забавныя пѣсни, какъ будто уже онъ и забылъ о мольбахъ и угрозахъ своей госпожи. Пажи слушали его, смѣялись и хвалили пѣсни и пѣвца.

Еще сильнѣе разгорѣлась графинина страсть. Все раздражало ее: плѣнительные звуки его голоса, нѣжная красота его, и его стройныя, нагія ноги: пажи не ждали, что госпожа придетъ къ нимъ, и не успѣли обуться,—увлекъ ихъ своимъ пѣніемъ милый пажъ Адельстанъ. Эдвига согнала со своего лица внѣшніе признаки гнѣва,—знатные господа изощрились въ искусствѣ скрывать свои чувства и затемнять зеркало своей души обманчивыми выраженіями благосклонности,—подошла къ пажамъ, и сказала:

— Плачу я и тоскую въ разлукѣ съ возлюбленнымъ господиномъ моимъ. Скучно мнѣ,—чѣмъ я утѣшусь, когда господинъ мой далече? Смѣхъ вашъ непріятенъ для меня, слезы ваши были бы мнѣ милѣе.

Веселый, синеокій Генрихъ, младшій изъ пажей, а потому и самый смѣлый въ обращеніи съ госпожею, отвѣчалъ Эдвигѣ:

— Милостивая госпожа, господинъ нашъ скоро вернется, плакать намъ и тебѣ не о чемъ, ты лучше послушай вмѣстѣ съ нами, какъ складно да звонко поетъ Адельстанъ, и утѣшься.

— Нѣтъ,—отвѣчала Эдвига,—пѣсни ваши мнѣ скучны.

Развѣ только пѣснями вашими должны вы служить графу и мнѣ? До смѣха ли только и до веселья ли на пиру простирается ваша вѣрность?

— Милостивая госпожа,—сказалъ синеокій Генрихъ,—наша вѣрность господину и тебѣ до послѣдней капли крови, и до послѣдняго нашего вздоха.

Засмѣялась Эдвига, и сказала:

— Вотъ вы и утѣшьте меня пролитіемъ вашей крови.

Острымъ своимъ кинжаломъ Эдвига нѣсколько разъ уколола выше колѣнъ обнаженныя Адельстановы ноги,—и послѣ каждаго укола слизывала съ остраго и блестящаго лезвія своимъ лукавымъ языкомъ сладкія капли Адельстановой крови. И весело было графинѣ Эдвигѣ смотрѣть на Адельстановы окровавленныя ноги.

Но и въ эту ночь не пришелъ Адельстанъ къ Эдвигѣ,—а на утро возвратился домой старый графъ.

VI.

Изнывала графиня Эдвига отъ страсти, и вѣрность пажа удивляла ее тѣмъ болѣе, что она видѣла, какъ Адельстанъ бросаетъ на нее пламенные взоры, полные вожделѣнія. Она замѣчала, что Адельстанъ, прислуживая за столомъ, старается прикоснуться до ея нѣжной руки, или хотя до ея платья. Прикосновенія Адельстана были ей радостны, но и горьки, ибо еще сильнѣе распаляли ея желанія.

Шли недѣли и мѣсяцы, не было дѣтей у графини. Она тосковала, томилась, и уже словно увядала.

— Пресвятая Дѣва Марія, — молилась она, — какая моя жизнь! Старый мужъ ласкаетъ меня, но ненавистны мнѣ его ласки, а тотъ, кого я люблю, не смѣетъ войти въ радость госпожи своей.

Уже и графъ примѣтилъ ея томленія, и уже ревность

вошла въ его сердце. Онъ замѣтилъ страстные взоры графини и пажа, которые скрещивались передъ нимъ, какъ два кинжала въ равномъ и медлительномъ бою.

Старый графъ одинаково боялся и того, что Эдвига согрѣшитъ съ пажемъ, и того, что Адельстанъ забудетъ долгъ вѣрности.

VII.

Невдали отъ графскаго замка, въ мѣстѣ уединенномъ и дикомъ, въ оврагѣ среди дремучаго лѣса, стояла темная хижина, жилье стараго чародѣя.

Злобились на чародѣя попы, и грозились сжечь его живого, — ибо нечестивое дѣло — чары дѣлать и колдовать. Уже и посылали за нимъ не однажды воиновъ и стражей городскихъ, взять его на судъ, но темными волхвованіями отвращалъ чародѣй опасность, затемняя взоры ищущихъ, сбивая ихъ съ дороги, насылая на нихъ бури и лѣсные нестерпимые страхи. Да и могущественному графу не угодно было, чтобы чародѣя до времени сожгли, — ибо по близости еще не было другого, чары же всегда могли пригодиться. Но чародѣй, зная, что жизнь его рано или поздно все же пресѣчена будетъ огнемъ, усердно собиралъ деньги, и время отъ времени отдавалъ ихъ своей дочери, которая была замужемъ за пивоваромъ, и жила въ ближнемъ городѣ, не причастная навожденіямъ, въ мирѣ съ церковью, которой приносила ежегодно не малые дары.

Однажды ночью графиня надѣла бѣдныя и грубыя одежды, закрыла свое лицо плащемъ, и пошла къ чародѣю босая, чтобы смиреніемъ заслужить себѣ милость таинственной силы, а также и для того, чтобы вѣрнѣе скрыть свое высокое званіе. Но на поясѣ у нея висѣлъ тяжелый кошелекъ съ золотомъ.

Вѣялъ бурный и холодный вѣтеръ прямо въ лицо трепещущей Эдвигѣ, яростно рвалъ ея одежды, и затруднялъ ея шаги. Потоки дождя стремительно низвергались съ омраченнаго неба. Съ трескомъ и грохотомъ падали порою поперекъ дороги громадныя деревья, сокрушенныя бѣсованіемъ свирѣпой бури.

Вся измокшая, дрожащая отъ страха и холода, съ ногами, исцарапанными, испачканными въ мокрой глинѣ, пришла молодая, прекрасная Эдвига въ мрачное логовище чародѣя. Непривѣтливы были закоптѣлыя отъ дыма волхованій стѣны хижины, и, наводя жуткій на Эдвигу страхъ, сверкали зеленые глаза громаднаго кота.

Старикъ, длинный, тощій, сѣдобородый, съ пронзительнымъ взоромъ, спросилъ Эдвигу:

— Для чего, милостивая госпожа, ты пришла въ такую страшную и не для одной тебя ночь въ это отверженное мѣсто, оставивъ гордый замокъ и теплое ложе, и не убоявшись бѣшенства разъяренной бури?

— Я не госпожа,—сказала Эдвига,—я простая женщина. Я принесла тебѣ мое тяжкое горе, чтобы ты своими проклятыми чарами обратилъ его въ радость, за что я заплачу тебѣ такъ много, какъ только могу.

— Милостивая госпожа,—отвѣтилъ чародѣй,—ночь темна, буря воетъ,—но давно сіяли для меня слѣды твоихъ прелестныхъ ногъ, и слышалъ я шорохъ твоихъ шаговъ уже отъ самыхъ воротъ стараго замка. Ибо, хотя эта хижина бѣдна убранствомъ, обитаютъ въ ней великія волшебства и неодолимыя чары, и незримые вамъ, непосвященнымъ въ тайну, но усердные слуги неустанно охраняютъ всѣ пути къ ней. Скажи мнѣ, милостивая госпожа, чего ты отъ меня желаешь.

Засмѣялась лукавая Эдвига, и сказала:

— Вижу я, что безполезно мнѣ отъ тебя скрываться, но,

можетъ быть, и желанія мои ты самъ знаешь, такъ что и говорить ихъ не надо.

Страшная улыбка, похожая на то, какъ бы мертвецъ улыбнулся, искривила изсохшія синія чародѣевы губы, и онъ сказалъ:

— Милостивая госпожа, не довольно хотѣть; не любитъ моя наука нѣмого очарованія. Если хочешь, скажи, чего хочешь,--если не хочешь, иди съ миромъ, я же могу тебѣ дать только то, чего ты попросишь у меня словами, ибо иначе я могъ бы дать тебѣ слишкомъ много. Темны и многочисленны желанія человѣческія, самому человѣку они невѣдомы всѣ,—мои же слуги видятъ глубоко, въ самыхъ тайныхъ изгибахъ души, и, не оградись только отъ ихъ усердія предѣлами словъ, они задушатъ чрезмѣрностью исполненія.

Тогда повѣдала ему трепещущая отъ стыда и страха Эдвига свое горе и свои желанія, отдала ему свое золото, и, падши къ его ногамъ, съ громкими рыданіями молила его о помощи.

Чародѣй выслушалъ ее до конца, взвѣсилъ на рукѣ ея тяжелый и многоцѣнный даръ, и сказалъ:

— Могучіе духи заключены въ этомъ мѣшкѣ, и, если бы ты умѣла имъ повелѣвать, не пришла бы ты ко мнѣ. Но встань, - все будетъ, какъ ты хочешь, — имѣй терпѣніе, я это сдѣлаю. Иди съ миромъ.

VIII.

Въ ту же ночь, немного позже, и графъ постучался въ двери чародѣевой хижины. Низкимъ поклономъ привѣтствовалъ его чародѣй. Графъ сказалъ ему:

— Становлюсь я старъ, еще наслѣдника у меня нѣтъ, и хотя уже больше года живетъ у меня молодая жена, но

она все еще ходитъ праздная. И другое мое горе,—возлюбленная жена моя съ вожделѣніемъ смотритъ на моего милаго пажа, и онъ на нее также. Еще не было между ними грѣха, но боюсь, что будетъ.

Выслушалъ его чародѣй, и сказалъ:

— Милостивый господинъ, все будетъ, какъ вы хотите, если вы поступите по слову моему. Она—ваша супруга, но и онъ—вашъ слуга. И не долженъ ли онъ служить вамъ душою, и тѣломъ, и всею крѣпостью силъ своихъ?

И затѣмъ долго говорилъ чародѣй со старымъ графомъ, и необычайныя наставленія далъ ему,—и радостенъ вышелъ графъ изъ хижины, и веселъ вернулся домой верхомъ на своемъ вѣрномъ конѣ.

IX.

На зарѣ призвалъ графъ къ себѣ Эдвигу и Адельстана, и велѣлъ пажу затворить крѣпко двери. Адельстанъ, исполнивъ повелѣніе господина, сталъ передъ нимъ, и сказалъ смѣло:

— Милостивый графъ, если хотите, судите меня,—я былъ вамъ вѣренъ.

Эдвига трепетала, и, блѣдная, молчала.

Старый графъ сказалъ имъ:

— Не бойтесь. Мнѣ и роду моему вы оба послужите, какъ умѣете. Сегодня ночью, когда выла буря, наводя ужасъ и на храбрыхъ, слышалъ я вѣщія и мудрыя слова; вы же сдѣлаете мудрое и славное дѣло, во исполненіе вѣщихъ сказаній...

Красотою подобная рожденной изъ морской пѣны богинѣ, хотя и багроволицая отъ стыда, стояла передъ своимъ господиномъ Эдвига. Молча смотрѣлъ на нее графъ, и радостью обладанія трепетало его сердце. Адельстанъ же не

смѣлъ поднять на графиню взора, но не могъ и отвести въ сторону глазъ...

Омраченные и стыдящіеся, вышли Эдвига и Адельстанъ отъ графа, но радость любви все же ликовала въ ихъ сердцахъ.

Сначала оба они были счастливы. Но скоро и Эдвигу и Адельстана утомили ласки по чужой волѣ, ибо любви ненавистно всякое принужденіе,—и утомили даже до взаимной ненависти. И оба они стали помышлять о томъ, какъ бы избавиться имъ отъ сладкихъ, но тягостныхъ оковъ любви, повелѣваемой господиномъ.

„Убью графиню!"—думалъ Адельстанъ.

„Убью пажа!"—думала Эдвига.

И однажды, когда она одѣвалась, а онъ по ея зову подошелъ къ ней и склонился къ ея ногамъ, чтобы обуть ее, она вонзила ему въ сердце узкій и острый кинжалъ. Адельстанъ упалъ, захрипѣлъ, и тутъ же умеръ.

Тѣло его вынесли, по графскому повелѣнію повѣсили голое во рву замка, и рядомъ съ нимъ повѣсили собаку, чтобы думали вассалы, что смертію наказанъ пажъ Адельстанъ за нѣкій дерзновенный поступокъ.

Графиня же понесла. И скоро родила сына, наслѣдника славнаго и могущественнаго графскаго рода.

ГОЛОДНЫЙ БЛЕСКЪ

Сергѣй Матвѣевичъ Мошкинъ пообѣдалъ сегодня очень хорошо,—сравнительно, конечно,—какъ ему, сельскому учителю, лишившемуся мѣста, и уже съ годъ околачивающемуся по чужимъ лѣстницамъ въ поискахъ работы, и не къ лицу было бы. А все-таки голодный блескъ сохранялся въ его глазахъ, грустныхъ и черныхъ, и придавалъ его худощавому, смуглому лицу выраженіе какой-то неожиданной значительности.

Мошкинъ истратилъ на обѣдъ послѣднюю трехрублевку, и теперь въ его карманахъ брячало только нѣсколько мѣдяковъ, да въ кошелькѣ лежалъ истертый пятиалтынный. Пировалъ онъ на радостяхъ. Хотя и зналъ, что глупо радоваться, и рано, и нечему. Но такъ наискался работы, и такъ прожился, что и призракъ надежды радовалъ.

На дняхъ Мошкинъ помѣстилъ въ „Новомъ Времени" объявленіе. Онъ рекламировалъ себя, какъ педагога, владѣющаго перомъ,—на томъ основаніи, что кореспондировалъ въ мѣстную приволжскую газету. За это онъ и слетѣлъ съ мѣста: доискались, кто писалъ злыя корреспонденціи въ „лѣвую" газету; земскій начальникъ обратилъ вниманіе инспектора народныхъ училищъ, а инспекторъ, конечно, не потерпѣлъ.

— Намъ такихъ не надо,—сказалъ ему инспекторъ при личномъ объясненіи.

Мошкинъ спросилъ:

— А какихъ же вамъ надо?

Но инспекторъ, не отвѣчая на неумѣстный вопросъ, сухо сказалъ:

— Прощайте, до свиданья. Надѣюсь увидѣться на томъ свѣтѣ...

Дальше въ своемъ объявленіи Мошкинъ заявляетъ, что хочетъ быть секретаремъ, постояннымъ сотрудникомъ газеты, репетиторомъ, воспитателемъ, сопровождать на Кавказъ или въ Крымъ, быть полезнымъ въ домѣ и т. п. Увѣрялъ, что не имѣетъ претензій, и что не стѣсняется разстояніемъ.

Ждалъ. Пришла одна открытка. Странно, что съ нею у него вдругъ связались какія-то надежды.

Это было утромъ. Мошкинъ пилъ чай. Вошла сама хозяйка. Сверкнула черными змѣиными глазками, и сказала язвительно:

— Корреспонденція Сергѣю Матвѣевичу господину Мошкину.

И, пока онъ читалъ, гладила свои черные надъ желтымъ треугольникомъ лба волосы, и шипѣла:

— Ничѣмъ письма получать, платилъ бы деньги за столъ, за комнату. Письмомъ сытъ не будешь, а ты въ люди походи, поищи, не боронься на испанскій фасонъ.

Читалъ:

„Будьте любезны пожаловать для переговоровъ отъ 6 до 7 вечера, 6 рота, д. 78, кв. 57“.

Безъ подписи.

Злобно глянулъ Мошкинъ на хозяйку. Она стояла у двери, прямая, широкая, съ опущенными руками, спокойная, какъ кукла, и холодно-злая, и прямо на него смотрѣла неподвижными, наводящими жуть глазами.

Мошкинъ крикнулъ:

— Баста!

Стукнулъ кулакомъ по столу. Всталъ. Заходилъ по комнатѣ взадъ—впередъ. И все твердилъ:

— Баста!

Хозяйка тихо и злобно спрашивала:

— Платить-то будешь, кореспондентъ казанскій и астраханскій? а? сознательная твоя харя?

Мошкинъ остановился передъ нею, протянулъ къ ней пустую ладонь, и сказалъ:

— Все, что имѣю.

Умолчалъ о послѣдней трехрублевкѣ. Хозяйка шипѣла:

— Я тебѣ не гусарская офицерша, мнѣ деньги надобны. Дрова семь цѣлковыхъ, откуда я возьму? Самъ себя не прокормишь,—заведи платящую воздахторшу. Ты—молодой человѣкъ со способностями, и наружность у тебя достаточно восхитительная. Какая ни есть дура найдется. А мнѣ развѣ возможно? Куда не вертыхнись, деньги вынь да положь. Дунь—рубъ, плюнь—рубъ, поколѣй—полтораста.

Мошкинъ пріостановился. Сказалъ:

— Не безпокойтесь, Прасковья Петровна, сегодня вечеромъ получаю мѣсто, и разсчитаюсь.

И опять принялся ходить, шлепая туфлями.

Еще долго хозяйка шипѣла, торча у двери. Наконецъ ушла, крикнувъ:

— У меня стальная грудь! Другая бы иная на моемъ мѣстѣ давно бы глаза подъ лобъ закатила, сказала бы: Живите безъ меня, околачивайтесь, какъ знаете, а я вамъ не крѣпостная.

Ушла, и въ его памяти осталась ея странная фигура, прямая, съ опущенными руками, съ желтымъ широкимъ треугольникомъ лба подъ черными гладко примасленными волосами, съ усѣченнымъ узкимъ треугольникомъ затасканной желтой юбки, съ крохотнымъ треугольникомъ краснаго нюхающаго носа. Три треугольника.

Весь день Мошкинъ былъ голоденъ, веселъ и золъ. Ходилъ безъ цѣли по улицамъ. Засматривался на дѣвушекъ, и всѣ онѣ казались ему милыми, веселыми и доступными,—

доступными для богатыхъ. Останавливался передъ окнами магазиновъ, гдѣ выставлены дорогія вещи. Все острѣе становился голодный блескъ въ глазахъ.

Купилъ газету. Прочелъ ее на скамейкѣ въ скверѣ, гдѣ смѣялись и бѣгали дѣти, гдѣ модничали няньки, гдѣ пахло пылью и чахлыми деревьями,—и запахъ улицы и сада непріятно смѣшивался и напоминалъ запахъ гутаперчи. Въ газетѣ поразилъ Мошкина разсказъ объ изступленномъ, голодающемъ безумцѣ, который въ музеѣ изрѣзалъ картину знаменитаго художника.

— Вотъ это я понимаю!

Мошкинъ зашагалъ по аллеѣ. Повторялъ:

— Вотъ это я понимаю!

И потомъ, ходя по улицамъ, смотря на великолѣпныя громады богатыхъ домовъ, на выставленную роскошь магазиновъ, на элегантные наряды прогуливающихся господъ и дамъ, на быстропроносящіеся экипажи, на всю эту красоту и утѣшительность жизни, доступныя для всякаго, у кого есть деньги, и недоступныя для него,—разсматривая, наблюдая, завидуя, испытывалъ все болѣе опредѣляющееся чувство разрушительной ненависти. И повторялись въ умѣ все тѣ же слова:

— Вотъ это я понимаю!

Подошелъ къ толстому, лѣнивому и важному швейцару. Крикнулъ:

— Вотъ это я понимаю!

Швейцаръ молча и презрительно покосился на него. Мошкинъ радостно захихикалъ. Сказалъ:

— Молодцы анархисты!

— Проваливай!—сердито крикнулъ швейцаръ.—Не проѣдайся.

Мошкинъ отошелъ. Вдругъ стало страшно. Городовой стоялъ близко. Такъ рѣзко выдѣлялись его бѣлыя перчатки. Досадливо думалъ Мошкинъ:

„Вотъ бы вамъ бомбу сюда".

Швейцаръ сердито сплюнулъ вслѣдъ ему, и отвернулся.

Мошкинъ долго ходилъ. Въ шестомъ часу зашелъ въ ресторанъ средняго разбора. Сѣлъ къ столу близъ окна. Выпилъ водки, закусилъ анчоусами. Взялъ обѣдъ въ семьдесятъ пять копѣекъ. Пилъ „Шабли во льду". Послѣ обѣда выпилъ ликеру. Слегка охмелѣлъ. Подъ звуки органа кружилась голова. Сдачи не взялъ. Ушелъ, слегка пошатываясь, и почтительно провожаемый швейцаромъ,—и швейцару сунулъ въ руку двугривенный.

Посмотрѣлъ на свои никилированные часы,—былъ седьмой въ началѣ. Пора. Какъ бы не опоздать! Не наняли бы другого! Стремительно пошагалъ въ Измайловскій полкъ.

Очень мѣшали:

разрытыя мостовыя;

оголтѣлые, вѣчно сонные извозчики на переходахъ черезъ улицу;

прохожіе, въ особенности мужики и дамы:

встрѣчные или не сторонились вовсе, или сторонились чаще влѣво, чѣмъ вправо,—

а тѣ, кого приходилось обгонять, зачѣмъ-то шатались по тротуару, и не угадать было сразу, съ какой стороны обгонять ихъ;

ниціе,—они и къ нему приставали,—

и самый механизмъ хожденія.

Такъ трудно одолѣвать пространство и время, когда торопишься! Земля точно присасываетъ къ себѣ, каждый шагъ покупаешь усиліемъ и усталостью. До боли и ломоты въ икрахъ. Отъ этого возрастала злоба, и усиливался голодный блескъ въ глазахъ.

Мошкинъ думалъ:

„Тарарахнуть бы все это къ черту! Ко всѣмъ чертямъ!"

Наконецъ добрался.

Вотъ рота, а вотъ и домъ № 78. Домъ четырехъ-этаж-

ный, обшарпанный; два подъѣзда, мрачные съ виду; посерединѣ—разинутая пасть воротъ. Посмотрѣлъ таблички надъ подъѣздами,—первые номера, а № 57 нѣтъ. Никого не видно. У воротъ бѣлая пуговка, и надъ нею на мѣдяшкѣ заросшая грязью надпись „къ дворнику".

Нажалъ пуговку, и вошелъ въ пасть, поискать табличку жильцовъ. Но прежде, чѣмъ достигъ таблицы, уже навстрѣчу ему шелъ дворникъ, очень внушительнаго вида и съ черною бородою.

— А гдѣ квартира пятьдесятъ семь?

Мошкинъ спрашивалъ съ небрежною манерою, заимствованною отъ того земскаго начальника, изъ-за котораго „слетѣлъ" съ мѣста. Зналъ уже по опыту, что съ дворниками надо говорить такъ-то, и нельзя говорить вотъ такъ-то. Скитанія по чужимъ подворотнямъ и лѣстницамъ тоже придаютъ человѣку извѣстный лоскъ.

Дворникъ спросилъ нѣсколько подозрительно:

— А вамъ кого?

Съ простодушною небрежностью, растягивая слова, Мошкинъ отвѣчалъ:

— А я и самъ не знаю. Я по объявленію. Получилъ письмо, а кто пишетъ, не написано. Только адресъ написали. Кто же тамъ живетъ, въ номерѣ пятьдесятъ семь?

— Госпожа Энгельгардова,—сказалъ дворникъ.

— Энгельгардтъ?—переспросилъ Мошкинъ.

Дворникъ повторилъ:

— Энгельгардова.

Мошкинъ усмѣхнулся.

— Русификація?

— Елена Петровна,—отвѣчалъ дворникъ.

— Чортова перечница?—почему-то спросилъ Мошкинъ.

Дворникъ ухмыльнулся.

— Нѣтъ-съ, молодая барышня. По парадному пожалуйте, изъ воротъ направо.

— Да тамъ надъ дверями табличка, только первые номера,—сказалъ Мошкинъ.

Дворникъ говорилъ:

— Нѣтъ, тамъ и пятьдесятъ семь. Въ самомъ низу.

Мошкинъ спрашивалъ:

— А чѣмъ она занимается? Есть у нихъ какое-нибудь заведеніе? Школа? или редакція?

Нѣтъ; оказалось, у госпожи Энгельгардовой не было ни школы, ни редакціи.

— Живутъ своимъ капиталомъ,—пояснилъ дворникъ.

Въ квартирѣ госпожи Энгельгардовой горничная очень деревенскаго вида провела его въ гостиную направо отъ темной передней, и просила подождать.

Ждалъ. Скучалъ и томился. Разсматривалъ вещи. Было нагорожено много мебели,—кресла, столы, стулья, ширмы, экраны, этажерки, столбики, на нихъ бюсты, лампы, бездѣлушки, на стѣнахъ зеркала, картины, литографіи, часы, на окнахъ занавѣси, цвѣты. Отъ всего этого было тѣсно, душно, темно. Мошкинъ шагалъ въ тѣснотѣ по коврамъ. Со злобою смотрѣлъ на картины, на статуи.

„Тарарахнуть бы все это къ чорту! Ко всѣмъ чертямъ!“—думалъ Мошкинъ.

Но, когда хозяйка вдругъ вошла, онъ спряталъ свой голодный блескъ, опустилъ глаза.

Она была молодая, румяная, высокая и, кажется, красивая. Шагала быстро и рѣшительно, какъ хозяйка въ деревнѣ, и при этомъ неловко помахивала сильными, красивыми, бѣлыми, голыми выше локтя, руками.

Подошла. Подала руку,—полувысоко, — хочешь, пожми, хочешь, поцѣлуй. Поцѣловалъ. Нарочно,—со злости, и для штуки. Быстро, громко чмокнулъ, и зубомъ царапнулъ,—ажъ дрогнула. Но ничего не сказала. Пошагала къ дивану. Залѣзла за столъ, засѣла на диванъ, а ему показала на кресло. Сѣлъ. Спросила:

— Это ваше объявленіе было вчера?

Буркнулъ:

— Мое.

Подумалъ, и сказалъ повѣжливѣе:

— Мое-съ.

И стало досадно. И опять подумалъ:

„Тарарахнуть бы".

Говорила,—спрашивала, что онъ можетъ, гдѣ онъ учился, гдѣ работалъ. Такъ осторожненько подходила, точно боялась раньше времени проговориться и надавать больше.

Оказалось, что хочетъ издавать журналъ. Какой? еще не рѣшила. Какой-нибудь. Маленькій. Ведетъ переговоры о покупкѣ одного изданія. О направленіи журнала умолчала.

Онъ ей можетъ понадобиться для конторы. Но такъ какъ въ объявленіи сказано—педагогъ,—то она думала, что онъ училъ въ гимназіи.

Впрочемъ, если онъ можетъ вести конторскія книги...

Принимать подписку...

Вести переписку по дѣламъ конторы и редакціи...

Получать деньги съ почты...

Задѣлывать номера въ бандероли...

Сдавать ихъ на почту...

Держать корректуру...

Еще что-то...

И еще что-то...

Барышня говорила съ полчаса. Довольно безтолково перечисляла разныя обязанности.

— Для этихъ дѣлъ надо нѣсколько человѣкъ, — сурово сказалъ Мошкинъ.

Барышня досадливо покраснѣла. По ея лицу пробѣжали жадныя гримаски. Она сказала:

— Журналъ маленькій. Спеціальный. Для такого ма-

ленькаго предпріятія если взять нѣсколько, то имъ нечего будетъ дѣлать.

Усмѣхнулся. Согласился.

— Пожалуй, что и такъ. У васъ не соскучишься.

Спросилъ:

— А сколько времени я у васъ буду занятъ ежедневно?

— Ну, часовъ съ девяти утра,—это не поздно?—часовъ до семи вечера,—это не рано? Иногда, если спѣшная работа, можно и попозже посидѣть, или придти въ праздникъ,—вѣдь вы свободны?

— Сколько же вы думаете платить?

— Рублей восемнадцать въ мѣсяцъ вамъ будетъ достаточно?

Подумалъ. Засмѣялся.

— Мало-съ.

— Больше двадцати двухъ не могу.

— Хорошо-съ.

И съ внезапнымъ порывомъ злости всталъ, сунулъ руку въ карманъ, вытащилъ оттуда ключъ отъ своей квартиры, и тихо, но рѣшительно сказалъ:

— Руки вверхъ!

— Ахъ!—произнесла барышня, и немедленно же подняла руки.

Она сидѣла на диванѣ, очень блѣдная. Дрожала. Она была большая и сильная. А онъ—маленькій и тощій.

Рукава ея одежды отвисли къ плечамъ, и двѣ протянутыя вверхъ бѣлыя, голыя руки казались толстыми, какъ ноги акробатки, упражняющейся дома. И видно было, что у нея хватитъ силы долго держать руки вверхъ. И сквозь испугъ на ея лицѣ пробивалось выраженіе значительности переживаемаго.

Наслаждаясь ея смущеніемъ, Мошкинъ произнесъ медленно и внушительно:

— Только двинься! Только пикни!

Подошелъ къ картинѣ.

— Сколько стоитъ?

— Двѣсти двадцать, безъ рамы,—дрожащимъ голосомъ произнесла барышня.

Порылся въ карманѣ, досталъ перочинный ножъ. Разрѣзалъ картину сверху внизъ, и справа налѣво.

— Ахъ!—вскрикнула барышня.

Подошелъ къ мраморной головкѣ.

— Что стоитъ?

— Триста.

Ключемъ отбилъ ухо, оббилъ носъ, щеки пооббилъ. Барышня тихонько ахала. И пріятно было слушать ея тихое аханье.

Порвалъ еще нѣсколько картинъ, порѣзалъ обивку креселъ, сломалъ нѣсколько хрупкихъ вещичекъ.

Подошелъ къ барышнѣ. Крикнулъ:

— Лѣзь подъ диванъ!

Исполнила.

— Лежи смирно, пока не придутъ. Не то бомбой тарарахну.

Ушелъ. Никого не встрѣтилъ ни въ передней, ни на лѣстницѣ.

У воротъ стоялъ тотъ же дворникъ. Мошкинъ подошелъ къ нему. Сказалъ:

— Что у васъ барышня-то странная какая?

— А что?

— Да нехорошо себя ведетъ. Скандалитъ очень. Вы бы къ ней пошли.

— Коли онѣ не зовутъ, какъ же я могу?

— Ну, какъ знаете.

Ушелъ. Голодный блескъ въ его глазахъ тускнѣлъ.

Мошкинъ долго ходилъ по улицамъ. Тупо и медленно вспоминалъ эту гостиную, и разрѣзанныя картины, и барышню подъ диваномъ.

Тусклыя воды канала манили къ себѣ. Скользящій свѣтъ заходящаго солнца дѣлалъ ихъ поверхность красивою и печальною, какъ музыка безумнаго композитора. Такія были жесткія плиты набережной, и такіе пыльные камни мостовой, и такія глупыя и грязныя шли навстрѣчу дѣти! Все было замкнуто и враждебно.

А зеленовато-золотистая вода канала манила.

И погасъ, погасъ голодный блескъ въ глазахъ.

Такъ звученъ былъ мгновенный всплескъ воды.

И побѣжали, кольцо за кольцомъ, матово черныя кольца, разрѣзая зеленовато-золотистыя воды канала.

КОННЫЙ СТРАЖНИКЪ

I.

Во второмъ часу ночи ранней и еще теплой осени инспекторъ гимназіи Сергѣй Платоновичъ Переяшинъ возвращался изъ гостей домой по тихимъ и темнымъ улицамъ Ковылякъ.

Необходимое примѣчаніе для позабывшихъ географію и для учившихъ ее не очень подробно: Ковыляки—большой губернскій городъ. Стоитъ на обоихъ берегахъ рѣки Пропонцы. Имѣетъ университетъ. Ведетъ большую торговлю. Славится окороками. Не слѣдуетъ смѣшивать съ другими Ковыляками, уѣзднымъ городомъ на рѣкѣ Негодяйкѣ, въ которомъ нѣтъ ничего примѣчательнаго, кромѣ острога въ древнемъ городищѣ, гдѣ нѣкогда жилъ удѣльный князь.

Переяшинъ хорошо поужиналъ, не мало выпилъ вина, игралъ въ пріятной компаніи, и выигралъ. Отъ этого мысли его во время одинокой дороги были пріятны,—для него,—и понемногу приняли нѣсколько легкомысленное направленіе. Онъ замечтался.

Сначала мечталъ о дѣвицахъ: тамъ, откуда онъ возвращался, ихъ было не мало. Многія изъ нихъ были съ нимъ любезны: онъ былъ холостъ, не старъ, высокъ, строенъ, ловокъ и силенъ. И даже имѣлъ свой капиталецъ, хотя и небольшой.

Потомъ мысли и мечтанія его, по обычному для него сцѣпленію идей, обратились къ его ученикамъ, гимназистамъ, и преимущественно къ тѣмъ, которые жили во ввѣ-

ренномъ его попеченію пансіонѣ при гимназіи. Теперь они конечно, всѣ спали, и въ пансіонѣ было тихо и полутемно. Стриженыя головы на бѣлыхъ подушкахъ, тихое дыханіе спящихъ, сползающія съ иныхъ одѣяла... Привычная картина, всегда будившая въ Переяшинѣ странныя и жестокія волненія.

Вспоминалъ: были симпатичные мальчики; были и непріятные. И уже броженіе съ улицъ заползало въ гимназію, и настроеніе становилось неспокойнымъ. Переяшинъ думалъ, что для успокоенія мальчиковъ полезны были бы строгія мѣры. Самыя строгія мѣры. Въ сущности и многіе родители были бы довольны, если бы къ ихъ мальчикамъ примѣнялись самыя строгія мѣры. Не дальше, какъ сегодня вечеромъ, сестра одного изъ живущихъ въ пансіонѣ гимназистовъ говорила Переяшину:

— Валя могъ бы учиться гораздо лучше. Онъ такой способный. Ему все такъ легко дается. Но онъ лѣнится. Онъ вовсе не думаетъ о томъ, что послѣ смерти отца намъ такъ стало трудно жить. Я очень боюсь, что онъ начнетъ засиживаться въ классахъ. Ему такъ еще долго учиться. Хоть бы сѣкли ихъ тамъ у васъ. Только шалятъ. И никого не боятся.

Переяшинъ отчетливо вспомнилъ Валю Заглядимова. Сначала—канцелярское воспоминаніе: въ спискѣ учениковъ строчка—Заглядимовъ Валентинъ. Потомъ топографическое: во второмъ классѣ, во второмъ ряду, около стѣны противъ оконъ. Потомъ—зрительное: невысокій, плотный, черноглазый мальчикъ, веселый и шаловливый. Но всегда вѣжливый. Потомъ—историческое: сегодня Заглядимовъ Валентинъ получилъ единицу.

Это не было само по себѣ пріятно, но у Переяшина сладко защемило сердце. И вдругъ сложилось и созрѣло странно-жестокое рѣшеніе.

II.

У гимназистовъ въ спальнѣ,—которая почему-то носила дурацкое названіе дортуара, словно соотвѣтственное русское слово не годилось,—было, какъ и ожидалъ Переяшинъ, тихо и сонно. Все было, какъ всегда,—всѣ тѣ же звуки и запахи. Изъ открытыхъ фортокъ слабо вѣяло внѣшнею прохладою, лишнія лампы были погашены. Въ комнатѣ для дежурнаго воспитателя было совсѣмъ темно и тихо. Переяшинъ заглянулъ въ стеклянный верхъ двери въ эту комнату, и ничего не увидѣлъ. Подумалъ, припоминая:

„Кто нынче дежуритъ? Кажется, Чечуринъ".

И пошелъ дальше, почему-то утѣшенный соображеніемъ, что Чечуринъ спитъ крѣпко, и ужъ если залегъ спать и свѣтъ погасилъ, то не проснется до звонка, если сторожъ не догадается разбудить его раньше.

Валина кровать стояла недалеко отъ входа, въ спальнѣ младшаго возраста. Валя лежалъ, скорчившись отъ холода, потому что одѣяло наполовину сползало. Не догадывался проснуться и закрыться, и бѣлѣлъ въ смутной полутьмѣ перемятымъ комочкомъ. Тихонько посапывалъ носомъ, уткнувшись въ подушку, и лицо его имѣло выраженіе невинное и значительное, какъ будто снились ему небесные ангелы, играющіе золотыми мячиками на изумрудно-зеленыхъ райскихъ поляхъ. И невинное, и важное выраженіе этого лица раздражало Переяшина. Онъ думалъ:

„Спитъ себѣ, какъ путный. Ручки на груди сложилъ, какъ ангелъ, а самъ единицу получилъ, а самъ, какъ только отъ него отвернешься, только о томъ и думаетъ, какъ бы нашалить. Бровки сдвинулъ, хоть сейчасъ въ живую картину ставь у ногъ Мадонны. А вотъ я тебѣ сейчасъ задамъ отличную живую картину".

Весь охваченный тупою злостью, Переяшинъ схватилъ

мальчика за плечо, и потрясъ его довольно неласково. Валя, сопя и вздыхая, заворочался на постели. Но все еще не могъ проснуться. Переяшинъ повторялъ торопливо и тихо:

— Вставай, вставай живѣе, Заглядимовъ Валентинъ.

Валя попытался было опять ткнуться въ подушку,—и нѣсколько разъ пришлось Переяшину брать его за плечи и раскачивать.

Вдругъ Валя сообразилъ, что его будитъ инспекторъ. Испуганно вскочилъ. Хватился за одежду.

— Не надо,—хрипло шепнулъ Переяшинъ,—не надо одѣваться,—повторилъ онъ погромче.—Иди такъ

— Куда?—спросилъ Валя.

Переяшинъ не отвѣчалъ. Молча накинулъ одѣяло на Валины плечи, взялъ его за руку, и повелъ.

Всѣ спали. Валя съ удивленіемъ оглядывался на Переяшина. И путался босыми ногами въ складкахъ своего одѣяла. Переяшинъ велъ его по лѣстницамъ и коридорамъ въ свою квартиру. Смотрѣлъ, какъ на темномъ полу бѣлѣли красивыя Валины ноги.

III.

Черезъ полчаса Валя возвращался на свою постель. У него было хмурое и красное лицо и заплаканные глаза. Онъ уткнулся носомъ въ подушку, всхлипнулъ, потомъ засмѣялся потихоньку, потомъ вдругъ заснулъ.

Утромъ ему казалось, что онъ видѣлъ во снѣ, какъ Переяшинъ привелъ его въ свой кабинетъ, и выпоролъ ремнемъ. Было,—во снѣ,—больно и стыдно, и потомъ смѣшно. Валя разсказалъ своему другу, Шуркѣ Скворцову, какой смѣшной видѣлъ сонъ. Смѣялись оба. Валя вспоминалъ

подробности. Смѣялись. Шурка выдумывалъ подробность. Опять смѣялись. Вдругъ Шурка спросилъ:

— А отчего же у тебя кожа на этомъ мѣстѣ стала полосатая?

— Врешь?—спросилъ Валя.

— Ей Богу, не вру. Посмотрись въ зеркало. А вотъ тутъ на боку два синяка. Точно отъ пряжки.

Стали серьезны. Внимательно изслѣдовали. Удивлялись и смѣялись.

— Должно быть, онъ тебя и вправду выпоролъ,—сказалъ Шурка.

Валя опять спросилъ сомнѣвающимся голосомъ:

— Врешь?

Шурка засмѣялся. Сказалъ:

— Мнѣ-то съ чего врать? Вѣдь не меня. Да развѣ ты самъ не помнишь, во снѣ это было или наяву?

Валя подумалъ.

— Заспалъ,—сказалъ онъ неувѣренно.—Я крѣпко сплю. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ выпоролъ. За единицу. А я объ ней и думать-то позабылъ.

Шурка сказалъ со смѣхомъ:

— Такъ вотъ вспомни. Ты къ нему самому сходи спроси.

— Ну да, выдумаешь!—сказалъ Валя.

И тоже засмѣялся.

— Право,—настаивалъ Шурка.—А то сестру пошли.

— Ты знаешь что?—сказалъ Валя смущенно.—Ты афишито не расклеивай объ этомъ.

Но Шурка засмѣялся еще веселѣе. Кричалъ:

— А вотъ и расклею! Что за секретъ?

IV.

Въ тотъ же день „афиши были расклеены". Въ маленькихъ классахъ смѣялись. Приставали къ Валѣ.

— Правда?—спрашивали его.—Переяшка тебя выпоролъ? Больно? Чѣмъ поролъ? Гдѣ поролъ? Самъ поролъ?

— Ерунда!—сердито возражалъ Валя.—И ничего не выпоролъ. Просто это мнѣ во снѣ приснилось. А пороть-то я еще и не дамся никому.

Не вѣрили. Смѣялись. Говорили:

— А откуда у тебя синяки на этомъ самомъ мѣстѣ?

— Просто я о кровать ушибся,—объяснилъ Валя.

Но уже этому совсѣмъ не вѣрили, и смѣялись.

Въ среднихъ классахъ отнеслись къ слуху безразлично. Вѣдь это же у маленькихъ. Иные даже говорили:

— Маленькихъ пороть—разлюбезное дѣло. Имъ еще не стыдно, а впередъ бояться будутъ. Вотъ насъ—нельзя.

Въ старшихъ классахъ негодовали. Шумѣли, кричали, спорили,—о способахъ выраженія протеста. Позвали къ себѣ Валю. Долго и основательно разспрашивали его. Осмотрѣли его тѣло, сосчитали красныя полоски и синія пятна отъ ушибовъ.

Когда Валя вернулся въ „занятную" своего возраста, то лицо у него было тоже, какъ ночью, красное, но уже не смущенное, а гордое. Онъ посматривалъ на товарищей свысока. Одного надоѣдалу отшилъ презрительнымъ окрикомъ:

— Ну, ты, нестеганный! Туда же!

И тотъ отошелъ сконфуженный. Проворчалъ только:

— Заважничалъ! Во снѣ то всякій сумѣетъ.

Шуркѣ Валя шепнулъ по секрету:

— Старшій возрастъ письмо въ газету пишутъ. Ловко расписали все дѣло. Пропечатаютъ насъ съ инспекторомъ.

Скандалъ будетъ грандіозный. Инспекторъ съ мѣста слетитъ, а директору большая непріятность будетъ.

Шурка слушалъ, замирая отъ сладкаго ужаса, и дѣлалъ большіе глаза. Валя посмотрѣлъ на него опасливо, и сказалъ:

— Только ты не болтай по своей привычкѣ. Это не такое дѣло, чтобы разсказывать. Это такое дѣло, что тутъ надо молчать да и молчать.

— Ей Богу, никому не скажу,—увѣрялъ Шурка.—Развѣ же я самъ не понимаю? Слава Богу, не маленькій!

Но уже утромъ всѣ знали, и въ младшихъ, и въ среднихъ классахъ. И всѣ ходили, какъ заговорщики, и настроеніе было важное и торжественное. Мальчишки посматривали на учителей съ лукавымъ простодушіемъ, и дѣлали такой видъ, точно они ничего не знаютъ, да и знать-то нечего. Старшіе были мрачны и важны.

V.

Прогуливаясь въ городскомъ саду послѣ обѣда, Переяшинъ встрѣтилъ Валину сестру. Почему-то почувствовалъ себя неловко. Она улыбалась ему привѣтливо. Сказала:

— Большое вамъ спасибо. Мы всѣ очень вамъ благодарны.

— За что?—съ дѣланнымъ недоумѣніемъ спросилъ ее Переяшинъ.

— Мы всѣ,—повторила она, пожимая его руку,—вамъ очень благодарны за то, что вы наказали Валю. Его давно слѣдовало высѣчь.

— Ну, что вы!—сказалъ Переяшинъ.—Я и не думалъ его сѣчь. Это ему приснилось.

Валина сестра улыбнулась. На ея щекахъ запрыгали умильныя ямочки, и Переяшинъ вспомнилъ стихи своего вновь любимаго современнаго поэта (у него каждый годъ

былъ новый любимый поэтъ, изъ самыхъ молодыхъ, чувствительныхъ и фривольныхъ):

Посреди ея лапить
Ямочки отверсты:
Тамъ шалунъ Эротъ сидитъ,
Сложа нѣжны персты.

И, пока ямочки прыгали на румяныхъ и полныхъ щекахъ одѣтой въ полутрауръ барышни, ея глаза приняли лукавое и понимающее выраженіе, и она сказала, горячо пожимая опять теплыми и тонкими пальцами сильную руку Переяшина:

— Ахъ, да, конечно, для него полезно видѣть такіе сны! Авось теперь будетъ учиться получше, чтобы опять не приснилось что-нибудь еще болѣе непріятное.

Поговоривъ еще немного о разныхъ другихъ вещахъ, барышня простилась. А Переяшинъ отправился домой, сдержанно усмѣхаясь. И уже думалъ, что Валя навѣрное скоро опять получитъ плохую отмѣтку или напалитъ, и тогда опять можно будетъ посѣчь его. И сказать, что опять видѣлъ во снѣ. „Привычка къ нехорошимъ снамъ".

Только уже надо будетъ не ремень взять, а припасти настоящія розги. Такъ будетъ гораздо лучше. И сладко размечтался Переяшинъ о томъ, какъ будетъ сѣчь мальчика, какъ его бѣлая кожа станетъ покрываться полосами и краснѣть. Что жъ дѣлать!—если нѣтъ своихъ мальчиковъ, такъ хоть чужихъ постегать. Переяшину всегда хотѣлось имѣть своихъ дѣтей. Да какъ-то такъ случилось, что не женился...

VI.

Однако, мечтамъ Переяшина не суждено было осуществиться. Въ мѣстной газетѣ „Ковыляцкіе Вопли" появилось письмо въ редакцію, подписанное такъ: „Сознательные гимназисты старшихъ курсовъ второй Ковыляцкой гимна-

зіи". Въ этомъ письмѣ разсказывалось, что инспекторъ гимназіи Переяшинъ (опечатка, не замѣченная корректоромъ) подвергъ тѣлесному наказанію гимназиста второго класса Ваню З. (было набрано „Валю", но корректоръ исправилъ, не вѣря, что можетъ быть и такое имя). „Прискорбный инцидентъ" былъ разсказанъ довольно подробно и краснорѣчиво. Выражалось энергичное негодованіе.

Городъ заговорилъ объ этой исторіи. Переяшинъ сталъ популярнымъ. Уличные мальчишки кричали ему издали:

— Дяденька, выдери этого мальчишку,—чего онъ ко мнѣ пристаетъ?

Черезъ день въ той же газетѣ было напечатано опроверженіе отъ „начальства" гимназіи: по тщательномъ разслѣдованіи оказалось, что во второй Ковыляцкой гимназіи ничего подобнаго не было; никакого Ивана З. во второмъ классѣ этой гимназіи нѣтъ, а есть Валентинъ З., который воспитывается въ гимназическомъ пансіонѣ на казенный счетъ, и отличается замѣченною еще его домашними наклонностью фантазировать, что, по всей вѣроятности, и было причиною возникновенія невѣроятнаго слуха. Инспекторъ гимназіи—превосходный педагогъ, и относится къ воспитанникамъ гуманно (газета напечатала „туманно").

Это казенное опроверженіе мало кого убѣдило. Особенно неудачнымъ оказалось упоминаніе о казенномъ счетѣ. Говорили:

— На казенный счетъ учится, значитъ, бѣдный мальчикъ: родители не посмѣютъ жаловаться. Этимъ и пользуются, чтобы обижать ребенка безнаказанно.

Еще черезъ день „Ковыляцкіе Вопли" сообщили, что ихъ сотрудникъ былъ въ гимназіи, произвелъ дознаніе, и фактъ сѣченія гимназиста инспекторомъ подтвердился. И уже тогда скандалъ принялъ серьезные размѣры. Въ мѣстномъ клубѣ возникъ вопросъ объ исключеніи изъ числа членовъ не только Переяшина, но даже и директора гим-

назіи. Вопросъ вызвалъ страстныя пренія. Остался нерѣшеннымъ. Изъ за него между двумя старшинами произошло маленькое столкновеніе („форменная драка",—увѣряли нѣкоторые очевидцы). Впрочемъ, ихъ въ тотъ же день помирили.

VII.

Въ гимназію пріѣхалъ попечитель учебнаго округа,—явленіе рѣдкое. Ему некогда было разъѣзжать по училищамъ: все время уходило на канцелярскую работу.

„Изъ-за меня",—думалъ Валя, видя, какой переполохъ происходитъ въ гимназіи.

Валю позвали въ директорскій кабинетъ. Ни директора, ни инспектора тамъ не было. Попечитель одинъ сидѣлъ въ креслѣ у письменнаго стола, и смотрѣлъ на вошедшаго въ кабинетъ Валю съ видомъ человѣка, не привыкшаго разговаривать съ дѣтьми. На Валю наводили страхъ его угрюмые глаза, растрепанные полусѣдые волосы и тучное тѣло.

Попечитель сказалъ, притворяясь ласковымъ:

— Ну-съ, молодой человѣкъ, разсказывайте, что тутъ съ вами было. Я слышалъ, что вы распускаете слухъ, будто бы васъ здѣсь высѣкли. Такъ какъ же? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ былъ такой грѣхъ?

Валя исподлобья смотрѣлъ на синій вицмундиръ тучнаго, стараго, важнаго человѣка, на его серебряную звѣзду, выглядывающую скромнымъ угломъ изъ-за лацкана, — и молчалъ. Попечитель повторилъ:

— Ну-съ? Да ты не стѣсняйся,—никто не услышитъ. Кто тебя высѣкъ?

Воля покраснѣлъ.

— Никто,—тихо сказалъ онъ.

— Никто?—тономъ вопроса повторилъ попечитель, и на

его желтомъ, морщинистомъ лицѣ заиграла довольная улыбка.—Такъ что же вы болтаете?—спросилъ онъ съ привычнымъ выраженіемъ начальнической строгости.

Валя тоненькимъ дискантомъ, робѣя и стыдясь своей робости, объяснялъ:

— Я во снѣ видѣлъ. Я такъ и говорилъ, что во снѣ. Это они сами придумали.

— А письмо въ газету кто писалъ?—быстро и строго спросилъ попечитель.

— Не знаю,—сказалъ Валя.

— Такъ,—недовѣрчиво сказалъ попечитель.

Помолчалъ, посмотрѣлъ на Валю внимательно и съ любопытствомъ, и отрывисто приказалъ:

— Иди.

Валя вышелъ, и навстрѣчу ему вошли директоръ, инспекторъ и еще кто-то,—мундирные педагоги. И, пока еще дверь была открыта, Валя слушалъ сухой и увѣренный голосъ попечителя:

— Какъ и слѣдовало ожидать, газетные писатели подняли шумъ изъ ничего. Онъ говоритъ...

И дверь закрылась. Валю окружили. И вдругъ онъ сообразилъ, что пропустилъ такой удобный и, можетъ быть, единственный случай. Стало досадно на себя самого. И товарищи дразнили и укоряли Валю.

А дома бранили, зачѣмъ проболтался о снѣ. Боялись, какъ бы Валя, въ отместку за эту непріятную для начальства исторію, не вылетѣлъ изъ пансіона.

И опять было опроверженіе, на этотъ разъ отъ учебнаго округа. Газета опять возражала. Печатала, пользуясь этимъ случаемъ, цѣлый рядъ статей и писемъ въ редакцію,—и все это были вещи, непріятныя учебному вѣдомству. Въ городѣ кто вѣрилъ газетѣ, кто не вѣрилъ, кто думалъ, что такъ мальчишкѣ и надо.

Унять бы газету,—да тогда были не такія времена.

VIII.

События, между тѣмъ, шли быстро и бурно. Волненія на окраинахъ города. Собранія, митинги. Забастовки. Казаки. Уличныя процессіи. Избіенія. Красные флаги,—и багряная кровь многихъ.

Бастовали и гимназисты. Устраивали химическую обструкцію. Переяшину задали кошачій концертъ. Въ его квартирѣ побили стекла.

Уже и попечитель былъ недоволенъ Переяшинымъ. Вызывалъ его. Было непріятное объясненіе. Переяшинъ понялъ, что имъ собираются пожертвовать. Попечитель намекнулъ, что лучше бы перевестись въ другой городъ. И злость томила Переяшина. Уже всѣ гимназисты казались ему врагами. Было непріятно встрѣчаться съ ними на улицѣ. Вообще непріятно стало выходить: популярность не радовала Переяшина.

Былъ морозный, ясный день. Переяшинъ стоялъ у окна своей казенной квартиры въ гимназіи, и съ тупою злобою смотрѣлъ на площадь. Зрѣлище народной демонстраціи было противно ему. Вѣяли красные флаги. Весело звучали молодые голоса, и сквозь двойныя рамы отчетливо слышались смѣлыя слова пѣсенъ. Шли толпа за толпою,—пестрое смѣшеніе лохмотьевъ и нарядовъ, молодыхъ и старыхъ лицъ. Вотъ мелькнули знакомыя лица, гимназисты.

„Даже и не скрываются, негодяи",—злобно думалъ Переяшинъ.

Вдругъ все смѣшалось, дрогнуло, побѣжало. Вопли ужаса пронеслись въ толпѣ. Переяшинъ съ радостнымъ волненіемъ торопливо подошелъ къ угловому окну. Онъ увидѣлъ, какъ по улицѣ мчался прямо на толпу отрядъ казаковъ. Смотрѣлъ съ жаднымъ любопытствомъ.

Свалка. Мельканіе нагаекъ. Лошади тѣснились въ толпу. Визгъ, вопли. Клочья одежды. Бѣгство. Давка. Чьи-то, полу-

обнажившіяся отъ быстрыхъ ударовъ, окровавленныя спины...

Переяшинъ радостно смѣялся, взвизгивая и топочась за своимъ безопаснымъ окномъ.

IX.

Черезъ полчаса Переяшинъ вышелъ на площадь. Было пусто. Только патрули медленно кружили по площади и по улицамъ, да кое-гдѣ виднѣлись конные жандармы и казаки. У подъѣзда гимназіи сидѣлъ на красивой лошади казакъ. Лошадь подъ нимъ стояла спокойно и сторожко, словно прислушиваясь къ чему-то. У казака было странно равнодушное, красное лицо.

— Поработали, казачки?—заискивающимъ голосомъ спросилъ Переяшинъ.

Казакъ молча глянулъ на него равнодушными глазами. Отвернулся. Презрительно сплюнулъ. Переяшинъ вытащилъ кошелекъ. Порылся въ немъ,—и казакъ сталъ внимателенъ. И уже веселая улыбка заиграла на его молодомъ, простоватомъ лицѣ.

Переяшинъ досталъ серебряный рубль. Сказалъ казаку:

— Вотъ, казачокъ, возьми цѣлковый на обновленіе плетки. Твоя-то поотрепалась объ этихъ мерзавцевъ,—такъ ты новую купи, да лупи ихъ хорошенько.

Казакъ слушалъ, радостно улыбаясь.

Слушалъ не одинъ казакъ. Площадь была не такъ пуста, какъ Переяшину казалось.

X.

Въ тотъ же день въ городѣ уже говорили, что Переяшинъ далъ рубль казаку на подновленіе плети. Передавали просьбу Переяшина „лупить хорошенько“. Возмущались.

„Ковыляцкіе Вопли“ помѣстили по этому поводу язвительный фельетонъ. Положеніе Переяшина стало невозможнымъ. При встрѣчахъ на улицахъ отъ него отвертывались. Ему не подавали руки. Изъ клуба его исключили уже безъ споровъ. Попечитель рѣшилъ убрать его изъ Ковылякъ въ другой городъ. Пригласилъ сначала для объясненій, и чтобы предупредить.

Съ такимъ же скучающимъ и угрюмымъ лицомъ смотрѣлъ попечитель на вошедшаго къ нему Переяшина, какъ раньше смотрѣлъ на Валю. Холодно и сухо объявилъ Переяшину, что здѣсь его не оставитъ.

— Я--патріотъ, — хрипломъ голосомъ сказалъ Переяшинъ, покачиваясь на стулѣ.

Попечитель съ досадою и отвращеніемъ смотрѣлъ на Переяшина, и уже видно было, что Переяшинъ пьянъ. Онъ бормоталъ:

— Я ему далъ, движимый... побуждаемый... такъ какъ онъ есть стражъ и, значитъ, опора.

— Не будемъ вдаваться въ подробности,—осторожно сказалъ попечитель.—Вы, въ сущности, ничего не потеряете, а въ нравственномъ отношеніи даже выиграете. Мы дадимъ вамъ такое же мѣсто.

— Не желаю,—возразилъ Переяшинъ.—Я намѣренъ постоять за порядокъ.

Попечитель усмѣхнулся. Сказалъ:

— Это уже рѣшено.

Переяшинъ вытащилъ изъ бокового кармана сложенный вчетверо листъ бумаги.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—прошеніе. Въ чистую выхожу. Поступаю въ конные стражники. Я уже ходилъ наниматься. И уже у меня есть вся аммуниція. И нагаечка.

На лицѣ попечителя изображался ужасъ...

XI.

Прошло нѣсколько дней. Съ городского кладбища расходилась толпа молодежи. Вездѣ за углами было много казаковъ и конныхъ стражниковъ. Въ числѣ стражниковъ гарцовалъ и Переяшинъ.

Изъ уваженія къ его чину ему дали самую хорошую, какая только нашлась въ Ковылякахъ, лошадь. И вся амуниція на немъ красовалась новенькая и чистенькая, и особенно хороша была нагайка. Такъ пріятно было сжимать ее въ рукѣ и помахивать ею. И потому лицо у него было красное и веселое. Сегодня для обновленія формы онъ и самъ выпилъ изрядно, и своихъ новыхъ сослуживцевъ хорошо угостилъ. Нарочно сталъ на самомъ видномъ мѣстѣ, и ругался:

— Молокососы! Бунтовать вздумали! Пороть васъ хорошенько! Вѣшать васъ!

Пересыпалъ свои слова площадною руганью. Его видъ и его слова возбуждали въ толпѣ смѣхъ и презрѣніе. Нѣсколько комковъ грязнаго снѣга шлепнулись въ его лицо. Онъ заругался еще неистовѣе.

Кто-то бросилъ камень. Попалъ ему въ руку. Переяшинъ взвизгнулъ, пришпорилъ коня, взмахнулъ нагайкою, и ринулся въ толпу.

За нимъ и другіе. Началось безобразное избіеніе.

ПЕРИНА

I.

Наборщикъ Демьянъ Степанычъ Проходимцевъ и его жена Наталья Петровна ужинали. Они только на прошлой недѣлѣ повѣнчались, и теперь устраивали свое хозяйство. Наталья Петровна говорила:

— Я удивляюсь на маманшу, что онѣ, будучи при такихъ деньгахъ, не только не пускаютъ ихъ въ оборотъ, но даже не положатъ въ банкъ, а держатъ ихъ подъ собою. Хоть бы вы имъ посовѣтовали, Демьянъ Степанычъ.

— Это я могу,—отвѣтилъ Проходимцевъ, тощій черноволосый человѣкъ съ очень серьезнымъ лицомъ, — я имъ разъясню ихъ невѣжество. Но я не понимаю того, Наталья Петровна, что вы говорите, что маменька свой капиталъ подъ собой содержатъ. Въ какихъ собственно смыслахъ это слѣдуетъ понимать?

Наталья Петровна оглянулась вокругъ опасливо, и, понизивъ голосъ, хотя слушать было некому, сказала:

— Это собственно, Демьянъ Степанычъ, секретъ, но какъ говорится, что мужъ да жена—одна сатана, то, и надѣясь на вашу скромность, что вы никому не разскажете, я вамъ открою, что маменька держатъ свои капиталы въ перинѣ, на которой онѣ спятъ.

Проходимцевъ ничего не отвѣтилъ. Уже когда прошло много времени, и уже Наталья Петровна начала стлать постель, онъ все еще думалъ. Наконецъ сказалъ:

— Мнѣніе мое объ этомъ предметѣ такое, что надо маменьку пригласить къ намъ на постоянное пребываніе, а то

ихъ тамъ при ихъ одиночествѣ всякій можетъ ограбить и даже лишить возможности жизни.

— Маменька къ намъ не поѣдутъ, — сказала Наталья Петровна, — онѣ очень берегутъ свою перину, и не рѣшатся ее перевозить.

Но Проходимцевъ, какъ бы не слушая, продолжалъ:

— И даже я такъ полагаю, что надо маменьку пригласить сегодня же, а то ночьче ночью ихъ могутъ ограбить и порѣшить, а это намъ съ вами будетъ непріятно и даже невыгодно. А что маменька откажутся, это я и самъ знаю, но только я ихъ приглашу такъ, что и съ отказомъ онѣ къ намъ переѣдутъ. Согласитесь сами, Наталья Петровна, что намъ надобно не согласіе маменькино, а маменькина перина.

И съ этими словами Проходимцевъ акуратно одѣлся, сказалъ женѣ:

— До пріятнаго со мною свиданья.

И ушелъ. Жена равнодушно посмотрѣла за нимъ, зѣвнула, и сѣла у окна, сложа руки, ждать мужа.

II.

Проходимцевъ, пройдя улицы двѣ, постучался въ окошко маленькаго одноэтажнаго домика. Взлохмаченная голова высунулась въ окно, и хриплый тенорокъ проговорилъ:

— А, Проходимцевъ, другъ любезный, что такъ поздно?

— Господину Раскосову почтеніе, — отвѣтилъ Проходимцевъ, — и прошу выйти на улицу по важному и неотложному дѣлу.

— Немедленно?—съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ господинъ Раскосовъ.

Проходимцевъ отвѣчалъ:

— Немедленно, и даже сію секунду.

Господинъ Раскосовъ зѣвнулъ, подумалъ, скрылся, и скоро вышелъ изъ воротъ. Это былъ рослый, дюжій молодецъ съ пухлымъ рябымъ лицомъ и свѣтлою трепаною бородкою лопатой. Онъ былъ одѣтъ въ синюю блузу и пиджакъ.

— Другъ ты мнѣ или нѣтъ?—спросилъ Проходимцевъ.

Раскосовъ воскликнулъ:

— Демьянъ, мнѣ ли не повѣришь!

— И сверхъ того рубль цѣлковый заработать желаешь?—продолжалъ Проходимцевъ.

Раскосовъ просіялъ и воскликнулъ:

— Это очень даже можно. Рубъ цѣлковый—монета уважительная. Это я могу.

— Нонѣче ночью мнѣ надо важное дѣло сдѣлать,—объяснилъ Проходимцевъ,—тещу къ себѣ домой водворить желаю, а какъ она своего согласія не дастъ, то я намѣреваюсь переселить ее къ любезной дочери, а моей законной женѣ, на жительство скорымъ манеромъ. Но какъ для такого дѣла нуженъ товарищъ, то я и приглашаю господина Раскосова.

— А въ полицію не возьмутъ?—освѣдомился Раскосовъ.

Проходимцевъ покачалъ головою.

— Возлагаю надежду на крѣпость рукъ и скорость ногъ.

И пріятели отправились, соблюдая молчаніе.

III.

Было тихо и тепло; въ садахъ за изгородями пахло свѣжо и нѣжно, луна подымалась на востокѣ, за домами звучно и скоро лепетала рѣка у плотины,—городъ спалъ.

Тещинъ домъ стоялъ у выгона, второй отъ конца улицы. Проходимцевъ и Раскосовъ остановились подъ окнами. Проходимцевъ разсудительно сказалъ:

— Теперь главное затрудненіе состоитъ въ томъ, какъ попасть, никого не обезпокоивъ.

Потрогалъ рамы,—всѣ окна заперты, толкнулъ калитку,—задвинута. Постоялъ, подумалъ, и полѣзъ черезъ заборъ. За нимъ Раскосовъ.

Въ будкѣ у воротъ яростно залаяла собака, но узнала Проходимцева, и успокоилась,—свой. Проходимцевъ подошелъ къ дому, заглянулъ въ кухню.

— Марѳушка спитъ,—сказалъ онъ,—надо ее вызвать.

И принялся громко мяукать и скрести пальцами стекло окна. Кто-то зашевелился за окномъ. Проходимцевъ спрятался за уголъ, Раскосовъ послѣдовалъ его примѣру.

Окно открылось. Марѳа, молодая дѣвица, въ одной рубашкѣ, высунулась въ окно, и сказала, зѣвая:

— Машка подлая, чего ты скребешься?

Проходимцевъ выглянулъ изъ-за угла.

— Марѳушѣ наше почтеніе,—сказалъ онъ.

За нимъ высунулся и Раскосовъ. Марѳа вздрогнула.

— О, лѣшій, испугалъ!—крикнула она.—Что вамъ тутъ надо, полуночники?

Свѣжо и молодо во влажной темнотѣ ночной прозвучалъ ея голосъ.

— Мы къ вамъ по дѣлу, прекрасная дѣвица Марѳа,—сказалъ Проходимцевъ.—Потому, какъ ваша барыня, а наша любезнѣйшая маменька желаетъ переѣхать къ намъ на жительство, но опасается огласки, чтобы сосѣди не помѣшали, а кромѣ того у нашей маменьки причуды, какъ у малаго ребенка, то маменька намъ ноньче и говорятъ: Не хочу я къ вамъ ни пѣшомъ итти, ни конью ѣхать, а несите вы меня, какъ Ольга перемудрая Игоревыхъ пословъ, на моей собственной трехспальной перинѣ. Вотъ мы и пожаловали, а вы, Марѳа прекрасная извольте отворить намъ двери.

Марѳа засмѣялась.

— Придумаете тоже,—сказала она,—нашли дуру! Такъ я вамъ и отворила.

— Извѣстное дѣло, нашли,—отвѣчалъ Проходимцевъ,—извѣстное дѣло, отворишь,—семьдесятъ пять копеекъ получить желаешь?

— Обманете?—живо спросила Марфа.

Проходимцевъ вынулъ кошелекъ, отсчиталъ семьдесятъ пять копеекъ, подалъ Марѳѣ, и укоризненно сказалъ:

— У насъ деньги вѣрныя, какъ въ казначействѣ. Мы не затѣмъ, чтобы обманывать.

Марѳа сосчитала деньги.

— Да мнѣ что жъ,—сказала она,—я, пожалуй, и отворю. Мнѣ-то что же!

Она отошла отъ окна, и, звучно-тяжело ступая, пошла къ двери. Звякнулъ запоръ, съ тихимъ скрипомъ раскрылась дверь, и, вся бѣлая на ея зіяющей темнотѣ, выглянула Марѳа.

Проходимцевъ и Раскосовъ вошли.

Марѳа захохотала, пряча лицо въ платокъ. Всѣ трое отправились въ спальню къ старухѣ.

IV.

Анна Прохоровна спала, свернувшись комочкомъ на своей широкой перинѣ. Пріятели взяли перину, Раскосовъ въ головахъ, Проходимцевъ въ ногахъ, и понесли. Старуха проснулась. Забезпокоилась.

— Что такое?—закричала она.—Марѳушка, подлая, куда меня волокутъ? Нешто пожаръ?

— Ничего, маменька, не безпокойтесь,—отвѣтилъ Проходимцевъ,—мы съ нашею супругою приглашаемъ васъ къ намъ на пребываніе.

Проворно, почти бѣгомъ, вынесли старуху на дворъ, а потомъ на улицу. Она кричала:

— Озорники, да что вы дѣлаете? Пустите меня, я домой пойду.

— Никакъ невозможно, маменька,—говорилъ Проходимцевъ,—потому какъ вашъ костюмчикъ дома остался, и кромѣ того не извольте кричать, а то сосѣди увидятъ васъ въ безпорядкѣ, и вамъ будетъ зазорно.

Старуха захныкала:

— Разбойникъ ты, креста у тебя на вороту нѣтъ.

Но пріятели не слушали, и быстро мчались со своею ношею по тихимъ улицамъ безмолвнаго городка. Скоро принесли и положили перину со старухою на полъ.

— За вашимъ костюмчикомъ, маменька, пойду, — объявилъ Проходимцевъ.

Расчитался съ Раскосовымъ, и пошелъ за старухиною одеждою. Старуха плакала. Дочь говорила ей:

— Такъ какъ мы васъ, маменька, очень любимъ, то и нѣтъ нашего желанія жить съ вами отдѣльно. Вамъ у насъ будетъ, какъ у Христа за пазухой.

ОБЫСКЪ

I.

Пріятное въ жизни переплетается съ непріятнымъ. Пріятно быть ученикомъ перваго класса,—это создаетъ извѣстное положеніе въ свѣтѣ. Но и въ жизни ученика перваго класса случаются непріятности.

Разсвѣло. Заходили, заговорили. Шура проснулся, и первое его ощущеніе было то, что на немъ что-то рвется. Это было непріятно. Что-то комкается подъ бокомъ,—и потомъ возникло болѣе отчетливое представленіе разорванной и скомканной рубашки. Подъ мышками разорвалось, и чувствуется, что прорѣха почти до самаго низа.

Шурѣ стало досадно. Онъ вспомнилъ, что еще вчера говорилъ мамѣ:

— Мама, дай мнѣ чистую рубашку; у этой рубашки прорѣшка подъ мышками.

А мама отвѣтила:

— Завтра еще поноси, Шурочка.

Шура поморщился, какъ любилъ это дѣлать, когда что было не по немъ, и сказалъ досадливо:

— Мама, да она завтра совсѣмъ разорвется. Что жъ мнѣ оборванцемъ ходить!

Но мама, не отрываясь отъ работы, — и охота ей самой все шить!—сказала недовольнымъ голосомъ:

— Отстань, Шурка, не до тебя, некогда мнѣ. Моду какую завелъ приставать къ матери! Сказано, завтра вечеромъ перемѣнишь. Шалилъ бы меньше, вотъ и одежда была бы цѣлѣе. На тебѣ горитъ,—не напасешься.

Шура же былъ совсѣмъ не шалунъ. Онъ заворчалъ:

— Какъ еще поменьше шалить? Меньше нельзя. Я совсѣмъ мало шалю. Только если и шалю, такъ ужъ самое, самое необходимое, безъ чего никакъ нельзя.

Такъ мама и не дала рубашки. Ну вотъ, что же вышло! Рубашка разорвалась до самаго подола. Теперь ее бросить надо. Вотъ какая неразсчетливая мама!

Было слышно за стѣною, какъ мама проворно ходила, торопясь выбраться изъ дому. Шура вспомнилъ, что у мамы есть хорошая практика,—такая, на которую надо ходить долго, и за которую дадутъ много денегъ. Это, конечно, хорошо,—но вотъ сейчасъ мама уйдетъ, и Шурѣ придется отправляться въ рваной рубашкѣ,—и во что же она тогда обратится къ вечеру?

Шура проворно вскочилъ, бросилъ одѣяло на полъ, и побѣжалъ къ мамѣ, громко стуча по холодному полу голыми ногами. Закричалъ:

— Вотъ, мама, полюбуйся! Говорилъ вѣдь я тебѣ вчера, что надо мнѣ дать другую рубашку, а ты не хотѣла дать,—ну вотъ, видишь, что съ нею сдѣлалось!

Мама сердито поглядѣла на Шуру. Досадливо покраснѣла. Заворчала:

— Еще бы ты голый выбѣжалъ! Что за срамъ! Никакого нѣтъ сладу съ мальчишкой, до того набалованъ.

Схватила Шуру за плечи, повела къ себѣ въ спальню. У Шуры опасливо дрогнуло сердце. Мама говорила:

— Вѣдь знаешь, что я тороплюсь, а все-таки лѣзешь. Горе мнѣ съ тобою!

Но ужъ видѣла, что въ этой рубашкѣ нельзя оставить мальчика. Пришлось идти въ комодъ, доставать новую рубашку, еще не надѣванную, потому что тѣ рубашки, изъ которыхъ мама хотѣла дать сегодня, были еще въ стиркѣ,—принесутъ ихъ только къ вечеру.

Шура обрадовался. Очень пріятно было ему надѣвать

новое бѣлье,—оно такое жесткое и холодное, и такъ забавно щекочетъ кожу. Одѣваясь, онъ смѣялся и шалилъ, но мамѣ уже совсѣмъ некогда было побыть съ нимъ, и она торопливо ушла.

II.

Въ училищѣ было, какъ всегда, странно: весело и скучно, живо и неестественно. Весело было, когда приходили перемѣны между уроками, и скучно, когда былъ самый урокъ.

Предметы, которыми приходилось заниматься на урокахъ, были странные и совсѣмъ ненужные: Люди, которые давно умерли и ничего хорошаго не сдѣлали, но о которыхъ надо было послѣ столькихъ столѣтій все еще зачѣмъ-то помнить, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ быть, и на свѣтѣ никогда не бывало,—Глаголы, которые съ чѣмъ-то спрягались, и Имена, которыя куда-то склонялись, но для которыхъ не находилось живого мѣста въ живой рѣчи,—Фигуры, о которыхъ такъ трудно было доказать то, чего совсѣмъ и не надо было доказывать,—и Многое Иное, столь же нелѣпое и чуждое. И не было одного во всемъ этомъ необходимаго,—не было Связи Соотношеній, не было прямого отвѣта на вѣчный вопросъ: Что къ Чему и откуда.

III.

Утромъ въ залѣ передъ молитвою къ Шурѣ подошелъ Митя Крынинъ. Спросилъ:

— Ну что, принесъ?

Шура вспомнилъ, что обѣщалъ вчера принести Крынину

книжку съ современными пѣсенками. Сунулъ руку въ карманъ,—тамъ книжки не было. Сказалъ:

— Ну, въ пальто оставилъ. Сейчасъ принесу.

Побѣжалъ въ шинельную. Въ это время сторожъ надавилъ пружинки электрическихъ звонковъ, и по всему обширному и скучному зданію училища затрещали рѣзкіе голоса колокольчиковъ. Пора было итти на молитву,—безъ этого нельзя было начаться ученью.

Шура заторопился. Сунулся въ карманъ пальто, ничего не нашелъ, потомъ вдругъ увидѣлъ, что это чужое пальто, крикнулъ досадливо:

— Ну, вотъ исторія, въ чужое пальто залѣзъ!

И принялся отыскивать свое.

Рядомъ съ нимъ раздался насмѣшливый хохотъ. Непріятный голосъ шалуна Дутикова заставилъ Шуру вздрогнуть отъ неожиданности. Дутиковъ, опоздавшій въ училище и пришедшій только сейчасъ, кричалъ:

— Что, братъ, по чужимъ карманамъ лазишь?

Шура проворчалъ сердито:

— А тебѣ что за дѣло, Дутька? Не въ твой карманъ.

Нашелъ книжку, и побѣжалъ въ залъ, гдѣ уже строились ученики къ молитвѣ, выравниваясь длинными шеренгами по росту, такъ что маленькіе стали впереди, ближе къ иконамъ, большіе сзади, и въ каждой шеренгѣ справа были мальчики повыше, слѣва—пониже. Учителя считали, что молиться надо по росту и въ шеренгахъ, иначе ничего не выйдетъ. Кромѣ того, въ сторонкѣ стали мальчики, которые навострились въ церковномъ пѣніи, и одинъ изъ нихъ передъ каждымъ разомъ, какъ надо было запѣть, тихонько подвывалъ на разные голоса, что называлось—задавать тонъ. Пѣли громко, быстро и безвыразительно, какъ въ барабаны били. Дежурный ученикъ читалъ по молитвеннику тѣ молитвы, которыя полагалось не пѣть, а чи-

тать,—и читалъ такъ же громко, такъ же безвыразительно. Словомъ, все было, какъ всегда.

А послѣ молитвы случилось происшествіе.

IV.

У Епифанова изъ второго класса пропалъ перочинный ножикъ и серебряный рубль. Краснощекій бутузъ, обнаруживъ покражу, поднялъ плачъ: ножикъ былъ красивый, въ перламутровой оправѣ, а рубль былъ нуженъ на самыя неотложныя дѣла. Пошелъ жаловаться.

Начался разборъ дѣла.

Дутиковъ разсказалъ, что видѣлъ въ шинельной, какъ Шура Долининъ шарилъ по карманамъ въ чужихъ пальто. Шуру позвали въ кабинетъ инспектора.

Сергѣй Ивановичъ, инспекторъ, подозрительными глазами уставился на мальчика. Старому учителю было пріятно думать, что вотъ онъ сейчасъ уличитъ воришку. Потомъ будетъ экстренное засѣданіе Педагогическаго Совѣта, потомъ воришку исключатъ.

Казалось бы, во всемъ этомъ нѣтъ ничего хорошаго. Но ужъ очень насолили шаловливые и непослушные мальчуганы старому учителю, — со злорадствомъ сыщика смотрѣлъ онъ на смущеннаго, раскраснѣвшагося мальчика, и медленно задавалъ ему вопросы:

— Зачѣмъ ты былъ въ шинельной во время молитвы?

— До молитвы, Сергѣй Ивановичъ, — тоненькимъ отъ испуга голосомъ пищалъ Шура.

— Допустимъ, что до молитвы,—съ ироніею въ тонѣ голоса соглашался инспекторъ.—Однако я спрашиваю, зачѣмъ?

Шура объяснилъ, зачѣмъ. Инспекторъ продолжалъ:

— Допустимъ, что за книжкой. А въ чужой карманъ зачѣмъ лазилъ?

— По ошибкѣ,—горестно сказалъ Шура.

— Прискорбная ошибка,—замѣтилъ инспекторъ, укоризненно качая головою.—А скажи-ка ты лучше, не взялъ ли ты по ошибкѣ ножикъ и рубль? По ошибкѣ, а? Посмотри-ка въ своихъ карманахъ.

Шура заплакалъ, и говорилъ сквозь слезы:

— Я ничего не воровалъ.

Инспекторъ улыбался. Пріятно довести до слезъ. На румяныхъ щекахъ такія красивыя и частыя катятся дѣтскія слезы, и непремѣнно въ три ручья: изъ одного глаза двѣ струйки слезъ, а изъ другого—одна.

— Если не воровалъ, такъ чего же плакать?—издѣвающимся тономъ говорилъ инспекторъ.—Я и не говорю, что ты укралъ. Я предполагаю, что ты ошибся. Захватилъ, что въ руку попало, а потомъ и самъ забылъ. Пошарь-ка въ карманахъ.

Шура поспѣшно вытащилъ изъ кармана весь тотъ дѣтскій вздоръ, какому полагается быть у мальчишекъ,—а потомъ и оба кармана вывернулъ.

— Ничего нѣтъ,—сказалъ онъ досадливо.

Инспекторъ смотрѣлъ на него пытливо.

— А не завалилось ли куда-нибудь за одежду, а? Въ сапоги, можетъ быть, ножикъ-то провалился, а?

Позвонилъ. Пришелъ сторожъ.

Шура плакалъ. И все вокругъ плыло въ розовомъ туманѣ, въ безумномъ обморокѣ униженія. Шуру повертывали, ощупывали, обыскивали. Понемножку раздѣвали: заставили снять сапоги, и вытряхивали ихъ: стащили, на всякій случай, и чулки; сняли поясъ, блузу, брюки. Все вытряхивали и осматривали.

И сквозь все томленіе стыда, сквозь обиду унизительнаго и ненужнаго обряда яркая пронизывала радость: рва-

ная рубашка осталась дома, и подъ грубыми руками усерднаго педагога шуршала новенькая, чистенькая рубашка.

Стоялъ Шурка въ одной рубашкѣ, и плакалъ. За дверью послышались шумные голоса, веселые крики.

Стукнула дверь, вошелъ посѣщно кто-то маленькій, румяный, улыбающійся. И сквозь стыдъ, и сквозь слезы, и сквозь радость о новой рубашкѣ Шура услышалъ чей-то не то веселый, не то смущенный голосъ, слегка запыхавшійся отъ бѣга:

— Нашлось, Сергѣй Ивановичъ. У самого Епифанова. У него дыра была въ карманѣ,—ножикъ и рубль провалились въ сапогъ. Теперь онъ почувствовалъ, что неловко, и нашелъ.

Тогда вдругъ стали ласковы съ Шурою. Гладили по головѣ, утѣшали и помогали одѣваться.

V.

То плакалъ, то смѣялся. Дома опять и плакалъ, и смѣялся. Разсказывалъ мамѣ. Жаловался:

— Совсѣмъ раздѣли. Хорошъ бы я былъ въ рваной рубашкѣ.

Потомъ... что же потомъ? Мама ходила къ инспектору. Хотѣла сдѣлать ему сцену. Хотѣла потомъ на него жаловаться. Но на улицѣ вспомнила, что мальчикъ освобожденъ отъ платы за ученіе. Сцены не вышло. Притомъ же инспекторъ принялъ ее очень любезно. Извинился очень. Чего же еще?

Унизительное ощущеніе обыска осталось въ мальчикѣ. Такъ врѣзалось это ощущеніе: заподозрѣнъ въ воровствѣ, обысканъ, и стой полуголый, поворачивайся въ рукахъ

усерднаго человѣка. Стыдно? Но вѣдь это—опытъ, полезный для жизни.

И мама сказала, плача:

— Кто знаетъ,—вырастешь, не то еще будетъ. У насъ все бываетъ.

ОТРАВЛЕННЫЙ САДЪ

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила.
А. С. Пушкинъ.

I.

— Прекрасный Юноша, о чемъ ты задумался такъ глубоко? — спросила Старуха, у которой Юноша снималъ комнату.

Она тихо вошла вечеромъ въ его полутемную комнату, и, еле слышно шелестя по крашеному буро-красною краскою неровному полу мягкими туфлями, приблизилась къ Юношѣ, и стала у его плеча. Онъ вздрогнулъ отъ неожиданности,—уже съ полчаса стоялъ онъ у единственнаго окна своего тѣснаго покойчика въ верхнемъ жильѣ стараго дома, и, не отрываясь, смотрѣлъ на открывающійся передъ нимъ прекрасный Садъ, гдѣ цвѣло множество растеній, благоухающихъ нѣжно, сладко и странно. Отвѣчая Старухѣ, Юноша сказалъ:

— Нѣтъ, Старая, я ни о чемъ не думаю. Я стою, смотрю, и жду.

Старуха укоризненно покачала сѣдою головою, и узлы ея темнаго платка закачались, какъ два остро поднятыя къ верху, настороженныя уха. Ея морщинистое лицо, болѣе желтое и сухое, чѣмъ у другихъ старыхъ женщинъ, жившихъ на той же улицѣ, на окраинѣ громаднаго Стараго

Города, выражало теперь озабоченность и тревогу. Старуха молвила тихо и печально:

— Жаль мнѣ тебя, милый Юноша.

Голосъ ея, хотя уже и старчески хриплый, звучалъ такою печалью, такимъ искреннимъ состраданіемъ, и ея уже безцвѣтные отъ старости глаза глядѣли такъ скорбно, что Юношѣ въ полумракѣ его покоя вдругъ на одно короткое мгновеніе показалось, что эти внѣшніе признаки старости— только удачно надѣтая личина, и что за нею скрывается молодая, прекрасная Жена, еще недавно только испытавшая пронзающую сердце скорбь Матери, оплакавшей погибшаго Сына.

Но прошло это странное мгновеніе, и Юноша улыбнулся своей чудной мечтѣ. Онъ спросилъ:

— Почему тебѣ жаль меня, Старая?

Старуха стала рядомъ съ нимъ, посмотрѣла въ окно на Садъ, прекрасный и цвѣтущій, и весь осіянный лучами заходящаго солнца, и сказала:

— Мнѣ жаль тебя, милый Юноша, потому, что я знаю, куда ты смотришь, и чего ты ждешь. Мнѣ жаль тебя и твоей матери.

Можетъ быть, отъ этихъ словъ, а можетъ быть, отъ чего-нибудь иного, что-то измѣнилось въ настроеніи Юноши. Садъ, цвѣтущій и благоухающій за высокимъ заборомъ подъ его окномъ, вдругъ показался ему почему-то страннымъ, и темное чувство, похожее на внезапный страхъ, жуткимъ замираніемъ остановилось у его сердца, точно рожденное пряными и томными ароматами, исходящими отъ яркихъ внизу цвѣтовъ.

„Что же это?“—подумалъ Юноша въ недоумѣніи.

Онъ не захотѣлъ поддаваться томному очарованію вечерней тоски, сдѣлалъ надъ собою усиліе, улыбнулся, быстрымъ движеніемъ сильной руки откинулъ съ высокаго лба прядь черныхъ волосъ, и спросилъ:

— Что же нехорошаго въ томъ, на что я смотрю, и чего я жду? И почемъ ты знаешь, чего я жду?

И въ эту минуту онъ былъ веселый, смѣлый, прекрасный, и черные глаза его пылали, и румяныя щеки его рдѣли, и алыя, яркія губы его казались сейчасъ только поцѣлованными, и изъ-за нихъ сверкали крѣпкіе, бѣлые зубы, веселые, злые.

Старуха говорила:

— Милый Юноша, ты смотришь на Садъ, и не знаешь, что это—злой Садъ. Ты ожидаешь Красавицу, и не знаешь, что красота ея пагубна. Два года прожилъ ты въ моей комнатѣ, и ни разу не засматривался такъ, какъ сегодня. Видно, и твой чередъ насталъ. Пока еще не поздно, отойди отъ окна, не дыши дыханіемъ коварныхъ цвѣтовъ, и не жди, чтобы подъ окно твое пришла чаровать Красавица. Она придетъ, она зачаруетъ, и ты пойдешь за нею, куда не хочешь.

Говоря такъ, Старуха зажгла двѣ свѣчи на столѣ, гдѣ лежали книги, захлопнула окно, и задернула у окна занавѣску. Съ легкимъ скрежетомъ провлеклись по мѣдному пруту кольца, заколыхалось, и опять спокойно легло желтое полотно занавѣски,—и въ комнатѣ стало весело, уютно и спокойно. И казалось, что нѣтъ за окномъ Сада, и нѣтъ въ мірѣ очарованій, и все просто, обычно, установлено разъ на всегда.

— А и правда,—сказалъ Юноша, — я никогда не обращалъ вниманія на этотъ Садъ, и сегодня только въ первый разъ увидѣлъ Красавицу.

— Уже увидѣлъ,—печально сказала Старуха.—Уже упало въ твою душу злое сѣмя очарованія.

А Юноша говорилъ не то Старухѣ, не то разсуждая самъ съ собою:

— Да раньше и некогда было. Днемъ на лекціяхъ въ университетѣ, вечеромъ—за книгами или съ веселыми

товарищами и милыми дѣвушками на вечеринкѣ или въ театрѣ, гдѣ-нибудь на галеркѣ, а то такъ и въ партеръ по студенческой контрмаркѣ, когда платной публики мало: антрепренеры насъ любятъ, мы хлопаемъ усердно, и кричимъ, вызывая актрисъ, пока не погасятъ всѣхъ огней. Лѣтомъ уѣдешь къ родителямъ. Такъ, только слышалъ, что рядомъ великолѣпный Садъ нашего профессора, знаменитаго Ботаника.

— Потому и знаменитый, что чорту душу продалъ,— сердито сказала Старуха.

Студентъ разсмѣялся весело.

— А все-таки,—сказалъ онъ,—мнѣ странно, что я никогда до сегодняшняго вечера не видалъ его дочери, хотя и слышалъ много объ ея дивной красотѣ, и о томъ, что многіе знатные юноши Стараго Города и изъ другихъ мѣстъ, близкихъ и дальнихъ, добивались ея любви, и надѣялись, и обманывались, а иные даже и умирали, не стерпѣвъ ея холодности.

— Она—коварная,—сказала Старуха.—Она знаетъ цѣну своимъ чарамъ, и показывается не всѣмъ. Нищему студенту трудно свести съ нею знакомство. Отецъ обучилъ ее многому, чего и ученые не знаютъ, но на ваши сходки она не ходитъ. Она больше съ богатыми, отъ которыхъ можно ждать многихъ подарковъ.

— Старая, сегодня я хорошо видѣлъ ее, и мнѣ кажется,—возражалъ Юноша,—что дѣвица съ такимъ прекраснымъ лицомъ, съ такими ясными глазами, съ такими граціозными манерами, и одѣтая такъ красиво, не можетъ быть коварною и корыстною, и гнаться за подарками. Я твердо рѣшилъ, что познакомлюсь съ нею. Сегодня же пойду къ Ботанику.

— Ботаникъ тебя и на порогъ не пуститъ,—говорила Старуха.—Его слуга о тебѣ и докладывать не пойдетъ, какъ увидитъ твою поношенную одеженку.

— Что ему за дѣло до моей одежды! — съ досадою сказалъ Юноша.

— Да вотъ развѣ если бъ ты на крылатомъ змѣѣ пріѣхалъ,— сказала Старуха,—такъ, пожалуй, пустили бы, и на твои заплаты не поглядѣли бы.

Юноша засмѣялся, и воскликнулъ весело:

— Что жъ, Старая, и крылатаго змѣя осѣдлаю, коли иначе туда не попасть будетъ!

— Да ужъ отъ вашихъ забастовокъ добра не ждать,— ворчала старуха.—Учились бы смирно, и все было бы хорошо. И тебѣ бы не было никакой печали до этой хитрой Красавицы и до ея страшнаго Сада.

— Что страшнаго въ ея Саду?—спросилъ Юноша.—А не бастовать намъ никакъ нельзя было: наши права и права университета нарушены,—неужели же мы смиренно подчинимся?

— Юноши должны учиться,—ворчала Старуха,—а не права разбирать. А ты, милый Юноша, прежде чѣмъ съ Красавицей знакомиться, въ ея Садъ вглядись хорошенько изъ окошка, завтра утромъ, при свѣтѣ солнца, когда все видно ясно и вѣрно. Ты увидишь, что въ этомъ саду нѣтъ цвѣтовъ, которые здѣсь всѣмъ знакомы, а цвѣтовъ, какіе тамъ есть, никто у насъ въ Городѣ не знаетъ. Подумай-ка объ этомъ хорошенько,—вѣдь это не спроста. Бѣсъ коваренъ,—не его ли это созданія на пагубу людямъ?

— Это—растенія чужестранныя,—сказалъ Юноша,—они привезены изъ жаркихъ странъ, гдѣ все иначе.

Но уже Старуха не хотѣла больше разговаривать. Она досадливо махнула рукою, и, шамая туфлями, сердито и неразборчиво бормоча неласковыя слова, вышла изъ комнаты.

Первымъ побужденіемъ Юноши было—подойти къ окну, отдернуть желтое полотно занавѣски, и опять смотрѣть въ очаровательный садъ, и ждать. Но помѣшали: пришелъ То-

варищъ, шумный, нескладный молодой человѣкъ, и позвалъ Юношу итти въ мѣсто, гдѣ они часто собирались, чтобы говорить много, спорить, шумѣть и смѣяться. По дорогѣ Товарищъ, смѣясь, негодуя, размахивая руками больше, чѣмъ бы слѣдовало, разсказалъ Юношѣ о томъ, что происходило сегодня утромъ въ аудиторіяхъ и въ университетскихъ корридорахъ, какъ были сорваны всѣ лекціи, какъ были посрамлены противники забастовки, какія прекрасныя слова говорили любимые, хорошіе профессоры, и какъ смѣшно вели себя профессоры нелюбимые и, значитъ, нехорошіе.

Юноша провелъ интересный вечеръ. Говорилъ волнуясь, какъ всѣ. Слушалъ искреннія, горячія рѣчи. Смотрѣлъ на товарищей, лица которыхъ выражали и беззаботную смѣлость молодости, и ея пламенное негодованіе. Видѣлъ дѣвушекъ, милыхъ, умныхъ, скромныхъ, и мечталъ о томъ, что изъ ихъ веселаго круга изберетъ себѣ подругу. И почти забылъ о Красавицѣ въ очаровательномъ Саду.

Вернулся домой поздно, и заснулъ крѣпко.

II.

Утромъ, когда онъ открылъ глаза, и когда взоръ его упалъ на желтое полотно занавѣски у окна, показалось ему, что ея желтизна окрашена багрянцемъ темнаго желанія, и что въ ней есть какая-то странная, жуткая напряженность. Казалось, что солнце настойчиво и страстно упираетъ жгучіе, горькіе лучи въ пронизанное золотымъ свѣтомъ полотно, и зоветъ, и требуетъ, и волнуетъ. И въ отвѣтъ удивительной внѣшней напряженности золота и багрянца огненною живостью наполнились жилы Юноши, упругою силою налились мускулы, и сердце стало, какъ родникъ ярыхъ пожаровъ. Пронизанный сладко милліонами

живящихъ, и горящихъ, и возбуждающихъ иголъ, вскочилъ онъ съ постели, и съ ребяческимъ веселымъ хохотомъ, не одѣваясь, принялся прыгать и плясать по комнатѣ.

Привлеченная необычнымъ шумомъ, заглянула въ дверь Старая хозяйка. Покачала укоризненно головою, и ворчливо сказала:

— Милый Юноша, пляшешь и радуешься, и всѣхъ безпокоишь, а чему радъ, и самъ не знаешь, и не вѣдаешь, кто стоитъ подъ твоимъ окошкомъ, и что она тебѣ готовитъ.

Юноша смутился, и сталъ тихъ и скроменъ, какъ раньше, что и согласно было съ его характеромъ, и соотвѣтствовало прекрасному воспитанію, полученному имъ дома. Онъ умылся старательнѣе обычнаго, оттого, можетъ быть, что не надо было сегодня спѣшить на лекціи, а можетъ быть, и по иной причинѣ, и съ такимъ же тщаніемъ одѣлся, при чемъ долго чистилъ свою изрядно уже поношенную одежду: новой у него не было, такъ какъ родители его были не богаты, и не могли присылать ему много денегъ. Потомъ подошелъ онъ къ окну. Сердце его забилось тревожно, когда онъ отдернулъ желтое полотно занавѣски. Очаровательное зрѣлище открылось передъ нимъ,—хотя сегодня онъ сразу замѣтилъ, что есть что-то странное во всемъ видѣ этого обширнаго, превосходно расположеннаго Сада. Что именно его удивляло, еще онъ сразу не понялъ, и внимательно сталъ разсматривать Садъ.

Что же было непріятнаго въ его красотѣ? Отчего такъ больно замирало сердце Юноши? То ли, что все въ очаровательномъ Саду было слишкомъ правильно? Дорожки разбиты прямо, всѣ одинаковой ширины, и однообразно усыпаны ровнымъ слоемъ желтаго песку; растенія разсажены съ тщательною порядливостью; деревья подрѣзаны въ видѣ шаровъ, конусовъ и цилиндровъ; цвѣты подобраны по то-

намъ, такъ что сочетаніе ихъ ласкало глазъ, но почему-то ранило душу.

Но, разсуждая здраво, что же непріятнаго въ томъ порядкѣ, который свидѣтельствуетъ, что кто-то неусыпно заботится о Садѣ? Нѣтъ, не въ этомъ, конечно, была причина страннаго безпокойства, томившаго Юношу. Въ чемъ-то другомъ, еще непонятномъ Юношѣ.

Одно было несомнѣнно, что этотъ Садъ не былъ похожъ ни на одинъ изъ тѣхъ садовъ, которые довелось на своемъ вѣку повидать Юношѣ. Онъ видѣлъ здѣсь цвѣтки громадные и слишкомъ яркой окраски,—порою казалось, что разноцвѣтные огни пылали среди буйной зелени,—бурые и черные стебли ползучихъ растеній, толстые, какъ тропическія змѣи,—листья странной формы и непомѣрной величины, зелень которыхъ казалась неестественно яркою. Пряные и томные ароматы легкими волнами вливались въ открытое окно, вздохи ванили, и ладана, и горькаго миндаля, сладкіе и горькіе, торжественные и печальные, какъ ликующая погребальная мистерія.

Юноша чувствовалъ на своемъ лицѣ нѣжныя, но бодрящія прикосновенія легкаго вѣтра. Въ саду же, казалось, вѣтеръ не имѣлъ силы, и въ изнеможеніи улегся на спокойно-зеленой травѣ и въ тѣни подъ кустами странныхъ насажденій. И отъ того, что деревья и травы страннаго Сада были бездыханно тихи, и не слышали тихо-вѣющаго надъ ними вѣтра, и ничѣмъ не отвѣчали ему, они казались неживыми. А потому лживыми, злыми, враждебными человѣку.

Впрочемъ, одно изъ растеній шевелилось. Но, вглядѣвшись, Юноша засмѣялся. То, что онъ принялъ за безлистый стволъ страннаго растенія, былъ человѣкъ небольшого роста, тощій, въ черной одеждѣ. Онъ стоялъ передъ кустомъ съ ярко-пурпурными цвѣтами, потомъ медленно пошелъ по дорожкѣ, опираясь на толстую палку, и при-

ближаясь къ тому окну, изъ котораго глядѣлъ Юноша. Не столько по лицу, которое, будучи прикрыто широкими полями черной шляпы, только отчасти было видно сверху, сколько по манерамъ и походкѣ, Юноша узналъ Ботаника. Не желая показаться нескромнымъ, Юноша немного отодвинулся отъ окна въ глубину комнаты. Но вдругъ увидѣлъ онъ, что навстрѣчу Ботанику шла Красавица, его юная дочь.

Ея нагія руки были подняты къ сложеннымъ на головѣ чернымъ косамъ, потому что въ это время она вкалывала въ волосы ярко-пунцовый цвѣтокъ. Ея легкая, короткая туника была застегнута на плечѣ золотою пряжкою. Ноги ея, легкимъ потемнѣвшія загаромъ, до колѣнъ открытыя, были стройны, какъ ноги воскресшей богини. Сердце Юноши забилось, онъ забылъ всякую осторожность и скромность, опять бросился къ окну, и жадно глядѣлъ на милое видѣніе. Красавица кинула въ его сторону быстрый, пламенный взглядъ,—и синія изъ-подъ черныхъ ровныхъ бровей сверкнули очи,—и улыбнулась нѣжно и лукаво.

Если бываютъ люди счастливы, если свѣтитъ имъ порою безумное солнце радости, сладкимъ круженіемъ восторга унося въ запредѣльныя страны,—то гдѣ слова, чтобы сказать объ этомъ? И если есть на свѣтѣ красота для очарованій, то какъ описать ее?

Но вотъ остановилась Красавица, пристально посмотрѣла на Юношу, и засмѣялась радостно и весело,—и въ несказанномъ круженіи восторга забылъ Юноша о всемъ, что есть на свѣтѣ, стремительно наклонился изъ окна, и закричалъ голосомъ, звонкимъ отъ волненія:

— Милая! Прекрасная! Божественная! Приди ко мнѣ! Люби меня!

Красавица подошла близко, и Юноша услышалъ тихо-

звенящій, ясный голосъ, каждый звукъ котораго сладкою мукою ранилъ его сердце:

— Милый Юноша, знаешь ли ты цѣну моей любви?

— Хотя бы цѣною жизни!—воскликналъ Юноша.—Хотя-бы у темныхъ воротъ Смерти!

Зарею пылающею и смѣющеюся стояла Красавица передъ Юношей, и простирала къ нему стройныя, обнаженныя руки. И говорила, и вѣялъ отъ ея словъ ароматъ обольстительный, томный, какъ вздохи нѣжной туберозы:

— О, Милый Юноша, мудрый и страстный, ты знаешь, ты видишь, ты дождешься. Многіе любили меня, многіе жаждали обладать мною, прекрасные, юные, сильные, многимъ улыбалась я улыбкою обаятельною, какъ улыбка послѣдней утѣшительницы, но никогда никому до тебя не говорила я сладкихъ и страшныхъ словъ: люблю тебя. Теперь хочу, и жду.

Страстью и желаніемъ звенѣлъ ея голосъ. Она отвязала отъ пояса шелковый черный шнурокъ съ бронзовымъ на немъ ключемъ, и уже взмахнула рукою, чтобы бросить ключъ Юношѣ, но не успѣла. Отецъ уже спѣшилъ къ ней, замѣтивъ еще издали, что она заговорила съ незнакомымъ Юношей. Онъ грубо схватилъ ее за руку, отнялъ отъ нея ключъ, и закричалъ хриплымъ старческимъ голосомъ, противнымъ, какъ тяжелое карканье стараго ворона на кладбищѣ:

— Безумная, что ты хочешь сдѣлать? Не о чемъ тебѣ съ нимъ говорить. Этотъ Юноша не изъ рода тѣхъ, для кого взростили мы нашъ Садъ, смѣшавъ соки этихъ растеній съ ядовитою смолою Анчара. Не для такихъ, какъ этотъ голякъ, погибъ нашъ предокъ, надышавшись тлетворнымъ ароматомъ страшной смолы. Иди, иди домой, и не смѣй говорить съ нимъ.

Старикъ повлекъ дочь къ дому, виднѣвшемуся въ глубинѣ Сада. Онъ крѣпко сжималъ ея руки, обѣ захвативъ

одною своею рукою. Красавица покорно шла за отцомъ, и смѣялась. И былъ ея смѣхъ ясенъ, звонокъ, сладокъ, и жалилъ тысячами острыхъ жалъ пламенѣющее сердце юноши.

Онъ еще стоялъ у окна, долго всматривался напряженными глазами въ расчисленныя и расчищенныя дали очарованнаго Сада. Но уже Красавица больше не показывалась. Все тихо и недвижно было въ дивномъ Саду, и бездыханными казались чудовищно яркія цвѣты, и отъ нихъ доходилъ до Юноши ароматъ, кружащій голову, жуткимъ томленіемъ сжимающій сердце, ароматъ, напоминающій темные, стремительные, жадные вздохи ванили, цикламена, датуры и туберозъ, злыхъ, несчастныхъ цвѣтовъ, умирающихъ, умерщвляя, чарующихъ смертною тайною.

III.

Юноша твердо рѣшился проникнуть въ дивный Садъ, надышаться таинственными ароматами, которыми дышитъ Красавица, и добиться ея любви, хотя бы цѣною за нее была жизнь, хотя бы путемъ къ ней былъ путь смертный, путь безвозвратный. Но кто бы помогъ ему проникнуть въ домъ стараго Ботаника?

Юноша ушелъ изъ дому. Долго ходилъ онъ по Городу, и всѣхъ, кого зналъ, распрашивалъ о красавицѣ, дочери Ботаника. Одни не могли, другіе не хотѣли ввести его въ домъ стараго Ботаника, и о Красавицѣ всѣ говорили недоброжелательно.

Товарищъ ему сказалъ:

— Всѣ молодые Оптиматы Города влюбляются въ нее, и хвалятъ ея изысканную и утонченную красоту. Намъ же, Пролетаріямъ, ея красота ненавистна и не нужна; ея мерт-

вая улыбка насъ раздражаетъ, и безуміе, затаившееся въ синевѣ ея глазъ, намъ противно.

Дѣвушка, вторя ему, говорила:

— Ея красота, о которой говорятъ такъ много праздные и богатые юноши, вовсе даже и не красота, на нашъ взглядъ. Это—мертвая красивость разложенія и упадка. Я думаю даже, что она румянится и бѣлится. Отъ нея пахнетъ, какъ отъ ядовитаго цвѣтка; даже дыханіе у нея ароматно, и это противно.

Популярный Профессоръ говорилъ:

— Коллега Ботаникъ—знаменитый и ученый человѣкъ; но онъ не хочетъ подчинять свою науку высокимъ интересамъ гуманности. Его дочь, говорятъ, очаровательна: нѣкоторые говорятъ объ оригинальности ея костюмовъ и манеръ; впрочемъ, я не имѣлъ случая бесѣдовать съ нею болѣе или менѣе обстоятельно; притомъ же въ нашемъ кругу ее рѣдко можно встрѣтить. Думаю, однако, что ея очарованія заключаютъ въ себѣ нѣчто вредное для здоровья,—до меня дошли странные слухи, за достовѣрность которыхъ, конечно, я не ручаюсь, слухи о томъ, что процентъ смертности среди посѣщающихъ этотъ домъ молодыхъ аристократовъ выше средняго.

Аббатъ, съ тонкою улыбкою на бритомъ блѣдномъ лицѣ, сказалъ:

— Когда Красавица приходитъ ко мнѣ въ церковь, она молится слишкомъ усердно. Можно подумать, что она замаливаетъ тяжелые грѣхи. Но я надѣюсь, что намъ не доведется увидѣть ее стоящею на паперти въ шерстяной сорочкѣ кающейся грѣшницы.

Мать, выславши изъ комнаты дочерей, сказала:

— Я не понимаю, что въ ней находятъ привлекательнаго. На нее разоряются, она кокетничаетъ, разбиваетъ сердца юношей, отнимаетъ женіховъ отъ невѣстъ, а сама никого не любитъ. Я не позволяю моимъ милымъ дочкамъ,

Миночкѣ, Линочкѣ, Диночкѣ, Ниночкѣ, Риночкѣ, Тиночкѣ и Зиночкѣ, вести съ нею знакомство. Онѣ у меня такія скромныя, милыя, любезныя, веселыя, привѣтливыя, прилежныя, такія хозяйки, такія рукодѣльницы. И какъ мнѣ ни жаль разставаться съ ними, но, такъ и быть, старшенькую я выдала бы замужъ за такого скромнаго юношу, какъ вы.

Юноша ушелъ поспѣшно. Семь сестрицъ улыбались ему изъ окна, тѣснясь одна за другою. Это было зрѣлище милое и пріятное, но сердце Юноши полно было сладкими, жуткими мечтами о Красавицѣ.

IV.

Старый Ботаникъ привелъ свою дочь въ домъ. Его гнѣвъ смягчился, и хотя онъ до самаго порога не выпускалъ изъ своей руки съ большими костлявыми пальцами сложенныхъ вмѣстѣ тонкихъ рукъ весело улыбающейся Красавицы, но уже онъ не жалъ ихъ такъ больно, и не толкалъ ее такъ грубо. Его лицо было печально. Онъ выпустилъ руки своей дочери, и она сама послушно вошла за нимъ въ его кабинетъ, — огромную, мрачную комнату, стѣны которой были загромождены полками съ множествомъ книгъ, громадныхъ, запыленныхъ.

Ботаникъ сѣлъ въ обитое темною кожею кресло у своего тяжелаго дубоваго стола. Онъ казался усталымъ. Прикрылъ глаза, еще юношески блестящіе, пергаментно-желтою, дрожащею рукою, и укоризненно смотрѣлъ изъ-подъ руки на дочь. Красавица стала на колѣни у его ногъ, и смотрѣла снизу въ лицо стараго Ботаника, и улыбалась нѣжно и покорно. Она стояла прямо, съ опущенными руками, и въ позѣ ея была смиренная покорность, и въ улыбкѣ обольстительныхъ устъ было нѣжное упрямство. Лицо ея казалось

поблѣднѣвшимъ, и казалось, что на губахъ ея зыбко пламенѣетъ безуміе смѣха, и что въ синевѣ ея глазъ затаилось безуміе тоски. Молчала и ждала, что скажетъ отецъ.

И онъ сказалъ медленно, словно съ трудомъ находя слова.

— Милая, что же я слышалъ? Не ждалъ я отъ тебя этого. Зачѣмъ ты это сдѣлала?

Красавица склонила голову, и тихо сказала:

— Отецъ, рано или поздно это же должно совершиться.

— Рано или поздно?— спросилъ отецъ, какъ бы съ удивленіемъ. И продолжалъ:—такъ пусть это лучше совершится поздно, чѣмъ рано.

— Я пламенѣю,—тихо сказала красавица.

И улыбка на ея устахъ была какъ отблескъ знойнаго пыланія, и въ глазахъ ея затаились синія молніи, и ея обнаженныя плечи и руки были, какъ тонкій алебастровый сосудъ, наполненный расплавленнымъ металломъ. Порывисто дышала высокая грудь, и двѣ бѣлыя волны рвались изъ тѣсныхъ объятій ея платья, нѣжный цвѣтъ котораго напоминалъ желтоватую розовость персика. Изъ подъ складокъ недлинной одежды были видны трепетно лежащія на темно-зеленомъ бархатѣ ковра стройныя ноги.

Отецъ тихо покачалъ головою, и сказалъ печально и строго:

— Ты, милая дочь, столь опытная и столь искусная въ дивномъ умѣніи чаровать, оставаясь непорочною, должна знать, что еще рано тебѣ отходить отъ меня, и бросать недовершенный мой замыселъ.

— Но вѣдь этому не будетъ конца?—возразила Красавица.—Они приходятъ вновь и вновь.

— Никто не знаетъ,—сказалъ Ботаникъ,—будетъ ли этому конецъ, и увидимъ ли мы завершеніе нашего замысла, или передадимъ его инымъ поколѣніямъ. Но мы сдѣлаемъ, что можемъ. Вспомни, что сейчасъ долженъ притти къ

тебѣ молодой Графъ. Ты поцѣлуешь его, и дашь ему отравленный цвѣтокъ по его выбору. И онъ уйдетъ, полный сладкихъ надеждъ и трепетныхъ ожиданій, и опять совершится и надъ нимъ неизбѣжное.

Выраженіе покорности и скуки легло на лицо Красавицы. И отецъ сказалъ ей:

— Иди.

Наклонился, поцѣловалъ ее въ лобъ. Красавица прильнула знойно-алыми губами къ его морщинистой, желтой рукѣ, прижалась къ его сухимъ колѣнямъ бѣлою, полуобнаженною грудью, вздохнула, и встала. И вздохъ ея былъ, какъ свирѣльный стонъ.

V.

Черезъ полчаса Красавица, нѣжно улыбаясь, говорила молодому, красивому, надменному Графу, стоя передъ нимъ въ той же одеждѣ среди Сада, у круглой клумбы съ яркими, громадными цвѣтами, отъ которыхъ исходилъ одуряющій ароматъ:

— Милый Графъ, вы хотите очень многаго. Желанія ваши слишкомъ пылки, и слишкомъ нетерпѣливы.

Улыбка ея была нѣжна и лукава, и непорочно-ясные взоры ея съ ласковымъ любованіемъ скользили по стройной фигурѣ молодого Графа, и по его богатому наряду, сшитому модно и красиво изъ самыхъ дорогихъ тканей, и украшенному золотомъ и самоцвѣтными камнями.

— Милая очаровательница,—говорилъ графъ, — я знаю, что ты была холодна ко многимъ, искавшимъ твоей благосклонности. Но ко мнѣ ты будешь болѣе ласкова. Я сумѣю добиться твоей любви. Клянусь честью, я заставлю потемнѣть отъ страсти холодную синеву твоихъ глазъ.

— Чѣмъ же вы, Графъ, стяжаете мою любовь?—спросила Красавица.

Непроницаемо было выраженіе ея прекраснаго лица, и ея голосъ не обличалъ того волненія, которое такъ легко овладѣваетъ дѣвами, когда онѣ слышатъ знойный голосъ внушенной ими страсти. Но самоувѣренный, надменный Графъ не смутился. Онъ говорилъ:

— Отъ предковъ моихъ досталось мнѣ не мало сокровищъ, и я самъ, золотомъ и отвагою, пріумножилъ ихъ. Много у меня драгоцѣнныхъ камней, перстней, ожерелій, запястій, восточныхъ тканей и ароматовъ, арабскихъ коней, шелковыхъ и атласныхъ одеждъ, рѣдкаго оружія, и другого много, чего и перечислить скоро не сумѣю, чего даже не сразу и вспомню. Все я разсыплю у твоихъ ногъ, очаровательница,—рубинами оплачу я твои улыбки, жемчугами твои слезы, золотомъ твои ароматные вздохи, алмазами твои поцѣлуи, и ударомъ вѣрнаго кинжала твою лукавую измѣну.

Красавица засмѣялась. Сказала:

— Еще я не ваша, а уже вы боитесь моей измѣны, и угрожаете мнѣ. Вѣдь я могу и разсердиться на это.

Графъ порывисто склонилъ передъ Красавицею колѣни, и осыпалъ поцѣлуями ея руки, гибкія и стройныя, отъ нѣжной кожи которыхъ подымалось легкое, жуткое благоуханіе.

— Прости моему безумію, очаровательная Красавица,— молилъ онъ, вдругъ забывши всю свою надменность, — любовь къ тебѣ лишаетъ меня покоя, и подсказываетъ мнѣ дикіе поступки и странныя слова. Но что же мнѣ дѣлать! Я люблю тебя больше, чѣмъ мою душу, и за обладаніе тобою готовъ заплатить не только моими сокровищами, не только моею жизнью, но и тѣмъ, что дороже мнѣ жизни и спасенія души,—моею честью!

Красавица сказала очаровательно-ласково:

— Ваши слова тронули меня, милый Графъ. Встаньте. Я не возьму съ васъ непомѣрной платы за мою любовь,— она не покупается и не продается. Но кто любитъ, тотъ долженъ умѣть и подождать. Истинная любовь всегда найдетъ путь къ сердцу возлюбленной.

Графъ поднялся. Изысканнымъ жестомъ онъ оправилъ кружевныя манжеты своего атласнаго зеленаго кафтана, и устремилъ на Красавицу долгій, восторженный взоръ. Глаза ихъ встрѣтились, и непроницаемо по прежнему было выраженіе непорочно-свѣтлыхъ глазъ Красавицы.

Охваченный смутною тревогою, которая въ минуты смертной опасности охватываетъ даже надменныхъ и самоувѣренныхъ, Графъ отошелъ отъ Красавицы. На скамьѣ недалеко лежалъ красиво изукрашенный рѣзьбою дубовый ларецъ. Графъ открылъ его, и съ почтительнымъ поклономъ поднесъ Красавицѣ. Солнечные лучи веселымъ смѣхомъ задрожали на брилліантахъ и рубинахъ діадемы. Казалось надменному Графу, что сіяніе и смѣхъ падаютъ на многоцѣнные камни отъ рдѣющихъ устъ Красавицы. Но улыбка ея была такая же, какъ и раньше, и она любовалась подаркомъ, какъ малоцѣннымъ, хотя и пріятнымъ знакомъ вниманія. Потомъ на мигъ опечалилась легко, отуманилась, и сказала:

— Мои предки были рабами, а вы дарите мнѣ діадему, отъ которой не отказалась бы и царица.

— Очаровательница!—воскликнулъ Графъ,--ты достойна и еще болѣе блистающей діадемы.

Красавица улыбнулась ему привѣтливо, и опять опечалилась легко, отуманилась, и говорила тихо:

— Доля моихъ предковъ — горячія капли крови подъ бичами жестокихъ, а мнѣ—торжественные рубины увѣнчанной радости.

И совсѣмъ, совсѣмъ тихо шепнула:

— Но не забуду.

— Что же вспоминать о давно-минувшемъ!—воскликнулъ Графъ.—Радостны дни свѣтлой юности, а печаль воспоминаній оставимъ старости.

Красавица засмѣялась, отгоняя смѣхомъ грусть, мгновенную, какъ тучка, тающая на лѣтнемъ солнцѣ. Сказала Графу:

— За вашъ прекрасный подарокъ, милый Графъ, я дамъ вамъ сегодня одинъ цвѣтокъ по вашему выбору, и одинъ поцѣлуй. Только одинъ.

Молодой Графъ пришелъ въ такой восторгъ, и выражалъ его такъ стремительно и шумно, что Красавица повторила нѣжно и строго:

— Только одинъ, не болѣе.

И спросила Графа:

— Какой цвѣтокъ хотите вы, милый Графъ, получить отъ меня?

Графъ отвѣтилъ:

— Прекрасная обольстительница, что ты мнѣ ни дашь, за все я буду тебѣ несказанно благодаренъ.

Улыбаясь, говорила Красавица:

— Всѣ цвѣты, которые вы здѣсь видите, милый Графъ, привезены издалека. Они собраны съ большимъ трудомъ и даже съ опасностями. Прилежнымъ уходомъ отецъ мой улучшилъ ихъ форму, и окраску, и ароматъ. Долго изучалъ онъ ихъ свойства, пересаживалъ ихъ, скрещивалъ, прививалъ, и наконецъ достигъ того, что изъ бѣдныхъ, дикихъ, некрасивыхъ полевыхъ и лѣсныхъ цвѣточковъ образовались эти очаровательные, благоуханные цвѣты.

— И самый очаровательный цвѣтокъ—ты, милая Красавица!—воскликнулъ Графъ.

Красавица легко вздохнула, и продолжала:

— Ароматъ ихъ многіе находятъ слишкомъ крѣпкимъ и одуряющимъ. И я замѣчаю, что вы, милый Графъ, блѣднѣете,—мы съ вами слишкомъ долго пробыли среди

этихъ знойныхъ ароматовъ. Я то привыкла, я съ дѣтства надышалась ими, и самая кровь моя пропитана ихъ сладкими испареніями. А вамъ не слѣдуетъ слишкомъ долго стоять здѣсь. Выбирайте скорѣе, какой цвѣтокъ вы хотите взять отъ меня.

Но молодой Графъ настаивалъ, чтобы Красавица сама выбрала ему цвѣтокъ, — онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ ея второго подарка, обѣщаннаго поцѣлуя,—перваго ея поцѣлуя. Красавица посмотрѣла на цвѣты. Лицо ея омрачилось опять легкою тѣнью печали. Вдругъ быстро, словно движимая чужою волею, она протянула руку, столь прекрасную въ ея обнаженной стройности, и сорвала бѣлый махровый цвѣтокъ. Замедлила руку, склонила голову, и наконецъ съ выраженіемъ застѣнчивой нерѣшительности приблизилась къ Графу, и вложила цвѣтокъ въ петлицу его кафтана.

Ароматъ сильный и рѣзкій пахнулъ въ поблѣднѣвшее лицо молодого Графа, и въ томномъ безсиліи закружилась его голова. Равнодушіе и усталость овладѣли имъ. Едва помнилъ себя, едва чувствовалъ, какъ взяла его Красавица подъ руку и увела въ домъ, отъ ароматовъ дивнаго Сада.

Въ одной изъ комнатъ дома, гдѣ все было свѣтло, бѣло и розово, Графъ очнулся. Юношеская свѣжесть вернулась на его лицо, черные глаза его зажглись опять страстью, и онъ снова почувствовалъ радость жизни и буйство желаній. Но уже подстерегало его неизбѣжное. Рука, нагая, стройная, легла на его шею, и ароматный поцѣлуй Красавицы былъ нѣженъ, сладокъ, дологъ. Двѣ синія молніи ея глазъ блеснули близко передъ его глазами, и призакрылись тихою тайною длинныхъ рѣсницъ. Жуткіе огни сладкой боли вихремъ закружились вокругъ сердца молодого Графа. Онъ поднялъ руки, обнять Красавицу,—но съ легкимъ крикомъ она отшатнулась, и, легкая, тихая, убѣжала, оставивъ его одного. Графъ бросился было за нею. Но въ дверяхъ розовой горницы встрѣтилъ его старый Ботаникъ. Язвительна была

улыбка тонкихъ губъ, алою чертою разрѣзавшихъ пергаментно-желтое лицо. Графъ смутился. Съ несвойственнымъ ему замѣшательствомъ, чувствуя во всемъ тѣлѣ странную слабость, простился онъ со старымъ Ботаникомъ и ушелъ.

Жуткіе вихри сладкой боли все быстрѣе кружились вокругъ сердца молодого Графа, когда онъ ѣхалъ домой верхомъ на ворономъ арабскомъ скакунѣ, еле слыша звонкій стукъ подковъ о камни. Все блѣднѣе становилось его лицо. Вдругъ глаза его сомкнулись, рука опустила поводья, и онъ тяжело склонился, падая съ сѣдла. Испуганный конь взвился на дыбы, сбросилъ сѣдока, и помчался. Графа подняли уже мертвымъ, съ разбитою о камни головою. И не знали, отчего онъ умеръ. Дивились,—такой былъ искусный наѣздникъ.

IV.

Настала ночь. Сладко и требожно свѣтила полная луна, ворожа и чаруя лучами холодными, могильно-тихими. Смутнымъ страхомъ полно было сердце Юноши, когда онъ подошелъ къ своему окну. Руки его, захвативъ край желтой занавѣски, долго медлили и колебались, прежде чѣмъ онъ рѣшился неспѣша отвести въ сторону занавѣску. Медленно свиваясь, шуршало желтое полотно, и шелестъ его сходенъ былъ со змѣинымъ еле слышнымъ свистомъ въ лѣсной заросли; и тихо звенѣли и скрежетали о мѣдный прутъ мѣдныя легкія кольца.

Красавица стояла подъ окномъ, и смотрѣла на окно, и ждала. И сердце Юноши дрогнуло, и не могъ онъ понять, страхомъ или восторгомъ томилось его сердце.

Черныя косы Красавицы были распущены, и падали на ея нагія плечи. Рѣзкая тѣнь лежала на землѣ у ея необутыхъ ногъ. Освѣщенная сбоку луною, стояла Красавица,

подобная рѣзкому, отчетливому видѣнію. Складки бѣлой туники были строги и темны. Темна была синева глазъ Красавицы, загадочна была ея неподвижная улыбка. На странной успокоенности ея тѣла и ея одежды тускло поблескивала гладкая матовая пряжка, застегнутая на плечѣ.

Красавица заговорила тихо, и амброю, мускусомъ и туберозою благоухали ея слова, звенящія, какъ тонкія серебряныя цѣпи у зажженнаго кадила.

— Милый Юноша, я люблю тебя. Повинуясь твоему призыву, я нарушила волю моего отца, и пришла къ тебѣ, чтобы сказать: бойся меня и моихъ чаръ, бѣги отъ этого Стараго Города далеко, а меня оставь моей темной судьбѣ, меня, упоенную злымъ дыханіемъ Анчара.

— О, прекрасная!—отвѣчалъ ей Юноша,—ты, которую я едва узналъ, и которая уже для меня дороже моей жизни и моей души,—зачѣмъ говоришь ты мнѣ эти жестокія слова? Или ты не вѣришь моей любви, которая зажглась внезапно, но уже не погаснетъ?

— Я люблю тебя,—повторила Красавица,—и не хочу тебя погубить. Дыханіе мое напитано ядомъ, и прекрасный Садъ мой отравленъ. Тебѣ первому я говорю это, потому что я люблю тебя. Торопись же оставить этотъ Городъ, бѣги отъ этого Сада съ его тлетворною красотою, бѣги далеко, и забудь обо мнѣ.

Упоенный восторгомъ и печалью, сладчайшею всѣхъ земныхъ радостей, Юноша воскликнулъ:

— Возлюбленная моя! Что же мнѣ отъ тебя надо? Не одного ли мгновенія жаждетъ моя душа! Сгорѣть въ блаженномъ пламени восторга и любви, и у сладчайшихъ ногъ твоихъ умереть!

Легкій трепетъ пробѣжалъ по тѣлу Красавицы, и вся она стала, какъ ясная радость зари за бѣлымъ туманомъ.

Торжественнымъ, широкимъ движеніемъ подняла она свои нагія руки, и вся стремилась къ Юношѣ, и говорила:

— О, возлюбленный мой! Такъ будетъ, какъ ты хочешь, и съ тобою умереть мнѣ сладко. Иди же ко мнѣ, въ мой страшный Садъ, и я раскажу тебѣ мою темную повѣсть.

Опять, какъ утромъ, въ рукѣ ея блеснулъ бронзовый ключъ на розовой лентѣ. Засмѣялась,—рѣзво, какъ мальчикъ, отбѣжала назадъ, мелькая на смутно-желтомъ пескѣ дорожки смутною бѣлизною стройныхъ ногъ,—размахнулась быстро и ловко,—и метнула ключъ въ окно. Юноша протянулъ руки, и на лету схватилъ ключъ.

VII.

Тамъ, въ отравленномъ Саду, подъ сѣнью таинственныхъ растеній, гдѣ неживая луна смѣшивала отраву своей тоски съ ядовитымъ дыханіемъ земныхъ злыхъ цвѣтовъ, стояли они, Юноша и Красавица, упоенные восторгомъ и печалью. Они глядѣли въ глаза другъ другу, и Красавица, голосомъ, звенящимъ, какъ хрупкій голосъ клавесинъ, говорила:

— Мои предки были рабами,—но и рабы жаждутъ свободы. Повинуясь повелѣнію господина, одинъ изъ моихъ предковъ совершилъ утомительно долгій путь, чтобы достигнуть пустыни, гдѣ растетъ Анчаръ. Онъ собралъ ядовитую смолу Анчара, и принесъ ее господину. Отравленныя стрѣлы доставили господину не мало побѣдъ. А мой предокъ, надышавшійся злыхъ благоуханій, умеръ. Его вдова задумала отомстить злому роду побѣдителей. Она воровала отравленныя стрѣлы, мочила ихъ въ водѣ, и, какъ многоцѣнное вино, прятала эти настои въ глубокихъ подвалахъ. Каплю настоя вливала она въ бочку воды, и этою водою

поливала пустырь на краю Стараго Города, гдѣ теперь нашъ домъ и этотъ Садъ. Потомъ брала каплю воды со дна этой бочки, вмѣшивала ее въ хлѣбъ, и кормила имъ своего сына. И стала почва этого Сада отравленною, и сыну своему привила она ядъ. И съ того времени весь родъ нашъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, питался ядомъ. И нынѣ въ жилахъ нашихъ течетъ пламенѣющая ядомъ кровь, и дыханіе наше ароматно, но пагубно, и, кто цѣлуетъ насъ, тотъ умираетъ. И не слабѣетъ сила нашего яда, пока живемъ мы въ этомъ отравленномъ Саду, пока мы дышимъ ароматами этихъ чудовищныхъ цвѣтовъ. Сѣмена ихъ привезены издалека,—мой дѣдъ и мой отецъ были вездѣ, гдѣ можно достать злыя и вредныя людямъ растенія,—и здѣсь, въ этой издавна отравленной почвѣ, эти злые, эти пагубные цвѣты раскрыли всю свою гнѣвную силу. Благоухая такъ сладко, такъ радостно, они, коварные, и росу, падающую съ неба, претворяютъ въ гибельную отраву.

Такъ говорила Красавица, и радостно звенѣлъ ея голосъ, и лицо ея пылало великимъ ликованіемъ. Кончила разсказъ, и засмѣялась тихо и не весело. Юноша склонился передъ нею, и молча цѣловалъ ея руки, вдыхая томительное благоуханіе мирры, алоэ и мускуса, вѣявшее отъ ея тѣла и отъ ея тонкой одежды. Красавица заговорила опять:

— Приходятъ ко мнѣ потомки угнетателей, потому что чаруетъ ихъ моя злая, моя отравленная красота. Я улыбаюсь имъ, обреченнымъ смерти, и каждаго изъ нихъ мнѣ жаль, а иныхъ я почти любила, но не отдавалась никогда никому. Только однимъ поцѣлуемъ дарила я каждаго,—поцѣлуи мои были невинны, какъ поцѣлуи нѣжной сестры. И тотъ, кого я цѣловала, умиралъ.

Ужасомъ и восторгомъ, одновременно двумя столь несходными страстями томилась душа смущеннаго Юноши. Но любовь, побѣждающая все, преодолѣвающая даже и томленія предсмертной тоски, побѣдила и нынѣ. Восторженно

простирая къ нѣжной и страшной Красавицѣ трепетныя руки, воскликнулъ Юноша:

— Если въ поцѣлуѣ твоемъ смерть, о, возлюбленная, дай мнѣ упиться неисчислимостью смертей! Прильни ко мнѣ, цѣлуй меня, люби меня, обвѣй меня сладостнымъ ароматомъ твоего отравленнаго дыханія, смерть за смертью вливай въ мое тѣло и въ мою душу, пока не разрушишь все, что было мною!

— Хочешь! Не боишься!—воскликнула Красавица.

Блѣдное въ лучахъ неживой луны, лицо Красавицы стало, какъ матовый свѣточъ, и были трепетны и сини молніи ея печальныхъ и радостныхъ глазъ. Движеніемъ довѣрчивымъ, нѣжнымъ, страстнымъ она прильнула къ Юношѣ, и ея нагія руки обвились вокругъ его шеи.

— Мы умремъ вмѣстѣ!—шептала она. — Мы умремъ вмѣстѣ. Весь ядъ моего сердца пламенѣетъ, и огненныя струи стремятся по моимъ жиламъ, и я вся, какъ объятый великимъ пламенемъ костеръ.

— Я пламенѣю!—шепталъ Юноша.—Я сгораю въ твоихъ объятіяхъ, и мы съ тобою—два пламенные костра, пылающіе великимъ восторгомъ отравленной любви.

Тускнѣла и падала печальная, неживая луна,—и черная ночь пришла, и стала на стражѣ. Тайну любви и поцѣлуевъ, ароматныхъ и отравленныхъ, осѣнила она мракомъ и тишиною. И слушала согласный стукъ двухъ замирающихъ сердецъ, и въ чуткомъ молчаніи сторожила послѣдніе, легкіе вздохи.

Такъ въ отравленномъ Саду, надышавшись ароматами, которыми дышала Красавица, и упившись сладкою ея любовью, жалящею нѣжно и смертельно, умеръ прекрасный Юноша,—и на груди его умерла Красавица, сладкимъ очарованіемъ ночи и любви предавъ свою отравленную, но благоухающую душу.

ПРЕТВОРИВШАЯ ВОДУ ВЪ ВИНО

Молва предшествовала ему, пророку и учителю. Народъ ждалъ чуда. Разсказы о чудесахъ передавались изъ устъ въ уста. Мудрые молчали. Они знали, что народъ не могъ жить безъ чуда.

Малъ и бѣденъ былъ городъ, куда пришелъ учитель въ утро того дня, когда молодая чета праздновала свою свадьбу. Друзья и знакомые сошлись на пиръ. Былъ званъ и учитель, и его мать. Грустенъ былъ учитель, и не веселилъ его пиршественный шумъ. Печально смотрѣли на молодыхъ его очи, потому что онъ зналъ, что домъ ихъ будетъ пустъ.

Онъ зналъ, что домъ ихъ будетъ пустъ...

Уста Невѣсты дрогнули сладкою нѣгою, когда упалъ на нихъ поцѣлуй Жениха...

Онъ зналъ, что домъ ихъ будетъ пустъ...

Кустъ алыхъ розъ началъ осыпаться, пламенѣя усталымъ цвѣтомъ у бѣднаго порога. И, смѣясь, шепталъ коварный искуситель:

— Срывающій розы, бойся острыхъ шиповъ!

Молодые, прекрасные, сидѣли новобрачные во главѣ стола. Земная нетерпѣливая веселость горѣла въ ихъ темныхъ глазахъ. Тихо сказала невѣста учителю,—онъ сидѣлъ рядомъ:

— Учитель, для моей радости сотвори на свадьбѣ моей хорошее и не очень страшное чудо.

— У своего сердца проси чудесъ,—тихо отвѣтилъ ей учитель.

Не поняла его невѣста. Ждала, и молящими глазами, улыбаясь невинною улыбкою счастливицы, просила о чудѣ. И шептала учителю:

— Вѣдь мы знаемъ, что ты дѣлалъ чудеса для другихъ, и даже, когда былъ маленькимъ, дѣлалъ ихъ для своей забавы. Ты дѣлалъ птицъ изъ глины, и онѣ пѣли слаще и звонче соловья, и потомъ ты отпускалъ ихъ на волю, и онѣ улетали.

— Такъ, милая,—сказалъ ей учитель,—мгновенно чудесное явленіе. Вотъ была глина, во тьмѣ и молчаніи лежащая,—и возникла красно-поющая птица,—и уже нѣтъ ея. И твоя радость придетъ къ тебѣ.

Опять ждала. И длился пиръ, шумны были гости, и веселы, и уже все вино было выпито. Требовали вина, и не было его. Мать учителя сказала ему:

— У нихъ нѣтъ вина. Они бѣдные люди. Нехорошо будетъ, если осудятъ ихъ гости, и скажутъ: вотъ была свадьба, и вина не хватило.

Всѣ взоры обратились къ учителю. Онъ всталъ и вышелъ тихо на дворъ къ водоему. Омытый дождемъ, влаженъ былъ мощеный камнемъ дворъ. Вода въ водоемѣ была высока. Послѣднія, рѣдкія капли дождя рябили ея поверхность. Дымно-тусклый свѣтъ смоляного факела дѣлалъ блестяще-багровыми каменные края водоема, а вода казалась тяжелою и черною.

Учитель молчалъ. Изъ дому доносились шумные крики и буйный смѣхъ упившихся, но все еще жаждущихъ гостей. Распорядитель пира стоялъ рядомъ съ учителемъ у водоема, и тамъ же были родители жениха, и нѣсколько дѣвушекъ, подругъ новобрачной. Дѣвушки, изъ скромности, почти совсѣмъ не пили вина: онѣ много плясали на шумномъ пиру, и головы ихъ кружились отъ ихъ пляски и отъ чужого опьяненія.

— Воды здѣсь много,—сказалъ распорядитель пира,—

вина же у нихъ нѣтъ. Но если ты, учитель, захочешь, эта вода обратится въ вино.

— А если я не захочу захотѣть?— спросилъ учитель.

Омрачилось лицо у распорядителя пира, и въ глазахъ его было такое выраженіе, словно онъ услышалъ странныя, ненужныя слова. А юныя дѣвы, подруги новобрачной, воскликали ласково-звенящими голосами:

— Ты захочешь, учитель!

— Покажи намъ чудо!

— Мы еще никогда не видѣли чуда.

— Обрати эту воду въ самое хорошее вино.

И съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣли они на учителя, и на воду, и ждали нетерпѣливо, захочетъ ли учитель показать имъ чудо, и удастся ли оно. И онѣ были похожи на курсистокъ, ждущихъ эксперимента. Учитель медленно и какъ бы съ неохотою погрузилъ руку въ воду. Тяжело заколебалась вода, и красные отсвѣты отъ колеблющагося пламени факельнаго побѣжали по ея поверхности. Казалось, что отъ руки учителя изливается сила, окрашивающая воду, претворяющая ее въ вино.

Зарадовались дѣвы, и засмѣялись весело. Распорядитель пира зачерпнулъ воду ковшомъ, отвѣдалъ ее, и сказалъ:

— Какъ была вода, такъ и осталась водою.

Дѣвы смутились. Учитель спокойно сказалъ:

— Другъ мой, вели слугамъ наполнить чаши этою водою, и нести ее гостямъ. Пусть пьютъ.

Такъ и сдѣлалъ распорядитель пира. Дѣвы же не знали, что имъ думать, и не могли понять, удалось чудо или нѣтъ, или еще надо ждать его. Смущенныя, вернулись въ домъ, и ждали, что будетъ.

Сидящіе за столомъ радостно закричали:

— Вотъ несутъ новое вино!

— Его много,—хватитъ пить до новаго дня.

— Будемъ пить за новобрачныхъ это новое вино, и за учителя.

И болѣе трезвые тихо передавали другъ другу вѣсть, что учитель выходилъ къ водоему, чтобы изъ воды сдѣлать вино.

Пили. Иные хвалили, и думали, что это вино лучше того, которое было въ началѣ пира. Другіе говорили, что вино слишкомъ разбавлено водою. И еще иные смѣялись, и говорили, что это простая вода.

Учитель сидѣлъ и молчалъ.

И вотъ одна изъ юныхъ дѣвъ налила въ свой кубокъ этой воды, подошла къ учителю, и сказала:

— Учитель, скажи мнѣ, вино это или вода.

— Смотри сама, и пей, если хочешь, — отвѣтилъ ей учитель.

— Что же мои глаза! и что же я!—говорила дѣва.—Ангелы стоятъ вокругъ тебя, и оберегаютъ тебя, а я ихъ не вижу. Звѣзды, кружась въ небѣ, поютъ надъ тобою, а я не слышу ихъ гимна. Силы четырехъ стихій стекаются къ тебѣ, и опять изъ тебя истекаютъ дивнымъ потокомъ, а я его не ощущаю. Что же я! Но скажи, и повѣрю.

Учитель сказалъ:

— Пей эту воду съ невинною вѣрою, и твое сердце, творящее чудеса, претворитъ ее въ живое вино, крѣпче котораго нѣтъ на свѣтѣ.

Юная дѣва выпила чашу воды до дна, и великою радостью освѣтилось ея лицо. Пьяная водою какъ виномъ, крѣпкимъ и сладкимъ, она плакала отъ восторга, и восклицала, хваля учителя и пророка, и плясала, кружась и ударяя въ ладони. Упившіеся тупо смотрѣли на ея пляски, и хлопали кое-какъ ладонями, не успѣвая за быстрымъ темпомъ ея круженій.

Распорядитель пира и старые, трезвые гости не понимали, чему радуется упившаяся этою простою водою дѣвушка, и

улыбались ея слезамъ и ея восклицаніямъ. Новобрачные, выпившіе не мало, дремали и посматривали на тяжелый темный занавѣсъ надъ входомъ въ опочивальню: онъ, молодой мужъ, уже почти ничего не видѣлъ и не слышалъ, она, молодая жена, была въ досадѣ на то, что учитель не сдѣлалъ для нея чуда, и на то, что юная подруга ея веселится чему-то въ часъ, когда веселость должна принадлежать только ей.

Она не видѣла чуда, и домъ ея будетъ пустъ.

Учитель тихо оставилъ пиршество, и съ матерью своею удалился въ тотъ домъ, гдѣ его приняли на ночь. Восторженная дѣва шла за ними, и пѣла, и восклицала, и плясала, и, забѣгая передъ учителемъ, падала лицомъ на землю и цѣловала учителю ноги, и опять плясала, и смѣялась, и плакала. Когда закрылась за учителемъ дверь дома, восторженная дѣва съ воплями радости выбѣжала изъ города, и всю ночь лежала на мокрой и теплой травѣ у ручья, и плакала отъ несказанной радости. Сладко и звонко пѣлъ надъ нею соловей, и благоухали бѣлыя и алыя розы, и звѣзды вели надъ нею свой вѣчный хороводъ подъ музыку высокихъ сферъ.

Утромъ вернулась въ свой домъ, навѣки обрадованная и навѣки опечаленная радостью и скорбью, широкими, какъ небесныя высокія сферы. Пророчествовала объ учителѣ и пророкѣ, смѣясь и плача. Говорили о ней:

— Безумная!

Жалѣли. Но и завидовали,—знали, что она видѣла великія тайны и дивныя чудеса, что передъ нею открывалось небо, что съ нею говорилъ Богъ.

А Л Ч У Щ І І І И Ж А Ж Д У Щ І И

„Иные вѣрили и спаслись, иные не вѣрили и погибли,— ранѣе же всѣхъ погибъ самъ очаровательъ".

Ночной гость, романъ леди Эвелины Варвикъ.

За нѣсколько переходовъ отъ города Дамаска крестоносцы раздѣлились на нѣсколько отрядовъ. Они хотѣли достигнуть Дамаска съ разныхъ сторонъ, чтобы такимъ образомъ легче и безопаснѣе овладѣть этимъ богатымъ, крѣпкимъ городомъ. Кромѣ того, раздѣлиться на отряды, идущіе отдѣльно, побуждало ихъ и то обстоятельство, что громадное полчище ихъ на одномъ пути терпѣло недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Было также признано необходимымъ изслѣдовать во всѣхъ направленіяхъ мѣстность, по которой, внезапно проявляясь и также внезапно исчезая, рыскали отважные и коварные сарацыны.

Благочестивый Ромуальдъ изъ Турени и съ нимъ шесть тысячъ шестьсотъ рыцарей, монаховъ и смѣлыхъ горожанъ изъ той же области и изъ другихъ, близкихъ къ ней, отошли далѣе всѣхъ другихъ на востокъ. Шли долго,—дольше, чѣмъ разсчитывали, — и все еще не видѣли конца своего пути.

Далеко вокругъ простерлась безплодная, безводная пустыня. Подъ ногами крестоносцевъ хрустѣлъ мелкій, плотный песокъ, тонкимъ сѣрымъ слоемъ покрывающій твердую, смѣшанную съ известью, глину. Известковыя и мѣловыя скалы кое-гдѣ выставляли изъ-подъ песчанаго слоя свои

острыя ребра. Ни травки вокругъ. Безоблачное небо, яркое солнце.

Были съѣдены всѣ взятые съ собою запасы, была выпита вся вода, — и стали томиться люди голодомъ и жаждою.

— Хоть бы орла въ небѣ подстрѣлить!— сказалъ рыцарь Гвидо, всматриваясь въ пустынную синеву небесъ.

— Да нѣтъ въ небѣ орловъ, — сказалъ зоркій юноша Теобальдъ, — уже давно не видѣлъ я ни въ небѣ, ни на землѣ окрестъ ничего живого.

И вдругъ вскрикнулъ юный Теобальдъ:

— Смотрите, сарацинъ!

Далеко, еле видный среди сѣрой пустыни, маячилъ на свѣтломъ конѣ сарацинъ въ сѣромъ плащѣ. И вдругъ опять вскрикнулъ юный Теобальдъ отъ внезапной боли: стрѣла пробила его горло, — Теобальдъ упалъ, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ.

Сарацинъ исчезъ, скрытый грядою далекихъ скалъ.

Юный Теобальдъ хрипѣлъ, умирая, — и лицо его, за немногія минуты передъ тѣмъ прекрасное и веселое, стало сѣрымъ, какъ безжизненные пески окрестной мертвой пустыни.

Крестоносцы оплакивали недолго смерть юнаго Теобальда,—нельзя было медлить въ этой скудной, зловѣщей пустынѣ, надо было искать вѣрнаго пути къ вожделѣнному Дамаску, или хотя такихъ мѣстъ, гдѣ есть вода и пища, хотя бы и ржавая вода болотъ, хотя бы и скудная пища изъ мяса звѣрей и птицъ, подстрѣленныхъ на бѣгу и на лету, или изъ небольшой на каждаго горсти риса или пшена.

Юнаго Теобальда зарыли въ непривѣтливой почвѣ чахлой пустыни, монахи торопливо отпѣли надъ нимъ погребальныя пѣсни,—и дальше наугадъ пошли благочестивый Ромуальдъ изъ Турени и бывшіе съ нимъ.

Дальше, отъ могилы юнаго Теобальда. Но куда итти? Безслѣдная лежала окрестъ пустыня, легкою покрытая по краямъ мглою, вся безжизненная и сѣрая, — и ничто не возникало въ ея нѣмомъ просторѣ: ни движеніе, ни звукъ. Только порою, вдругъ являясь изъ-за сѣрой скалы, маячилъ далеко быстрый на легкомъ конѣ сарацынъ, выпускалъ стрѣлу, и скрывался такъ же быстро, недостижимый для рыцарскихъ стрѣлъ, зыбкій, лукавый, какъ бы порожденный однимъ изъ тѣхъ злобныхъ демоновъ, которые всегда обитаютъ въ пустынныхъ мѣстахъ, подстерегая неосторожныхъ или слишкомъ отважныхъ путниковъ. И каждый разъ стрѣла сарацына, пущенная съ дьявольскою мѣткостью, поражала на смерть кого-нибудь изъ бывшихъ съ благочестивымъ Ромуальдомъ изъ Турени.

Шли долго, изнемогая отъ усталости, голода и жажды. Когда останавливались гдѣ-нибудь у гряды непривѣтливыхъ скалъ, нерадостенъ былъ отдыхъ, и не возстановлялъ утомленныхъ силъ.

Стали путники роптать на благочестиваго Ромуальда. Говорили ему съ горькою укоризною:

— Что же твое благочестіе и твои воинскія знанія? Сутану ты носишь, и доспѣхи воина одновременно, рыцарь и монахъ, книгамъ и ратному дѣлу обучавшійся много,— что же все это, если завелъ ты насъ въ безводную пустыню, гдѣ скоро уже дьяволы порадуются погибели многихъ, подъявшихъ подвигъ освобожденія великой святыни!

Уговаривалъ и утѣшалъ ихъ Ромуальдъ, какъ могъ, но ропотъ возросталъ.

Когда уже совсѣмъ истомлены были голодомъ и жаждою, злой демонъ той пустыни сталъ мучить и дразнить ихъ лживыми видѣніями. Вдругъ возникали передъ путниками невдалекѣ пальмовыя рощи, и зеленая, сочная виднѣлась трава, и разливалась весело зыбкою, серебрящеюся на солнцѣ полосою радостная вода, и даже казалось путникамъ, что

слышно щебетанье птицъ, снующихъ между зелеными пальмами. Съ воплями восторга, съ молитвенными славословіями бѣжали путники къ зеленѣющей рощѣ,—и вдругъ исчезало очаровавшее ихъ видѣніе. Тамъ, гдѣ только что радовались ихъ очи блеску солнца въ водѣ, и радовались ряби прохладныхъ ея струй по вѣтру, опять только сухой, мелкій песокъ разсыпался подъ ихъ ногами, взвѣянный въ воздухъ тяжестью ихъ бѣга,—и легкая песочная пыль, пахнувшая горько и сухо, дѣлала труднымъ ихъ горячее дыханіе, и траурною пеленою печали заволакивала все окресть.

Другой разъ путники увидѣли городъ. За сѣрою мглою блестѣла бѣлизна стѣнъ и позолота на возвышенныхъ кровляхъ и на узкихъ башняхъ, тусклою свинцовою синевою мерцала ширь полноводной рѣки, и медленно скользили по ней тяжелыя барки и многовесельныя, узкія, длинныя галеры. Передъ крѣпкими городскими стѣнами пестротою яркихъ красокъ переливалось суетливое торжище базара. Казалось путникамъ, что слышатъ они смутный многоголосый гулъ гортаннаго, трескучаго говора сарацынъ, сирійцевъ и евреевъ.

— Дамаскъ, Дамаскъ!—радостно восклицали путники.

И бросались они впередъ, забывая усталость, голодъ и жажду. А иные при этомъ въ изнеможеніи падали поблѣднѣвшимъ лицомъ въ сухой, хрупкій песокъ, и умирали, полные восторга, какъ бы уже достигнувшіе вожделѣннаго города, и насладившіеся всѣми его обильными утѣхами и радостями.

Но опять исчезало въ пыльной мглѣ очаровавшее измученныхъ путниковъ явленіе,—и снова мрачное уныніе овладѣвало ихъ сердцами.

И уже изнемогали слабые, и многіе отставали въ пути, и были многіе убиты, какъ изъ числа отстававшихъ, такъ и изъ числа тѣхъ, которые еще шли за Ромуальдомъ изъ

Турени. И умирали многіе отъ усталости, голода и жажды.

Утромъ, когда багровымъ дымомъ изъ-за мглистыхъ скалъ медленно подымалось солнце, и когда еще гора небесъ была тускло-голубою, собрались около благочестиваго Ромуальда спутники его, и было ихъ шесть тысячъ триста. Роптали, и говорили ему:

— Завелъ насъ въ пустыню, гдѣ мы умираемъ.

— Мы голодны.

— Мы жаждемъ.

И говорили ему монахи:

— Всѣ считаютъ тебя благочестивымъ, но за чей же грѣхъ караетъ насъ Господь? Вотъ, молились бы мы, но ослабѣли руки наши, и не подымаются къ небу, а память наша помутилась, разронила по пустыннымъ пескамъ слова святыхъ молитвъ. Въ пустыню, гдѣ господствуютъ демоны, завелъ ты насъ, отважный Ромуальдъ.

И рыцари говорили ему:

— Побѣдитель на многихъ турнирахъ, вождь искусный, ты велъ насъ, куда хотѣлъ, и мы шли за тобою, и вѣрили въ тебя. Но вотъ въ пустыню завелъ ты насъ, гдѣ господствуютъ демоны и сарацыны. Тантся враждебная сила, не смѣетъ вступить съ нами въ открытый бой,—безславно погубитъ насъ коварные враги наши, демоны и сарацыны. Что же твое искусство и твоя доблесть, благочестивый Ромуальдъ?

И взопило къ нему все множество собравшихся:

— Накорми насъ!

— Напои насъ!

— Покажи намъ дорогу!

Хрипны были голоса вопіющихъ, и безсильная была въ нихъ угроза, и жалкая, изнемогающая мольба.

Поникъ головою благочестивый Ромуальдъ изъ Турени, и думалъ долго. Затихли голоса его спутниковъ, и трепетно ждало все множество ихъ, что скажетъ имъ вождь.

И сказалъ Ромуальдъ:

— Что же вы отъ меня хотите? Что же я могу? Не изъ этого-ли песка, попираемаго ногами вашими, сотворю я вамъ пшено?

Концомъ своего посоха онъ быстро провелъ по песку, и сѣровато-бѣлая поднялась пыль, и покатились, шелестя сухо, легкія песчинки.

Въ толпѣ тогда раздались радостныя восклицанія:

— Изъ песку сотворилъ Ромуальдъ намъ пшено!

— Посрамлены Ромуальдомъ демоны пустыни!

Бросились люди на пересыпающіяся подъ ихъ ногами песчинки, и проглатывали ихъ, какъ пшено. Такъ обмануло ихъ нестерпимое томленіе голода, и казалось имъ, что они насыщаются.

Другіе же видѣли въ пустынѣ только песокъ и камни, и угрюмо молчали, но не унимали тѣхъ, кто принималъ песокъ за пшено, и не спорили съ ними.

И опять приступили къ Ромуальду, и говорили ему:

— Насъ томитъ жажда,—какъ дикій коршунъ, раздираетъ она внутренности наши. Скорѣй дай намъ воды, или погибнемъ мы всѣ до одного.

И сказалъ Ромуальдъ:

— Гдѣ же я найду для васъ воды? Окружаютъ насъ только голыя скалы. Не ударомъ ли посоха по камню изведу я для васъ источникъ воды? Но вотъ, видите, скала не источаетъ воды.

И ударилъ по скалѣ концомъ своего посоха. Тогда люди, обманувшіе свой голодъ небывалымъ пшеномъ, закричали громко:

— Изъ камня извелъ Ромуальдъ ударомъ своего посоха источникъ холодной воды!

— Снова посрамлены Ромуальдомъ коварные демоны пустыни!

Толпясь и толкаясь, приникли къ скалѣ, сухой и сѣрой,—и опять обманули ихъ томленія жажды, и казалось имъ, что они пьютъ воду. А другіе стояли поодаль, и знали, что нѣтъ воды, но не спорили съ тѣми, кто небывалою освѣжалъ запекшіяся уста водою.

И потомъ обманувшіе свой голодъ и свою жажду приступили снова къ Ромуальду, и говорили ему:

— Теперь мы готовы итти къ Дамаску,—веди насъ, указывай намъ дорогу.

Опечаленный сказалъ имъ Ромуальдъ:

— Я не знаю дороги. Или вы хотите, чтобы посохъ мой самъ показывалъ вамъ путь, котораго я не знаю?

Дрожащею отъ слабости рукою бросилъ онъ прочь отъ себя свой посохъ, а самъ сѣлъ подъ скалою, усталые закрывъ глаза.

И спутники его радостно говорили между собою:

— Посохъ благочестиваго Ромуальда изъ Турени укажетъ намъ дорогу.

— Снова посрамлены будутъ Ромуальдомъ злые демоны пустыни.

Юный рыцарь Бертранъ, искусный въ развѣдываніи дорогъ, чуткій къ далекимъ звукамъ, взялъ Ромуальдовъ посохъ, и пошелъ впереди шутниковъ,—тѣхъ, которые желаніемъ чуда обманули свой голодъ и свою жажду. Скоро изъ мглистой дали сверкнули имъ въ глаза золоченыя иглы дамасскихъ минаретовъ,—и подъ стѣнами этого славнаго города соединились они съ другими отрядами крестоносцевъ.

А благочестивый Ромуальдъ изъ Турени и съ нимъ три тысячи триста остались въ пустынѣ, гдѣ господствуютъ демоны и сарацины. И умерли Ромуальдъ и съ нимъ три тысячи триста отъ голода и жажды. Ночью на ихъ трупы

пришли шакалы, привлеченные запахомъ мертвыхъ тѣлъ. Яркое солнце пустыни потомъ выбѣлило кости погибшихъ. Потомъ демоны пустыни, вѣя сухими вѣтрами, долго играли грудою костей,—и стучала кость о кость, и песокъ пересыпался вокругъ нихъ и надъ ними.

СНѢГУРОЧКА

I.

Просятъ дѣти:

— Снѣгурочка, побудь съ нами.

Говоритъ Снѣгурочка:

— Хорошо. Я побуду.

Побыла съ ними. Таетъ. Спрашиваютъ дѣти:

— Снѣгурочка, ты таешь?

Отвѣчаетъ Снѣгурочка:

— Таю.

Плачутъ дѣти.

— Милая, краткое время побыла ты съ нами,—что же съ тобою?

Тихо говоритъ Снѣгурочка:

— Позвали,—пришла. И умираю.

Плачутъ дѣти. Говоритъ добрый:

— И ужъ нѣтъ Снѣгурочки? Только слезы.

Злой говоритъ:

— Лужа на полу,—нѣтъ и не было Снѣгурочки.

И говоритъ намъ тотъ, кто знаетъ:

— Таетъ Снѣгурочка у нашихъ очаговъ, подъ кровлею нашего семейнаго дома. Тамъ, на высокой горѣ, гдѣ только чистое вѣетъ и холодное дыханіе свободы, живетъ она, бѣлоснѣжная.

Дѣти просятся:

— Пойдемъ къ ней, туда, на высокую гору.

Улыбается мать, и плачетъ.

II.

Опять, опять мы были дѣти!

Ждали елки, праздника, радости, подарковъ, снѣга, огоньковъ, коньковъ, салазокъ. Ждали, сверкая глазами. Ждали.

Насъ было двое: мальчикъ и дѣвочка. Мальчика звали Шуркою, а дѣвочку—Нюркою.

Шурка и Нюрка были маленькіе оба, красивые, румяные, всегда веселые,—всегда, когда не плакали; а плакали они не часто, только когда ужъ очень надо было поплакать. Были они лицомъ въ мать.

Хотя ихъ мать звали просто напросто Анною Ивановною, но она была мечтательная и нѣжная въ душѣ, а по убѣжденіямъ была феминистка. Кротко и твердо вѣрила она, что женщины не плоше мужчинъ способны посѣщать университетъ и ходить на службу во всякій департаментъ.

Съ дамами безъидейными Анна Ивановна не знался. Ея подруги, феминистки, считали ее умницею; другія ея подруги, пролетарки, смотрѣли на нее, какъ на кислую дурочку. Но тѣ и другія любили ее.

Ея мужъ, Николай Алексѣевичъ Кушалковъ, былъ учитель гимназіи. Очень аккуратный. Вѣрилъ только въ то, что зналъ и видѣлъ. Къ остальному былъ равнодушенъ. Считалъ себя добрымъ, потому что никогда не подсиживалъ никого изъ сослуживцевъ. Отлично игралъ въ винтъ.

Ученики побаивались Николая Алексѣевича, потому что онъ былъ необыкновенно систематиченъ и послѣдователенъ. Поэтому, хотя онъ преподавалъ русскій языкъ, гимназисты называли его нѣмчурою (нѣмецкаго учителя называли короче-- нѣмецъ).

Приближались святки. Дни были морозны и снѣжны. Шурочка и Нюрочка бѣгали въ саду около ихъ дома, на окраинѣ большого города. Дорожки были расчищены, а

тамъ, гдѣ лѣтомъ трава и кусты, снѣгъ лежалъ высокій.

Мать изъ окна въ гостиной видѣла иногда изъ за высокаго снѣга только красныя, пушистыя шапочки на дѣтяхъ. Смотрѣла на дѣтей, улыбалась, любовалась ихъ раскраснѣвшимися лицами, прислушивалась къ звонкимъ взрывамъ ихъ смѣха и думала нѣжно и радостно:

„Какія у меня красивыя, милыя дѣти“!

Солнце, красное солнце хорошаго зимняго дня свѣтило ярко и весело, радуясь недолгому своему торжеству. Оно поднялось не высоко,—и не подняться ему выше,—стояло близко къ землѣ и къ людямъ, и казалось ласковымъ, добрымъ и свѣтло-задумчивымъ. Розовыя улыбки его лежали, тихія, не слишкомъ веселыя, на снѣгу по землѣ, на пушистыхъ отъ снѣга вѣткахъ, на заваленныхъ мягкимъ снѣгомъ кровляхъ. Отъ этого казалось, что весь снѣгъ улыбается и радуется. И такія забавныя съ кровли свѣшивались розоватыя на солнцѣ ледяныя сосульки.

Забавный міръ дѣтской игры, маленькій садъ, былъ огороженъ съ улицы невысокимъ досчатымъ заборомъ. Слышались за этимъ заборомъ порою шаги прохожихъ по захолодавшимъ мосткамъ, но дѣти не слушали ихъ,—своя была у нихъ игра.

Имъ было тепло, горячая кровь грѣла ихъ тѣла, и мама одѣла ихъ заботливо,—отороченныя мѣхомъ курточки, мѣховыя рукавички, сапожки на мѣху, шапочки изъ мягкаго, какъ пухъ, мѣха.

Бѣгали долго, крича, какъ стрижки. Но однимъ бѣганьемъ веселъ не будешь. Играть!

И придумали игру.

III.

Сперва недолго поиграли въ снѣжки. Потомъ вдругъ сказала Нюрочка:

— А знаешь что, Шурка? Знаешь, что мы сдѣлаемъ?

Шурочка спросилъ:

— Ну, что?

— Мы сдѣлаемъ Снѣгурочку,—сказала Нюрка,—понимаешь, изъ снѣга. Скатаемъ и сдѣлаемъ.

Шурочка опять спросилъ:

— Снѣжную бабу?

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ бабу!—кричала Нюрочка,—мы сдѣлаемъ маленькую дѣвочку, такую маленькую, какъ моя большая кукла, знаешь, Лизавета Степановна. Мы назовемъ ее Снѣгурочкой, и она будетъ играть съ нами.

Шурка спросилъ недовѣрчиво:

— Будетъ? А какъ же она будетъ бѣгать?

— А мы ей ноги сдѣлаемъ,—сказала Нюрка.

— Да вѣдь она изъ снѣга!—говорилъ Шурка.

— А день то сегодня какой?—спросила Нюрка.

— Какой?—спросилъ Шурка.

— Сегодня сочельникъ,—объяснила Нюрка.—Для такого дня она вдругъ побѣжитъ съ нами, и будетъ играть. Вотъ увидишь.

— А и правда,—сказалъ Шурка,—сегодня сочельникъ.

И вдругъ повѣрилъ. Но все еще спрашивалъ:

— А на другой день Снѣгурочка останется?

Нюрка отвѣтила рѣшительно:

— Конечно, останется на всю зиму, и будетъ бѣгать и играть съ нами.

— А весной?—спросилъ Шурочка.

Нюрочка призадумалась. Долго смотрѣла на брата, пріоткрывъ недоумѣнно ротикъ. Вдругъ засмѣялась, и сказала весело,—догадалась:

— Ну, что-жъ весной! Весной Снѣгурочка уйдетъ на высокую гору, и будетъ жить тамъ, гдѣ вѣчный снѣгъ лежитъ, все лѣто будетъ жить тамъ, а зимой опять къ намъ спустится.

И зарадовались, засмѣялись веселыя дѣти.

Шурочка радостно кричалъ:

— Всю зиму будемъ бѣгать съ нею! И мамѣ ее покажемъ. Мама будетъ рада?

Нюрочка сказала серьезно:

— Еще бы! Только не надо будетъ водить ее въ домъ, а то она въ теплѣ растаетъ.

Шурка опять спросилъ:

— А гдѣ же ей спать?

Онъ былъ мальчикъ практичный и разсудительный, весь въ отца.

Нюрочка рѣшила:

— А спать она будетъ въ бесѣдкѣ.

IV.

Дѣти принялись за дѣло. Притихли.

Мать даже обезпокоилась,—что такое, не слышно криковъ и смѣха. Тревожно глянула въ окно,—да нѣтъ, ничего, ребятишки снѣжную бабу лѣпятъ. Успокоилась. Опять сѣла на диванъ, продолжала читать книжку Элленъ-Кей,—очень хорошую книжку.

И ужъ какъ они только ухитрились,—ужъ не помогалъ ли имъ какой-нибудь добрый или злой духъ, искусный въ созиданіи тѣлъ, особенно тамъ, гдѣ замыселъ жадно ищетъ возможности воплощенія?—но Снѣгурочка подъ ихъ быстрыми пальцами выростала, какъ живая. И всѣ черты, самыя тонкія, возникали точно, словно лѣпилась изъ снѣга живая человѣкоподобная душа. Нѣжные снѣжные комья лѣпились одинъ къ другому въ сплошное нѣжное снѣжное тѣло.

Дочитала главу Анна Ивановна, посмотрѣла въ окно,—посреди площадки передъ окнами, гдѣ лѣтомъ цвѣлъ алый шиповникъ, стояла почти совсѣмъ готовая маленькая снѣжная кукла.

„Ловкія у меня дѣтишки,—подумала радостно Анна Ивановна,—кукла выходитъ у нихъ прехорошенькая".

И ей было пріятно вспомнить, что тѣ новые пріемы воспитанія и обученія, которыхъ она придерживалась, даютъ превосходные результаты.

„Искусство въ жизни ребенка играетъ, несомнѣнно, важную роль, и родители,—думала Анна Ивановна,—должны это помнить, и всячески развивать дѣтскую самодѣтельность".

V.

Въ саду Нюрка говорила Шуркѣ:

— Какъ хорошо, что мы взяли самый чистый снѣгъ! Вотъ она какая славная выходитъ!

Шурочка говорилъ разсудительно:

— Еще бы! Вѣдь этотъ снѣгъ прямо съ неба упалъ; онъ чистый.

Съ восторгомъ говорила Нюрочка:

— Ахъ, какая она хорошенькая!

Шурочка сказалъ:

— У нея мордочка похожа на твою рожицу.

Нюрочка весело засмѣялась. Сказала скромно:

— На маму похожа наша Снѣгурочка.

— И ты похожа на маму,—сказалъ Шурочка.

— И ты,—сказала Нюрочка.

Шурочка принахмурился.

— Я больше на папу похожъ,—объявилъ онъ.

Засмѣялась Нюрочка, говоритъ:

— Выдумалъ! Мы оба въ маму. И Снѣгурочка у насъ въ маму.

Смотрѣли, любовались.

— Знаешь,—сказала Нюрочка,—ужъ очень она мягкая.

Потряси-ка эту яблоню, — вотъ тѣ ледышки-висюлечки свалятся, мы изъ нихъ сдѣлаемъ ей ребрышки. А изъ тѣхъ, что посвѣтлѣй, глаза.

Сказано—сдѣлано. Вотъ у Снѣгурочки твердыя ребрышки. Вотъ у Снѣгурочки ясные глазки. А вотъ у Снѣгурочки и бѣлое платьице. А вотъ у Снѣгурочки и бѣлые башмачки. А вотъ у Снѣгурочки и бѣлая шапочка.

Готова Снѣгурочка!

Подбѣжали къ окну, въ стекло стукнули, спрашиваютъ:

— Мама, хороша наша Снѣгурочка?

Мама отвѣчаетъ изъ форточки:

— Хороша. Только у васъ руки зазябли, идите погрѣйтесь.

Дѣти засмѣялись. Но мама зоветъ, надо итти.

— А какъ же Снѣгурочка?—спросилъ Шурка.

— А ей еще рано,—сказала Нюрка,—она еще постоитъ, подумаетъ. Мы придемъ къ ней вечеромъ, позовемъ ее, поиграемъ съ нею.

Побѣжали дѣти домой. Говорили мамѣ:

— Мама, сегодня вечеромъ у тебя будетъ новая дочка Снѣгурочка.

Смѣялась мама, Анна Ивановна. Улыбался папа, Николай Алексѣевичъ: въ сочельникъ онъ не ходилъ въ гимназію; онъ сидѣлъ дома, и читалъ послѣднюю книжку „Русскаго Богатства“.

VI.

Свечерѣло и вызвѣздило. Дѣти опять убѣжали въ садъ. Снѣгурочка стояла. Улыбалась. Ждала ихъ.

Дѣти подошли къ ней тихо.

— Надо ее позвать!—сказалъ Шурочка.

Помолчали. Вдругъ стали робкими.

— Поцѣлуй ее!—сказалъ Шурочка.

— Сначала ты,—сказала Нюрочка.

Шурка посмотрѣлъ на сестру сердито. Сказалъ:

— Вообразила, что я боюсь. А нисколечки.

Подошелъ къ Снѣгурочкѣ, и поцѣловалъ ее прямо въ блѣдныя, красивыя губы.

Оттого ли, что это былъ сочельникъ, ночь святая и таинственная,—оттого ли, что крѣпко вѣрили дѣти въ то, что они сами придумали,—оттого ли, что чародѣйная сказка обвѣяла тихій садъ таинными очарованіями, и влила въ излѣленный дѣтскими руками мягкій и нѣжный снѣгъ непреклонную волю къ жизни, творимой по творческой свободной и радостной волѣ,—но вотъ небывалое совершилось, исполнилось дѣтское неразумное желаніе,—ожила бѣлая Снѣгурочка, и отвѣтила Шуркѣ нѣжнымъ, хотя и очень холоднымъ поцѣлуемъ.

Тихо сказалъ Шурка:

— Здравствуй Снѣгурочка.

Отвѣтила Снѣгурочка:

— Здравствуй.

Пошевелила тоненькими плечиками, вздохнула легонечко, и сама подошла къ Нюркѣ. И Нюрочка поцѣловала ее прямо въ губы.

— О, какая ты холодная!—сказала Нюрочка.

Снѣгурочка тихо улыбалась. Сказала:

— На то же я и Снѣгурка.

Шурочка спросилъ:

— Хочешь съ ними играть, Снѣгурочка?

Снѣгурочка сказала спокойно:

— Ладно, давайте играть.

И побѣжали всѣ трое по дорожкамъ сада. Играли долго. И всѣмъ тремъ было весело, какъ никогда раньше.

VII.

Накрыли на столъ вечеромъ,—пить чай. Дѣти заигрались въ саду. Мама позвала ихъ,—не шли. Только веселые слышались въ саду голоса. Тогда Николай Алексѣевичъ сказалъ:

— Пойду-ка я самъ, возьму да и приведу ихъ.

— Надѣнь пальто,—сказала Анна Ивановна.

— Ну, я въ одну минуту, — сказалъ Николай Алексѣевичъ,—развѣ только шарфъ.

Укуталъ шею шарфомъ, надѣлъ теплую, мѣховую шапку, всунулъ ноги въ глубокія калоши, и вышелъ въ садъ. Съ крыльца крикнулъ:

— Ребятишки, гдѣ вы? Чай пить, живо!

Съ веселымъ смѣхомъ бѣжали дѣти по дорожкѣ. Разбѣжались, промахали мимо, и было ихъ трое.

Николай Алексѣевичъ сошелъ въ садъ. Крикнулъ:

— Дѣти, это вы съ кѣмъ играете?

Дѣти повернули обратно; подбѣжали къ нему. Николай Алексѣевичъ увидѣлъ прелестную маленькую дѣвочку, бѣленькую, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ,—и удивился ея легкому, не по сезону костюму: юбочка легонькая и коротенькая, башмаки лѣтніе, чулочки коротенькіе, колѣночки голенькія.

Николай Алексѣевичъ спросилъ:

— Откуда эта дѣвочка? Дѣти, ведите ее скорѣе домой, вы ее совсѣмъ заморозите.

Дѣти, перебивая другъ друга, звонкими радостными голосами кричали:

— Это—Снѣгурочка.

— Это—наша Снѣгурочка, папа.

— Наша сестреночка.

— Мы ее сами сдѣлали.

— Изъ снѣга.

— Изъ самаго чистаго снѣга.

— Она будетъ играть съ нами.

— Всю зиму!

— А весной уйдетъ на высокую гору!

Николай Алексѣевичъ слушалъ ихъ съ недоумѣніемъ и досадою. Ворчалъ:

— Глупыя фантазіи.

Сказалъ:

— Ну, живо въ комнаты. Ты совсѣмъ озябла, малюточка? Да ты откуда?

Бѣлая дѣвочка сказала:

— Я — Снѣгурка. Я изъ снѣга.

Нетерпѣливо сказалъ Николай Алексѣевичъ:

— Пойдемте же грѣться.

Взялъ Снѣгурочку за руку.

— Совсѣмъ заморозили вашу гостью,—говорилъ онъ,— и откуда вы ее взяли? Руки у нея, какъ ледъ.

Повелъ Снѣгурочку.

Тихо сказала Снѣгурочка, упираясь:

— Мнѣ туда нельзя.

И дѣти кричали:

— Папа, оставь ее здѣсь.

— Она переночуетъ въ бесѣдкѣ.

— Въ комнатѣ она растаетъ.

Но Николай Алексѣевичъ не слушалъ дѣтей. Онъ взялъ холодную Снѣгурочку на руки, и внесъ въ комнаты.

VIII.

— Смотри-ка сюда, Нюточка!—крикнулъ Николай Алексѣевичъ женѣ, входя въ столовую, — какая-то дѣвочка въ одномъ платьицѣ. Наши сорванцы совсѣмъ ее заморозили.

Анна Ивановна воскликнула:

— Боже мой! Дѣвочка! Вся холодная. Скорѣе къ камину.

Дѣти въ ужасѣ кричали:

— Мамочка! Папочка! Что вы дѣлаете! Снѣгурочка растаетъ! Это—наша Снѣгурочка.

Но взрослые всегда воображаютъ, что они все знаютъ лучше. Посадили Снѣгурочку въ широкое мягкое кресло передъ каминомъ, гдѣ весело и жарко пылали дрова.

Николай Алексѣевичъ спрашивалъ:

— У насъ есть гусиное сало?

— Нѣтъ, — сказала Анна Ивановна.

— Я схожу въ аптеку, — сказалъ Николай Алексѣевичъ, — надо потереть ей носъ и уши, они совсѣмъ побѣлѣли отъ мороза. А ты, Нюточка, закутай ее пока потеплѣе.

Ушелъ. Анна Ивановна отправилась въ свою спальню за теплымъ чѣмъ-нибудь,—закутать Снѣгурочку.

Шурка и Нюрка стояли, и растерянно глядѣли на Снѣгурочку. А Снѣгурочка?

Что-жъ, Снѣгурочкѣ понравилось. Она сидѣла на креслѣ, глядѣла въ огонь, и улыбалась, и таяла.

Нюрка кричала:

— Снѣгурочка, Снѣгурочка! Спрыгни съ кресла, мы отворимъ тебѣ двери, бѣги скорѣе на морозъ!

Тихонько говорила Снѣгурочка:

— Я таю. Уже не могу я уйти отсюда, я вся истаяла, я умираю.

Текли потоки воды по полу. Въ глубокомъ креслѣ быстро тая, осѣдала маленькимъ снѣжнымъ комочкомъ бѣлая, нѣжная Снѣгурочка. И гдѣ ея ручки? растаяли. И гдѣ ея ножки? растаяли. — Слабый еще разъ раздался нѣжный голосокъ:

— Я умираю!

И уже только груда тающаго снѣга лежала на креслѣ.

IX.

Заплакали ребятишки,—громкій подняли вой.

Пришла Анна Ивановна съ теплымъ одѣяломъ. Спросила:

— Гдѣ же дѣвочка?

Плача говорили дѣти:

— Растаяла наша Снѣгурочка.

Вернулся Николай Алексѣевичъ съ гусинымъ саломъ. Спросилъ:

— Гдѣ же дѣвочка?

Плача говорили дѣти:

— Растаяла.

Сердито говорилъ Николай Алексѣевичъ:

— Зачѣмъ вы ее отпустили!

Увѣряли дѣти:

— Она сама растаяла.

Большіе и малые смотрѣли на остатки талаго снѣга и на потоки воды, и не понимали другъ друга, и упрекали другъ друга:

— Зачѣмъ посадилъ къ огню Снѣгурочку?

— Зачѣмъ отпустили дѣвочку, не согрѣвши?

— Злой папа, погубилъ нашу Снѣгурочку!

— Глупыя дѣти, что вы говорите нелѣпыя сказки!

— Растаяла Снѣгурочка!

— Снѣгу-то сколько натащили!

Плакали маленькіе, а большіе то сердились, то смѣялись.

И не было Снѣгурочки.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ЗАДОРЪ. Этотъ разсказъ былъ напечатанъ въ журналѣ „Сѣверъ", 1897 годъ, № 21, 25 мая. Сначала онъ составлялъ главу романа „Тяжелые сны", гдѣ говорилось о дѣтскихъ воспоминаніяхъ Логина.

СОЕДИНЯЮЩІЙ ДУШИ. Напечатанъ въ газетѣ „Народное Хозяйство", 1906 годъ, № 19, 6 января, и потомъ въ сборникѣ разсказовъ „Истлѣвающія личины".

НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО. Въ журналѣ „Петербургская Жизнь" (приложеніе къ газетѣ „Новости"), 1896 годъ, № 198, 18 августа.

ПРЕВРАЩЕНІЯ. Въ журналѣ „Воскресенье", 1904 годъ, № 1, 4 января.

ПРИЗЫВАЮЩІЙ ЗВѢРЯ. Въ журналѣ „Золотое Руно", 1906 годъ, № 1, и потомъ въ книгѣ „Истлѣвающія личины".

ЗА РѢКОЮ МЕЙРУРЪ. Въ литературно-научномъ приложеніи къ газетѣ „Наша Жизнь", 1906 годъ, № 5—6, 18 февраля, и № 7—8, 26 февраля, и потомъ въ книгѣ „Истлѣвающія личины". И въ газетѣ, и въ книгѣ этотъ разсказъ печатался подъ названіемъ „Дикій богъ". Въ настоящемъ изданіи печатается со значительными измѣненіями.

ОТРОКЪ ЛИНЪ. Въ журналѣ „Вѣсы", 1906 годъ, № 2, и въ книгѣ „Истлѣвающія личины". И въ журналѣ, и въ книгѣ подъ названіемъ „Чудо отрока Лина".

МИЛЫЙ ПАЖЪ. Въ журналѣ „Вѣсы", 1906 годъ, № 8. Печатается теперь со значительными измѣненіями и сокращеніями.

ГОЛОДНЫЙ БЛЕСКЪ. Въ газетѣ „Рѣчь", 1907 годъ, № 171, 22 іюля, и потомъ въ сборникѣ разсказовъ „Книга разлукъ".

КОННЫЙ СТРАЖНИКЪ. Въ газетѣ „Утро", 1907 годъ, № 8, 25 сентября.

ПЕРИНА. Въ журналѣ „Русская Мысль", 1907 годъ, № 10.

ОБЫСКЪ. Въ сборникѣ „Новое Слово", Москва, 1908 годъ, книга 3.

ОТРАВЛЕННЫЙ САДЪ. Въ журналѣ „Бодрое Слово", 1908 годъ. № 1, октябрь, и потомъ въ сборникѣ разсказовъ „Книга очарованій". Тема заимствована изъ разсказа Натаніеля Готторна „Ядовитая красота", и изъ стихотворенія А. С. Пушкина „Анчаръ".

ПРЕТВОРИВШАЯ ВОДУ ВЪ ВИНО. Въ журналѣ „Вѣсы. 1908 годъ, № 10, и въ „Книгѣ очарованій".

АЛЧУЩІЙ И ЖАЖДУЩІЙ. Въ газетѣ „Слово", 1908 годъ, № 650. 14 декабря, и въ „Книгѣ очарованій".

СНѢГУРОЧКА. Въ газетѣ „Рѣчь", 1908 г. № 318, 25 Декобря. Тема заимствована изъ разсказа Натаніеля Готторна „Снѣжная кукла".

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Задоръ 9
Соединяющій души 27
Ничего не вышло 43
Превращенія 51
Призывающій звѣря 63
За рѣкою Мейруръ 75
Отрокъ Линъ 95
Милый пажъ 109
Голодный блескъ 125
Конный стражникъ 139
Перина 157
Обыскъ 165
Отравленный садъ 175
Претворившая воду въ вино 201
Алчущій и жаждущій 209
Снѣгурочка 219

Примѣчанія 233

Ц. 1 р. 25 к.

1196 4

79

BINDING SECT. MAY 12 1970

PG
3470
T4
1909
t.11

Teternikov, Fedor Kuz'mich
Sobranie sochinenii

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY